

Сергей Куликов
Пленник времени

Сергей Куликов

Пленник времени

«Издательские решения»

Куликов С.

Пленник времени / С. Куликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506782-1

В одну из летних ночей в горах Северного Тянь-Шаня появился таинственный зелёный луч. Двое друзей решают выяснить природу загадочного луча. Во время исследования ниши, откуда предположительно появлялся зелёный луч, внезапно вместе с нишей исчезает один из друзей. Прошло более сорока лет, но надежда выволить друга из неизвестного плена не пропала.

ISBN 978-5-00-506782-1

© Куликов С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	81
Глава 12	93
Глава 13	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пленник времени

Сергей Куликов

© Сергей Куликов, 2019

ISBN 978-5-0050-6782-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В одну из летних ночей, в горах Северного Тянь-Шаня, появился таинственный зелёный луч. Двое друзей решают выяснить природу загадочного луча. Во время исследования ниши, откуда, предположительно, появлялся зелёный луч, внезапно, вместе с нишей, исчезает один из друзей. Прошло более сорока лет, но надежда вызволить друга из неизвестного плена, не пропала.

Некоторые специфические термины, встречающиеся в тексте:

Морена – скопление не сортированного обломочного материала, переносимого или отложенного ледниками.

Бергшрунд – подгорная трещина, отделяющая верхнюю часть ледника от скал.

Контрфорс – в альпинизме и горном туризме – небольшое, боковое ребро горной вершины или горного хребта.

Трикони – крепкие горные ботинки, к подошвам которых прикреплено винтами или скобами около полутора десятка железных накладок с шипами.

Перкаль – относится к группе технических тканей. Применяют при изготовлении парашютов, текстолита и т. д. В 60-70-х годах, из этого материала изготавливали палатки для горных восхождений.

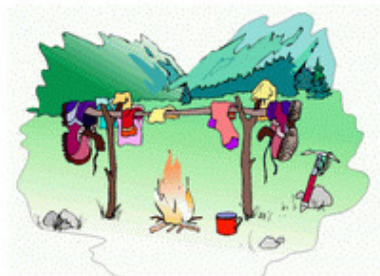
Камуфлет – разрыв артиллерийского снаряда, мины, авиационной, ядерной бомбы под землей, без образования воронки.

Серпантин – извилистая горная дорога или тропа.

Горный цирк – гигантские природные чаши, похожие на арены и окруженные горными вершинами.

Арча – высокогорный можжевельниковый кустарник

Глава 1

Всегда, когда он возвращался из командировок или отпуска в родной город, искал глазами знакомые очертания гор. Горы были неотделимы от него самого. Он вырос у подножья этих гор, и с раннего детства в просвете между деревьями видел огромные, по детским меркам, со снеговыми шапками горные пики. Особенно ему нравилось разглядывать горы утром, из иллюминатора самолёта. Бывало, что дорогу в родной город приходилось преодолевать на машине или поезде. Но и тогда прелесть возвращения волновала душу и сердце. Вот и сейчас после длительного отсутствия, по воле судьбы пролетело более 25 лет, самолёт, разрывая облака, приближался к его любимым горам. Как и раньше, самолёт заходил на посадку с запада и, пролетая через весь город, позволял любоваться прекрасной панорамой гор с правого борта. Прижавшись к стеклу иллюминатора, он до боли в глазах разглядывал горный хребет, вспоминая каждую вершину по имени. Хотя после стольких лет, по всей видимости, многие вершины переименовали, но он помнил их старые названия, и они остались в его памяти. Самолёт опускался всё ниже и ниже, а горы росли прямо на глазах и становились такими же большими, какими он их помнил с детства. Как только самолёт коснулся колёсами взлётно-посадочной полосы, из-за вершин выглянуло солнце, приветствуя его в родном городе.

Новый аэропорт Алматы

Новый аэропорт поразил его своим великолепием. Выстроенный на месте сгоревшего старого здания, он представлял собой современную архитектуру, гармонично вписывающуюся в ландшафт. Без проблем пройдя паспортный контроль и таможенный досмотр, он уже через двадцать минут выходил из аэропорта. Его никто не встречал. Родных не было, а старые друзья,

если ещё и были живы, ничего не знали. О своём прилёте в родной город он никого не извещал. Взяв такси, он направился в высотную гостиницу, что возвышалась над всем городом в центре. Номер на последнем этаже с видом на горы он заказал ещё за неделю до прилёта по телефону. Оформив необходимые формальности в регистратуре гостиницы, на лифте поднялся в свой одноместный люкс. И правда, из окна открывалась прекрасная панорама гор. Утренние облака рассеялись, снежные вершины засияли белизной под лучами солнца. Около часа он стоял и всё смотрел, и смотрел на горы. Воспоминания нахлынули какой-то тёплой, непонятной волной. Потерев лицо руками, разгоняя воспоминания, прошёл в ванную и умылся прохладной водой. «Надо переходить к реальности, у меня же ещё столько дел», – подумал старик и стал распаковывать свой багаж. Стариком его назвать это было, конечно, лишним. На старика он сильно и не смахивал, так пожилой мужчина, крепкого телосложения, вот только волосы были белые, которые и придавали ему большое сходство со стариком. Седым он стал больше тридцати лет назад, потом за ним на работе и в кругу друзей прочно укрепилась прозвище «старик» за эти самые седые волосы.

Весь багаж состоял из нового, современного рюкзака, ёмкостью литров на 75 и весом около 20 килограмм, как положено для полётов на авиарейсах, и незатейливого дипломата. Аккуратно разложив вещи во встроенном шкафу, поставил туда же рюкзак. Он хотел поставить дипломат в небольшой сейф, который был вмурован в стену внутри шкафа, но дипломат не поместился. Тогда старик вытащил из него документы, кое-какие бумаги и всё это положил в сейф, закрыл его, а ключи положил в карман брюк. С того времени, как пассажиров кормили в самолёте, прошло уже около шести часов. Пора было подумать и о том, где бы можно было бы нормально пообедать. Проще, конечно, спуститься в ресторан при гостинице, который уже работал, но его в ресторан что-то не тянуло. Выйдя на улицу, старик пошёл по знакомым, и в то же время ставшими совсем чужими, улицам. Увидев надпись: «Пельменная», он спустился в тёмный полу-подвальчик, где было достаточно уютно. Взяв две порции пельменей и стакан десертного вина, с удовольствием пообедал. Побродив ещё около двух часов по тенистым улицам города, он вернулся в свой номер. После длительного полёта и прогулки по городу, старик почувствовал усталость. Захотелось прилечь и просто выспаться, тем более что непривычное за столько лет отсутствия, среднегорье давало о себе знать. Все необходимые звонки и посещение нужных организаций решил оставить до утра. Опустив жалюзи на окнах так, чтоб дневной свет не мешал спать и, повесив на дверную ручку снаружи табличку: «Не беспокоить», через 10 минут уже спал крепким здоровым сном. До летнего солнцестояния оставалось ещё неделя.

Сорок лет назад

Турбаза «Озеро Иссык» 1963 год

Турбаза «Озеро Иссык» находилась в живописнейшем ущелье гор Заилийского Алатау. До 7 июля 1963 года здесь было красивейшее горное озеро, по своей красоте нисколько не уступающее знаменитому озеру Рица на Кавказе. Но природная катастрофа уничтожила эту замечательную жемчужину гор. Мощный селевой поток в считанные часы разрушил то, что около 10 000 лет назад создала другая природная стихия, землетрясение. После селя все постройки, которые в основном уцелели, были отданы в распоряжение турбазы, и теперь турбаза значительно увеличила свои мощности и возможности. Дикие туристы, практически, перестали появляться в этих местах, поскольку от города было достаточно далеко, да и дорога к озеру местами была размыта. В довершении ко всему в самом верху посёлка Иссык на дороге, ведущей к озеру, поставили шлагбаум. Без специального пропуска, въезд был запрещён. Да и проехать можно было только на грузовой машине. Плановых туристов в день заезда, забирали на автостанции посёлка Иссык и на специально оборудованном грузовике ГАЗ-53, доставляли туристов на турбазу. За летний сезон турбаза принимала около двух тысяч плановых туристов. Маршруты были различной категории сложности, от некатегорийных маршрутов, до пятой категории включительно. В СССР таких турбаз было единицы.

– Инструкторы, Горин и Кулаков, срочно пройдите в методкабинет. Вас вызывает старший инструктор! Повторяю... – из репродукторов на всю турбазу раздался голос радиста.

– Генка, чего ему надо?

– Пойдем, послушаем. Может это по поводу заезда на 845 маршрут. Нас же с тобой определили на него, а заехало только два человека, а должно было быть 20.

Генка Кулаков и Антон Горин, нехотя поднялись с импровизированного пляжа остатка озера и стали подниматься по тропинке. В методическом кабинете их уже ожидал старший инструктор Чернаков и ещё двое парней, по всей видимости, захватившие на 845 маршрут.

– Проходите ребята, садитесь. Это наши инструктора: Горин Антон и Кулаков Геннадий, – Чернаков представил их двум парням, – а это тоже инструктора туризма, приехали на сборы руководителей горных сложных путешествий, короче – на 845 маршрут. Файзуллин Рахим, из Таджикистана, с турбазы «Алагирь» и Алов Пётр, с «Золотого Бора», Кокчетавской области. Мне только что позвонили из Областного Совета по Туризму и сказали, что больше никого на этот заезд не ждать. Какая-то неразбериха получилась с распределением путёвок на этот маршрут. Следующий заезд только через 10 дней, а с двумя участниками, какие могут быть сборы? Я уже с товарищами переговорил, и они согласны подождать до следующего заезда, временем они располагают.

Чернаков встал из-за стола и подошёл к схеме гор Северного Тянь-Шаня. Схема была большая и занимала почти всю стену. На схеме пунктирными линиями различных цветов были обозначены все маршруты турбазы, которые затейливыми нитками петляли по левой, восточной части схемы.

– Так вот, ребята. Для того, чтобы вы время даром не теряли, я тут с начальником спасательной службы Игорем Белавиным посоветовался, и мы решили, что вы четверо можете сходить на разведку нового перевала для 845 маршрута. Руководители сборов хотят повысить сложность маршрута. Надо найти перевал в верховьях реки Чин-Тургень, это вот в этом месте, – Чернаков указкой обозначил район на схеме, – Я там уже бывал, года два назад. Мы с ребятами, инструкторами, после окончания сезона по традиции совершали путешествие по четверке, для зачёта на спортивный разряд. И с той, и с другой стороны, там очень сложный рельеф. Поднимались на вот этот безымянный перевал, но спуститься с него мы не смогли. Вертикальные скалы с северной стороны, метров двести. Пришлось возвращаться через перевал «Оранжевый». Я думаю, что есть в этих местах проход, надо всё хорошенько разведать. От турбазы недалеко, за двое суток через перевал «Оранжевый» подойдёте с южной стороны к этому цирку, а там по обстоятельствам, два-три дня на полную, детальную разведку. В общем, семь суток вам будет достаточно. Потом немного отдохнёте, а там и новый заезд примите.

Старшим группы назначаю Кулакова Геннадия, он уже бывал в том районе и через «Оранжевый» пару раз ходил, так что не совсем вслепую пойдёте.

– Валерий Георгиевич, а когда нам выходить? – спросил Горин, – сегодня уже вечер, а ребята ещё снаряжение не получили.

– Я уже распорядился, можете прямо сейчас в пункт проката сходить и получить всё, что надо, и на складе сухой паёк тоже получите. А утром, после завтрака, можете и отправляться. Всё понятно? Ну, давайте, знакомьтесь ближе, и за дело.

На следующее утро после завтрака, четверо снаряжённых инструкторов обошли остатки озера Иссык, и по крутой тропе в левом логу стали, не спеша, подниматься. Часа через четыре они уже были на перевале «Выпускников», с которого, как на ладони, были видны все окрестности озера, сама турбаза и израненное селевым потоком русло реки до самого посёлка Иссык. С перевала, тропинка метров через сто, разделилась на две. Одна плавно стала спускаться на старую морену, поросшую лесом, а другая, так же плавно, но уже вверх к леднику. Там, где тропинка разделилась, журчал небольшой родничок с чистой прохладной водой. Инструктора расположились на небольшой полянке между камней, развели костёр и сварили незатейливый обед.

– Как здесь хорошо, тихо, – произнёс Рахим.

– Да, лишь ручеёк журчит, небольшая речушка из этого ручейка только километров через пять появится из-под морены. Вниз по тропе с нашей турбазы водят туристов, в основном школьников, по маршруту первой категории сложности. Там места прекрасные, чуть позже, в конце июля, в августе, ягод, грибов полно, – сказал Генка и пошёл к родничку мыть свою чашку.

– Сейчас надо решить, мы тут останемся или ещё выше поднимемся под перевал. Если мы поднимемся повыше, то завтра с утра часа два можем сэкономить. Перед самым ледником на морене, есть небольшие площадки с мелкими камешками, почти как песок. Палатки три можно поставить, в прошлом году я поднимался к леднику и заметил эти площадки. Думаю, что за это время с ними ничего не случилось. Ледник маленький, поэтому движется не очень быстро. Это на моренах больших ледников рельеф меняется каждый месяц, – сказал Антон и посмотрел вверх, куда шла небольшая тропка по зелёному альпийскому лугу и заканчивалась метров через 700 около нагромождения камней молодой морены.

– А что ребята, может действительно, махнём вверх, время ещё есть, завтра на перевал пораньше поднимемся. Будет больше времени оглядеться. Ведь перевал ещё новый, сами же говорите, что через него ещё никто не ходил, – поддержал идею Антона Пётр.

– Я не против этого, – промолвил Рахим.

– Я тоже, – от родника прокричал Генка.

На том и решили. Не торопясь, собрали рюкзаки, привязав репшурами по вязанке дров поверх рюкзаков, и пошли по пологой тропинке вверх, к нагромождению камней. Не прошло и двух часов, как они уже были около небольшого ледника. Действительно, около самого ледника там, где из-под него выбегал небольшой ручеёк, который метров через 30 нырял под морену, была небольшая площадка, где могли бы поместиться палатки две, а то и три. Цирк, где четвёрка инструкторов остановилась на ночлег, завораживал своей красотой. С запада и с юга, на высоту с полкилометра, поднимались отвесные скалы, кое-где ледник, как бы цепляясь за скалы, поднимался почти до самого гребня. Только с восточной стороны склон был не такой крутой, но практически состоял из мелкой осыпи и кое-где большими белыми пятнами лежал снег.

Через пару часов стемнело. Сумерки в горах очень короткие. Напившись горячего чая, наговорившись вдоволь у маленького костерка, друзья стали укладываться спать. Вечер был тихим и звёзды на небе сияли, как алмазы на чёрном бархате. Всё говорило о том, что на этой высоте ночью будет достаточно прохладно, можно сказать, даже холодно.

Выдалось ясное утро. На востоке, небо начинало светлеть, когда наши друзья вылезли из палатки и стали ворошить угольки вчерашнего костра. Заваленное камнями кострище ещё хранило тепло и удалось достаточно быстро развести костёр, на котором уже через десять минут начинал закипать котелок с водой.

– Ну, что? Кашу заварим или чайком обойдёмся? – спросил Генка.

– Да давайте чай покрепче заварим, у нас ещё хлеб достаточно свежий есть, да колбаса копчёная, – предложил Антон.

– Я не возражаю, – из палатки прокричал Рахим.

– Конечно, чего время тратить на всякие каши, ещё успеют надоесть, – буркнул Пётр.

После завтрака сборы заняли немного времени. Часа через два, преодолев с огромным трудом мелкую, подвижную осыпь и пару снежников, группа из четырёх человек была уже на перевале «Оранжевый». По прямой до перевала было метров 500—600, но, нарезая серпантин на крутом подъёме, это расстояние увеличилось раз в пять, а, то и больше. Высота давала знать, всё-таки 4000 метров над уровнем моря.

– А почему этот перевал назвали «Оранжевый»? – немного отдышавшись, спросил Рахим у Генки.

– Сейчас будем спускаться с перевала, и ты потом глянь в его сторону, увидишь огромную запятую из оранжевых камней до самого перевала. Видимо из-за этого его так назвали, – ответил Кулаков.

Спуск с перевала Оранжевый

– Да, интересный перевал, посмотрите на тропу, которая осталась после нас! Там же под мелкой осыпью, натёчный лёд! – почти прокричал Пётр.

– То-то я и смотрю, что это мои трикони не держат на склоне, всё время куда-то соскальзывают, – Антон наклонился и расчистил немного следы на осыпи.

– Ладно, пошли дальше, нам ещё и трудный спуск преодолеть надо. Хотелось бы к обеду до речки дойти. Там есть немного арчи, обед нормальный сделаем, – Генка вложил записку в банку и прикрыл её камнями небольшого тура. – Поехали! – и, взвалив свой рюкзак на плечи, начал осторожный спуск с перевала.

Спуск с перевала, действительно, оказался сложным и крутым. С этой, юго-восточной стороны, склон состоял уже из средней осыпи. Но осыпь была такая живая, что из-под ног постоянно срывались камни и летели вниз, увлекая за собой и другие камни, временами вызывая небольшие камнепады. Как и на подъёме приходилось идти зигзагами для того, чтобы сорвавшиеся камни не попали в людей. Спустившись с гребня на морену, ребята подошли к небольшому снежнику, у края которого была лужица чистой, прозрачной воды. С этой сто-

роны перевала ледника не было, только местами белели небольшие снежники, которым было суждено через пару недель исчезнуть до сентября, когда вновь на этой высоте заметут метели.

– Вот, посмотри Рахим, видишь какая огромная оранжевая запятая, почти до самого перевала? За эту запятую и прозвали этот перевал «Оранжевый», – ледорубом в сторону перевала показал Кулаков.

– Да, теперь понятно почему, – с этими словами Рахим достал бинокль и стал рассматривать перевал и весь цирк, в котором они сейчас находились.

Напившись чистой, холодной воды, группа из четырёх человек двинулась дальше, но путь по морене был несколько не легче спуска с гребня. Естественно, что никаких тропинок здесь не было, а крупные обломки скал приходилось преодолевать с трудом. Да и по камням средней величины, которые шевелились под ногами, идти было не очень просто. Дойдя до края морены, опять пришлось спускаться с довольно крутого склона. Прошло два часа с того момента, когда ребята начали спускаться с перевала, а конца пути по камням ещё не было видно. Где-то далеко внизу зеленела трава, но до неё ещё надо было идти и идти. Время уже приближалось к обеду, когда откуда-то снизу, стал слышен шум реки.

– Всё пришли, – выдохнул Кулаков, – здесь переночуем. Только я что-то сомневаюсь, что здесь можно набрать сухого арчевника. Надо спуститься ниже. Там вдоль реки, по течению, я знаю, есть арчевник. Сейчас передохнём, а потом наберём дров. Нам ещё дров набрать надо хотя бы на две ночёвки. Там вверху, куда мы пойдём, вообще ничего нет.

Достаточно большая площадка возле речки, была покрыта альпийскими цветами, травой и высокогорными колючками, которые были покрыты таким нежным пушком, что думать о том, что это колючки, просто не хотелось. Пётр с Генкой пошли вниз за дровами, а Антон с Рахимом стали заниматься обустройством лагеря. Через полчаса Пётр и Генка принесли огромную охапку сухой арчи. Проблема с топливом на ближайшее время была решена. Наступило время самых коротких ночей, но всё равно, часов с 10 вечера и до пяти утра стояла темнота. Однако Луна, которая в это время находилась в стадии полнолуния, поднялась над горами и освещала горы серебристым светом. Друзья просидели за разговорами около небольшого костра часов до 11 вечера и пошли в палатку, чтобы немного передохнуть перед завтрашним днём. На завтра предстоял небольшой переход, часа на два, а потом разведочные маршруты из цирка, который им надо было исследовать. Утро следующего дня было превосходным. Наши друзья не спешили и поэтому встали, немного позднее, чем предполагали, но это не помешало им оперативно собраться и начать подъём по реке Улькен-Тургень. Через пару часов они уже были на морене перед небольшим ледником. Здесь выбрали площадку для палатки и стали основательно обустраиваться на ночлег. Им предстояло, как минимум, провести в этом месте пару ночёвок. Так как день был не очень напряжённый, после небольшого отдыха и обеда, решили сделать радиальные выходы на разведку перевалов в сторону турбазы «Озеро Иссык». Антон и Рахим пошли к ярко выраженному понижению в горном хребте, а Геннадий и Пётр, вправо по хребту от этого понижения, к небольшой, пологой вершине. Вечером за ужином обменялись мнениями, по поводу своих разведок. Получалось, что с перевала, который со стороны наших путешественников был достаточно пологим, с другой стороны был, практически, непроходимым. С северной стороны были отвесные скалы, метров по двести и никаких альтернативных путей не было видно. У Геннадия с Петром, как раз наоборот, после восхождения на вершину, открылся путь, для спуска в ущелье, ведущее как раз туда, где начинался подъём на перевал «Оранжевый» со стороны турбазы «Озеро Иссык».

Обмениваясь впечатлениями о проделанных разведывательных маршрутах, сошлись на варианте того, что будущий маршрут целесообразней сделать через вершину, которую предварительно назвали «Связной». Уставшие друзья завалились спать, когда было ещё не совсем темно, а полная Луна поднялась над хребтом.

Утром за завтраком, Антон попросил у Рахима бинокль и стал пристально рассматривать что-то в юго-западной, в самой верхней части цирка, где находился в данный момент их лагерь.

– Чего ты там высматриваешь? – спросил Генка, – там для плановых маршрутов слишком сложный рельеф, даже для 845.

– Да нет! Я не маршрут высматриваю, – отмахнулся Антон.

– А чего тогда прилип к окулярам? На, лучше чайку попей! – и Пётр протянул Антону кружку с крепким, душистым чаем.

– Вы знаете мужики, сегодня ночью я вылез из палатки по нужде, и в той части цирка, куда сейчас смотрю, увидел неширокий, но мощный луч зелёного цвета. Вот и хочу разглядеть, что же это такое было.

– А может, тебе всё причудилось спросонья? – ехидно заметил Генка.

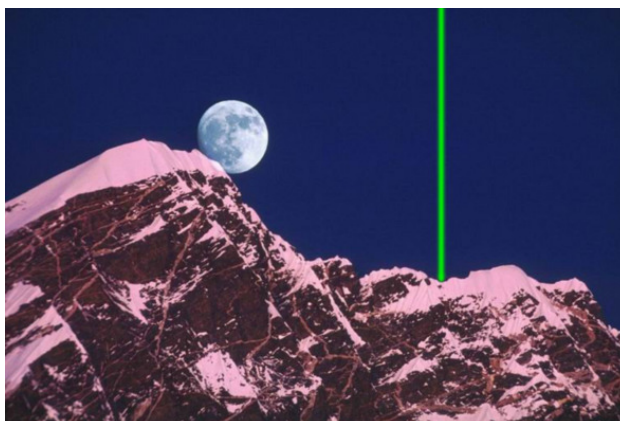
– Не думаю, – вполне серьёзно ответил Антон, – я минут двадцать наблюдал это свечение. Такой тонкий луч и уходил куда-то в небо. В этот момент Луна как раз за хребтом скрылась, и луч стал ещё ярче. Я хотел было вас поднять и показать, а тут всё внезапно исчезло, но я приметил, откуда примерно это свечение исходило. Вот сейчас и разглядываю, может что-то и обнаружу.

– Ну, если это там, куда ты смотришь, то это километра два по прямой, хоть бинокль и 10-ти кратного увеличения, вряд ли ты чего-то там разглядишь, – заметил Рахим.

– Мне тоже так кажется, но очень я заинтересовался этим странным, уходящим в небо, зелёным лучом, – не отрываясь от бинокля, промолвил Антон, – и ещё, мне кажется, что вижу, какую-то маленькую пещерку вон у тех скал, что немного выше небольшого ледника.

– Да это бергшрунд! – слегка прищурившись, глядя в ту же сторону, что и Антон, возразил Генка.

– Нет, бергшрунд левее и чуть ниже, а пещерка прямо под скалами, к которым протянулась вон та осыпь, которая справа от ледника. Там нет бергшрунда, с ледника сразу на осыпь и к скалам, в бинокль хорошо всё видно, – настаивал на своём Антон.

Зелёный луч

– Хочешь, давай сбегает туда, да и всё на месте посмотрим. Я думаю, часа за два налегке можно добраться без всяких проблем, – предложил Генка.

– Да, но нам сегодня надо ещё раз просмотреть и сделать маркировку будущего маршрута через вершину, – с досадой проговорил Антон, всё ещё не отрываясь от бинокля.

– Антон, да за это ты не беспокойся, я с Рахимом поднимусь на «Связной» и отмаркируем маршрут. Заодно и посмотрим, какой с той стороны вершины спуск, – сказал, молчавший до сих пор Пётр, – а ты с Генкой сбегай, да посмотри, что там тебя так заинтересовало, может ещё, и вон тот перевальчик разведаете, что левее этих скал, – рукой показал Пётр.

– А может и правда, Генка, сбегает? – загорелись глаза у Антона, – не даёт мне покоя этот зелёный свет! Что-то здесь не так!

– Ну, тогда давай собираться, время уже семь часов, а послезавтра нам надо быть уже на турбазе, так что день у нас в запасе есть, – сказал Генка и полез в палатку собрать в дорогу немного еды.

– Ребята, а вы тогда на «Связной», вот тут немного краски, сделайте, пожалуйста, маркировку. Завтра мы через эту вершину и махнём прямо на турбазу, – обратился Антон к Петру с Рахимом.

– Проблем нет, сделаем! – коротко ответил Пётр и тоже стал бросать в пустой рюкзак, кое-что из продуктов.

Не прошло и двадцати минут, как две группы по два человека, стали расходиться в разные стороны от палатки. Пётр с Рахимом стали подниматься на гребень в северо-восточном направлении, а Антон с Геннадием пошли по леднику в юго-восточную часть цирка. Часа через полтора, Антон и Генка уже прощупывали ледорубами живую осыпь, которая была под теми скалами, откуда, предположительно, в ночное небо уходил зелёный луч. Преодолев осыпь и метра три не слишком крутого скального участка, двое друзей очутились в странной, скальной расщелине. Создавалось ощущение, что скалу вначале разрубили каким-то огромным топором сверху вниз, а потом под углом градусов в 45, нанесли второй удар, очищая, таким образом, эту огромную скальную зарубину от лишних камней. Обе поверхности скал и отвесная, и наклонная были гладкими, чуть ли не отшлифованные до блеска. Наклонная часть скалы имела длину около 10-ти метров и в высоту метров 6—7. Отвесная часть, была размером такая же. Только в нижней части, прямо посередине, имела пещеру. Вход в пещеру был в виде правильного полукруга, высотой около двух метров. Не удивительно, что, глядя на эти скалы снизу, пещеры не было видно, её закрывала от ненужных взоров наклонная часть скалы. Друзья с удивлением переглянулись, и стали медленно приближаться к пещере.

При беглом внешнем осмотре пещеры, сразу стало понятно, что пещера образовалась не под воздействием всевозможных природных факторов. Ровные и гладкие края входа, без всяких трещин, говорили сами за себя. Пещера была искусственная! Неглубокая, скорее даже не пещера, а ниша, диаметром около трёх метров, похожая на камуфлет от небольшого ядерного заряда. Ниша имела форму параболического зеркала, направленного на гладкую поверхность наклонной скалы. По полированной внутренней поверхности ниши, через равные промежутки времени, сверху вниз, совершенно бесшумно пробегала волна, наподобие электрического заряда. Только цвет был зеленоватый. Создавалось впечатление, что кто-то невидимый протирал поверхность зеркала от пыли и грязи.

Антон шагнул внутрь, сделал пару шагов и замер. На гладкой поверхности ниши появилось его огромное отражение, как это и бывает обычно в вогнутых зеркалах. Антон сделал шаг назад, и обернулся в сторону Генки. Огромное отражение Антона в этот момент, осталось неподвижным. В первые мгновения, когда Антон вошёл внутрь ниши, отражение шевелилось и увеличивалось в размерах, а потом замерло, глядя большими глазами Антона на обоих друзей.

– Антон! Выходи скорей оттуда! – закричал Генка, – Здесь что-то не так! Давай быстро!

Антон прыгнул к выходу и наткнулся на невидимую преграду. От удара о преграду он упал, быстро поднялся и вновь уперся во что-то. Отражение в этот момент усмехнулось и опять замерло. Оно смотрело на то, как Антон тщетно пытался выбраться из ниши. Генка протянул другу руку, но рука наткнулась на что-то тёплое и не очень твёрдое. Антон с другой стороны тоже протянул руку, и их руки, казалось, должны были соприкоснуться, но тонкая, прочная, невидимая стена, не давала им соединиться.

Глава 2

Старик проснулся в холодном поту. Ему опять приснилось огромное отражение Антона, которое не мигая, смотрело на него. Сколько раз, за все эти долгие годы, ему снился один и тот же сон и в ушах стоял крик Антона: «Вернись сюда в это же время! Они мне...». За окном ещё было совсем темно и вставать, заниматься какими-то делами, не имело смысла. Поэтому старик прикрыл глаза и начал вспоминать то, что произошло четыре десятилетия назад.

Он хорошо помнил, что после того, как исчез вход в нишу и полированная каменная стена превратилась в обыкновенную скалу, но без трещин и очень ровную, он ещё целый час пытался обследовать это заколдованное место. Всё было безрезультатно. Только две каменные скалы, одна вертикальная, а другая противоположная вертикальной, с наклоном градусов в 45, были совершенно гладкими, но уже не казались отполированными до зеркального блеска. Со скал, как будто, содрали глянec, но на ощупь они оставались гладкими и тёплыми, хотя тучи после полудня затянули небо и скрыли солнце. Стало прохладно, можно сказать, даже холодно, но в расщелине между скал было безветренно и тепло.

Когда Генка пришёл к палатке, Пётр и Рахим варили обед. На вопрос: «А где Антон?», – Генка только махнул рукой, давая понять, что всё расскажет и объяснит, но не сразу.

А дальше были объяснения и со старшим инструктором, и начальником спасательной службы, которые смотрели на Генку сочувственно, но не верили ни одному его слову. А потом ещё хуже, милиция, прокуратура, бесконечные вопросы, на которые не было ответов. Генка уже сотый раз рассказывал следователю прокуратуры всё то, что произошло там в горах, когда в кабинет вошёл человек, лет под сорок и поздоровался за руку со следователем и Генкой.

– Сотрудник органов государственной безопасности, Виталий Алексеевич Сорокин, – представил Генке вошедшего в кабинет человека, – следователь прокуратуры.

– Поскольку дело не совсем обычное, то им заинтересовались соответствующие службы, – просто начал Виталий Алексеевич, – мы уже ознакомились со всеми вашими объяснениями по этому поводу, – кивнул он Генке.

– Вся документация, на основании этого постановления, должна быть передана нам, – с этими словами Виталий Алексеевич положил перед следователем прокуратуры, вынутое из папки, которую он держал в руке, постановление.

– Слава Богу! Виталий Алексеевич, я с такими делами встречаюсь впервые и честно говоря, даже рад тому, что вы забираете у меня это дело, – с радостью произнёс следователь и стал спешно собирать бумаги.

– Геннадий Петрович, вы завтра с утра оденьтесь по-походному и подъезжайте часикам к 7 утра в Комитет, я вас буду ждать на проходной. Мы завтра на вертолётё полетим в горы. Вы нам должны показать место, где всё произошло.

– Да, но вертолёт там не сядет, – возразил Генка.

– Вот поэтому и полетим вместе, сядем, где получится, а дальше пешком. Когда-то в молодости любил бродить по горам, а потом работа эту охоту отбила. С удовольствием прогуляюсь, – улыбнулся Сорокин.

На следующее утро Генка ровно в 7 часов утра был на проходной. Сорокин разговаривал с кем-то по внутреннему телефону. Он был одет в спортивный костюм, а в руках держал совсем новенькую штормовку. У ног лежал небольшой рюкзак. Увидев Генку, Сорокин положил телефонную трубку, протянул руку и поздоровался.

– Всё, Геннадий Петрович, поехали! Нас в аэропорту уже ждут. Машина на улице, – коротко сказал Сорокин уже на ходу, поднимая с пола рюкзак.

Через полчаса, въехав на территорию аэропорта, «Волга» остановилась около одного из вертолётёв, возле которого стояло пять мужчин и о чём-то весело разговаривали.

– Здравствуйтесь ребята! – Со всеми поздоровался Виталий Алексеевич, – Всё загрузили? – получив утвердительный ответ Сорокин скомандовал – Полетели!

По одежде Генка определил, что трое мужчин – члены экипажа вертолётё и ещё двое, которые были одеты наподобие Сорокина и Генки, скорее всего, были коллегами Виталия Алексеевича.

– Куда летим? – спросил Сорокина один из членов экипажа. Скорее всего, это был штурман, поскольку в руках он держал развёрнутую карту.

– А это нам сейчас молодой человек подскажет. Геннадий Петрович, вы разбираетесь в топографических картах?

– Обижаете, Виталий Алексеевич, я же всё-таки инструктор горного туризма и в картах разбираться обязан! – с обидой ответил Генка.

– Ладно, ладно, не обижайтесь, это я так, на всякий случай спросил, – и Сорокин расстелил карту на коленях у Генки.

– Ух ты! Какая карта! Километровая, что ли? Раньше никогда не видел таких подробных карт. Мы, в основном, пользуемся схемами, которые на самом деле не соответствуют действительности, – с восхищением, глядя на карту, произнёс Генка.

– Вы покажите, хотя бы приблизительно район, куда надо лететь, – попросил штурман.

– Почему приблизительно? Нам надо вот сюда! – и Генка, не сомневаясь, ткнул пальцем в карту.

– Всё понятно! – Штурман собрал карту и начал что-то говорить пилоту вертолётё.

Минут через 40, вертолёт уже кружил над горным хребтом в том районе, куда и направлялась эта небольшая экспедиция.

– Вот она эта скала! Видите, как будто скала разрублена топором! – стараясь перекричать шум мотора, крикнул Генка.

– Понятно! – прокричал Сорокин и надел наушники с микрофоном, чтобы договориться о дальнейших действиях с пилотом вертолётё.

Пока Сорокин переговаривался с пилотом, вертолёт сделал ещё пару кругов вокруг скалы, выискивая место для высадки людей. Наконец-то облюбовали небольшую площадку, метрах в трёхстах от цели полёта. Конечно, приземлить вертолёт на такую крохотную, не приспособленную площадку, было опасно, да и высота около 4000 метров, делала попытку приземления очень рискованной. Решили зависнуть над площадкой, посадить Сорокина, его двух

сотрудников и Генку, вместе с грузом, а сам вертолёт, отправить километра на два вниз по ущелью, где найти площадку для приземления, не составляло труда. Там вертолёт, вместе с экипажем, и будет дожидаться возвращения всех участников экспедиции.

Стояла вторая половина августа. Вершины и горные хребты уже припорошились снегом, однако скала, к которой направлялись наши путешественники, чётко вырисовывалась на бело-снежном фоне. На высадку десанта ушло около трёх минут, и вертолёт сделав крутой вираж, полетел вниз, искать площадку для посадки.

– Извините, Геннадий Петрович, что я вам не представил своих сотрудников, но вам это и ни к чему. Скорее всего, что вы с ними никогда и не столкнетесь. Они не местные, и после исследования интересующих нас скал, отбудут к месту своей службы, – как бы извиняясь, сказал Виталий Алексеевич.

– Да мне, как-то всё равно, – равнодушно ответил Генка.

До скалы, от места высадки, добрались минут за 10. По неглубокому, жёсткому снежному насту, идти было легко, как по ступенькам. Дойдя до расщелины между скал, четверо мужчин остановились и сняли рюкзаки.

– Не понял, – произнёс Сорокин, – сейчас температура воздуха не выше, чем +5, и солнце ещё ничего не успело нагреть, откуда такое тепло? Геннадий Петрович, покажите, пожалуйста, где был вход, как вы утверждаете в нишу и, хотя бы примерные её размеры. Ну, там, высота, ширина, – и протянул Генке кусок мела.

Генка постоял, подумал минуту, другую и обрисовал контур входа в предполагаемую нишу.

– Всё, Геннадий Петрович, большое вам спасибо, теперь вы можете быть свободным. Я имею в виду, что можете спускаться вниз, к вертолёту, и там нас подождать. Погода прекрасная, на небе ни облачка. Мы, как только управимся, тут же спустимся к вам. Да вон он, вертолёт, уже на полянке стоит, совсем недалеко, – выглянув из-за скалы, показал вниз рукой, Виталий Алексеевич.

– Да-да, я не заблужусь, – пробормотал Генка, хотя ему было очень интересно понаблюдать, что же всё-таки будут делать со скалами сотрудники государственной безопасности.

Ещё раз, потрогав гладкую, тёплую поверхность скал, Генка, с тяжёлым вздохом, начал спускаться вниз, к вертолёту. Вертолёт сверху был хорошо виден, он стоял на зелёной полянке и издали напоминал стрекозу, присевшую отдохнуть на зелёный листок. Эта была та зелёная

ровная полянка, на которой почти два месяца назад стояла палатка четырёх друзей и с которой ночью Антон видел странный зелёный луч.

Часам к пяти вечера к вертолёту спустился Сорокин с двумя молчаливыми сотрудниками. Загрузив рюкзаки, в которых явно позвякивали какие-то приборы, вертолёт медленно поднялся и взял курс на аэродром.

В аэропорту, Сорокин и Генка сели в ту же «Волгу», что привезла их утром, а двое неразговорчивых сотрудника погрузили свои рюкзаки на багажную тележку и остались что-то ждать. Действительно, Генка никогда их больше не видел, и ничего о них не слышал. Когда подъехали к Комитету, Сорокин провёл Генку в свой кабинет, достал из сейфа какой-то бланк и предложил Генке ознакомиться с ним и подписать.

– Геннадий Петрович, эта просто расписка о неразглашении любой информации, касающейся исчезновения вашего друга Антона Горина, – пояснил Виталий Алексеевич, – больше никаких объяснений по этому делу, от вас требовать не будут ни в прокуратуре, ни в милиции. Соответствующее постановление мы им вышлем. Вы так же не должны обсуждать эту тему со своими родственниками, друзьями, коллегами по работе. Тема эта закрыта, и напрямую связана с безопасностью нашей страны. Если произойдёт утечка информации по вашей вине, вы будете привлечены к ответственности, со всеми вытекающими последствиями. Вам всё понятно? – с улыбкой спросил Сорокин, – если да, то подпишитесь вот здесь, внизу.

– А дату тоже проставить? – спросил Генка.

– Да-да, конечно! А теперь пойдёмте, я вас провожу. Просто так из нашего ведомства вас не выпустят, – опять с приятной улыбкой сказал Виталий Алексеевич.

Глава 3

Старик встал с кровати и подошёл к окну. Поднял жалюзи, стал любоваться рассветом. В южных широтах утренний рассвет и вечерние сумерки коротки. Очертания гор уже были видны на фоне тёмно-синего неба, которое с каждой минутой светлело всё больше и больше. И вот в какой-то миг, солнце ударило в снежные пики гор. Хотя диск самого солнца ещё не был виден, но чувствовалось, что оно вот-вот выглянет из-за горной цепи. Дождавшись, когда солнце поднимется над горами во всей красе, старик прошёл в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Ни в милицию, ни в прокуратуру, Генку больше не вызывали. В Областном Совете по туризму вопрос о лишении инструкторского удостоверения и спортивной дисквалификации, как-то сошёл на нет. Сразу, после исчезновения Антона об этом только и говорилось, будто дисквалификация могла помочь найти пропавшего. Потом было решение отложить рассмотрение дела до выяснения всех обстоятельств и никаких штрафных санкций не применять. По всей вероятности, здесь сработало постановление Комитета Государственной Безопасности.

Антон был воспитанником детского дома. Во время войны его трёхлетнего, привезла какая-то женщина из западной части СССР, где шли жестокие бои. Кто была эта женщина, и куда потом делась, никто понятия не имел. Антона же определили в детский дом. В записке, найденной в его рваном пальтишке, было написано только: «Антон Владимирович Горин, 1941 г.р.» и больше ничего. Так потом его и зарегистрировали.

После армии Антон пристроился работать на турбазе «Озеро Иссык». В летний сезон работал инструктором, а в межсезонье: и дизелистом, и сторожем, и дворником. Одним словом, мастером на все руки. Небольшая своя комнатка, да питание в столовой при турбазе, а больше ему ничего и не требовалось. После исчезновения Антона только директор турбазы вздыхал, когда надо было что-то сделать по хозяйству, да Генка никак не мог забыть друга. Остальным же не было никакого дела до того, куда запропастился Антон. Хотя Генка и был постарше Антона лет на пять, но на дружбе это никак не отражалось. Когда Генка в летний сезон приезжал на турбазу поработать инструктором, то всегда просил старшего инструктора,

чтобы вторым инструктором к нему ставили Антона. Так несколько сезонов они в паре и работали.

Незаметно прошла осень, а затем и зима, которая была на удивление тёплая и мягкая. К началу марта на пригорках, под ласковым весенним солнцем, появились подснежники. Всё и все радовались приходу весны, только Генка Кулаков был всё время хмурым и задумчивым. За две недели до открытия летнего сезона, во второй половине мая, Генка взял отпуск без содержания на 4 месяца, благо существовало Постановление Совета Министров о предоставлении инструкторам альпинизма и туризма таких отпусков, и уехал на турбазу. Подготовка к приёму туристов велась полным ходом, но в основном это касалось хозяйственников. Перед инструкторским составом стояла другая задача. Необходимо было промаркировать новый плановый маршрут второй категории сложности через перевал «Оранжевый». Кулаков об открытии нового маршрута узнал ещё где-то в марте, когда на Президиуме в Республиканском Совете решались организационные мероприятия на предстоящий летний сезон.

Группу инструкторов из 12 человек для маркировки нового маршрута, возглавил старший инструктор турбазы Чернаков. В группу, кроме старшего инструктора, вошли ещё трое опытных инструкторов: Кулаков, Омаров и Савелов. Остальные 8 человек были стажёры, которых после окончания школы инструкторов при Областном Совете по туризму, направили для стажировки на турбазу «Озеро Иссык». Перед тем, как получить удостоверения «Инструктор горного туризма», им предстояло совершить тренировочный поход и, как минимум, две недели стажировки под руководством опытного инструктора.

Перевал Оранжевый

Хотя зима была мягкая и не очень снежная, в долинах и в горах снега выпало достаточно много. Во второй половине мая выше 3000 метров над уровнем моря, всё ещё лежал снег. Правда, южные склоны, пригретые майским солнышком, были свободны от снега ещё и выше. В связи с этим было принято решение маркировать маршрут в обратном направлении, начиная с более низких перевалов, а «Оранжевый» пройти самым последним. Тем более что подъём на «Оранжевый» перевал предстоял, с другой стороны. Его южный склон к тому времени уже был бы окончательно свободен от снега.

На шестой день похода, после четырёх утренних переходов по 50 минут каждый с 10 минутным отдыхом, группа инструкторов подошла к развилке ущелий. На большой, уже зелёной лужайке, недалеко от речки разбили лагерь. Не было ещё и 12 часов дня. Эта была та самая полянка, на которой год назад, после спуска с перевала «Оранжевый», останавливалась группа Кулакова в поисках нового перевала для маршрута 845. Отсюда хорошо просматривалась огромная оранжевая запятая на фоне серой осыпи. Своей верхней частью запятая упиралась в перевал «Оранжевый».

– Сегодня полдня отдыха, – объявил Чернаков.

– Валерий Георгиевич, а можно я в соседнее ущелье сбегаю? Я налегке быстро, туда и обратно? – спросил Генка.

– Делать там тебе нечего! – отрезал Чернаков.

– Ну, Валерий Георгиевич, я же там уже был, не заблужусь! – продолжал настаивать Генка.

– А ну-ка, пойдём к реке, вон там хорошие камушки, посидим, поговорим, – и Чернаков начал спускаться к речке. Генка пожал плечами и пошёл вслед за Чернаковым.

– Так вот, Геннадий Петрович, – начал Чернаков, когда они удобно устроились на камнях у самой воды, – ты думаешь тебя одного таскали в милицию, прокуратуру, а потом ещё и КГБ? Нет, дорогой! Меня тоже трясли, думаю, не меньше твоего, из-за пропажи Горина. Тоже светила дисквалификация, да ещё и к уголовной ответственности обещали привлечь. Забудь про это ущелье! С меня подписку в КГБ взяли, что ни один турист, ни один инструктор с нашей турбазы, больше не сунется в это ущелье. Никаких разведывательных, ни плановых маршрутов, в этом районе не делать. Этот вот маршрут, с грехом пополам, кое-как смог пробить. Видите ли, слишком близко от запретной зоны мы его пускаем. Я, конечно, понимаю твоё стремление попасть опять на то место, где исчез Антон, но сейчас я тебе разрешить не могу. Допустим, за Омарова и Савелова я ручаюсь, что они никому не проболтаются, а вот стажёров я ещё толком не знаю, хотя мы уже неделю вместе. Может быть, кого-то из них специально к нам на турбазу прислали, чтоб были глаза и уши у соответствующих органов. Не проси Генка! Нам с тобой неприятности не нужны. Я и к речке тебя позвал, чтоб здесь поговорить, подальше от чужих ушей. Потерпи дорогой, у тебя ещё будет возможность туда попасть, я тебе обещаю, но не сейчас.

– Жалко, мы рядом, когда ещё такая возможность будет, – с горечью сказал Генка, – да, ладно, что уж теперь.

– И, пожалуйста, на будущее, когда будешь по этому маршруту туристов вести, не ходи туда, очень тебя прошу. Подожди какое-то время, поутихнет всё, а там глядишь и появится возможность. Могу дать только один совет, если хочешь всё-таки побывать там, то сделай так, чтобы об этом никто не знал, даже я. Но только не в этом году. У меня такое чувство, что этот горный цирк под постоянным контролем. Начиная с апреля я каждый день вижу пролетающий вертолёт в этих местах. В одно и то же время, где-то около часа дня. Да, вон смотри, вертолёт, лёгок на помине, с востока заходит. Сейчас сделает пару кругов над цирком и на юго-запад улетит.

– Спасибо, Валерий Георгиевич, что предупредили. Действительно сейчас соваться туда нет никакого смысла. Подожду лучших времён, – обречённо вздохнул Генка.

– Ну, и прекрасно, хорошо, что ты меня понял. Пошли, кажется, уже на обед зовут, – улыбнулся Чернаков.

В этом году Кулакову так и не пришлось больше побывать рядом с заколдованным горным ущельем. Чернаков всё время ставил Генку на иссык-кульские маршруты, мотивируя это тем, что таких опытных инструкторов как Генка, у него очень мало, а маршруты эти сложные. После третьего подряд похода на Иссык-Куль, Генка попросился на более лёгкий маршрут, чтоб хоть немного передохнуть, в тайне надеясь, что его определят на новый, на тот, который они маркировали в мае. Чернаков же буквально воспринял просьбу Генки и дал ему группу туристов с «Бригантины». Так в шутку называли тех туристов, которые по каким-то причинам, в основном по здоровью или возрасту, не могли идти в сложный поход и оставались на турбазе. С каждого заезда таких туристов набиралось человек 10—15. Но на турбазе их не оставляли, поскольку каждые три дня был новый заезд туристов, или возвращались из похода. Места для туристов на самой турбазе были строго ограничены и всё было заранее спланировано. Поэтому туристов с «Бригантины» снабжали снаряжением, выдавали сухой паёк и выводили в ближайшее ущелье, километра за три-четыре от турбазы, где был разбит лагерь из брезентовых пала-

ток. 7—8 дней, под присмотром инструктора и стажёра, такие туристы делали небольшие радиальные прогулки по окрестностям.

После «Бригантины», Генка взял расчёт и уехал в город. Следующий летний сезон, Кулаков пропустил. В начале мая он поменял место работы и сразу же брать длительный отпуск без содержания было как-то неудобно. Ещё и с коллективом толком не познакомился, да и с новым начальством по этому поводу разговаривать не хотелось. К тому же и по дому надо было кое-что сделать, накопились дела. В общем, летний сезон обошёлся без Генки. Осенью, когда уже все турбазы закрылись, в Областном Совете по туризму провели, что-то наподобие семинара всех действующих инструкторов по туризму. Подводились итоги за прошедший сезон, выслушивались замечания и предложения по улучшению работ турбаз в следующем сезоне. Говорили и об открытии новых маршрутов.

Генка Кулаков в перерывах общался, в основном с инструкторами, которые проработали прошедший сезон на турбазе «Озеро Иссык», надеясь, что кто-нибудь, может, расскажет о чём-нибудь необычном. А после семинара подошёл к Чернакову и напрямую спросил о заколдованном ущелье. Чернаков только покачал головой и ответил, что ничего интересного для Генки в этом сезоне не наблюдалось. К тому же, из-за плохой погоды, раза два, приходилось менять маршрут. Так что в июне и во второй половине августа, через «Оранжевый» туристов не водили. Одно лишь утешение получил от Чернакова, когда тот ему сообщил, что полёты вертолёта над тем ущельем в начале сезона стали нерегулярными, а в июле и вовсе прекратились. В то же время, Чернаков пообещал Генке, что за зиму попробует не навязчиво прояснить ситуацию в соответствующих органах об ущелье. Ну, вроде того, что попробует предложить опять проложить один из плановых маршрутов через перевал «Связной», а это значит, что мимо того места, куда так рвётся Генка.

Глава 4

Приняв утренний душ, старик подошёл к телефонному столику и взял в руки телефонный справочник. Сел к столу, выписал из него несколько телефонов и адресов. Потом достал из своего дипломата записную книжку и стал сверять сделанные записи. Удостоверившись, что записи сделаны верно, положил записную книжку обратно в свой дипломат, а записку с выписанными адресами и телефонами положил в нагрудный карман рубашки. Выйдя из отеля, он зажмурился. В глаза било яркое солнце. Шум большого города со всей силы сразу же обрушился на него. От неожиданности он даже вздрогнул. Постояв пару минут привыкая к шуму, он направился к ближайшему кафе выпить чашечку кофе. В кафе, в такое раннее время, никого не было. Из бара доносилась негромкая приятная музыка. Заказав чашечку кофе и бутерброд, он повернулся к окну и стал разглядывать прохожих. Кто-то спешил на работу, кто-то чинно вышагивал, смотря себе под ноги. Всё было привычно, как много-много лет назад. Не спеша, съев свой скромный завтрак старик расплатился, ещё раз глянул на бумажку, где он записал адрес и пошёл уверенно неторопливой походкой по тротуару в нужном ему направлении. Он не пожелал воспользоваться услугами такси или каким-нибудь другим общественным транспортом.

После Нового Года, Кулаков опять встретился с Чернаковым в Областном Совете по туризму, но тот только сказал, что его план, относительно перевала «Связной», ещё не рассматривался, хотя свои соображения на этот счёт в письменном виде подал на Президиум ещё месяца два назад.

– Ты, Гена, не расстраивайся по этому поводу. Приезжай на турбазу в следующем сезоне немного поработать. Я попробую чего-нибудь организовать, чтоб ты попал туда. Приезжай! Мне так не хватало тебя в прошлом сезоне. Процентом на 80 обновился инструкторский состав.

Появились молодые, надёжные ребята. Правда, стажёров пять, уехали без характеристик. Горы в таких инструкторах не нуждаются! А тебе я всегда рад, знаю твой опыт и любовь к горам. В трудной ситуации всегда найдёшь выход, – с отеческой любовью сказал Чернаков.

– Спасибо, Валерий Георгиевич, за тёплые слова. Мне так хочется подняться к этим скалам, найти хоть какую-то разгадку того, что произошло. Так что, скорее всего, я выберу время и возможность приехать на турбазу. Правда, с работой большие нагрузки, но у меня уже запланирован трудовой отпуск. Может, ещё недельку прихвачу. Отгулов заработаю. Думаю, не меньше, чем на месяц можете на меня рассчитывать, – улыбнулся Генка.

– Ну, и прекрасно! Я уже и забыл, когда ты в последний раз улыбался, – заметив Генкину улыбку, сказал Чернаков, – Я думаю, что до лета мы ещё с тобой увидимся, – и они крепко пожали друг другу руки.

Генка даже и не мог предположить, что эта встреча с Чернаковым, будет последней в их жизни. В марте, совершая зимний поход по Восточным Саянам, Чернаков погибнет, попав под снежную лавину. В этот поход его пригласил бывший однокурсник по Томскому университету, друг, с которым Чернаков начинал заниматься туризмом в своё время. Другу необходимо было руководство зимним путешествием пятой категории сложности, для закрытия норматива «Мастер спорта СССР». Из 12 участников похода, только троим, удалось выбраться из снежного ада. 9 человек, в том числе и Чернаков со своим другом, были засыпаны громадной снежной лавиной. Только в апреле, почти через месяц после трагедии, удалось извлечь тела всех погибших из-под сошедшей лавины. Всё это время велись спасательные работы, но лавина была настолько мощной, что около 30 спасателей, делавших небольшой ночной отдых, лишь спустя 23 дня, нашли последнего погибшего. То был Чернаков Валерий Георгиевич. Так Геннадий Петрович Кулаков потерял ещё одного друга, теперь уже старшего товарища, у которого он многому научился.

Старшим инструктором на турбазу «Озеро Иссык» утвердили Симакова Анатолия Васильевича. До этого он работал начальником спасательной службы альплагеря «Эдельвейс». Генка его почти не знал. Симаков был альпинистом, но в молодости в альпинизм пришёл из горного туризма. Имел звание «Инструктор туризма», а потом прибавил к этому ещё и «Инструктор альпинизма». В 1956 году, Симаков был в команде казахских альпинистов, которые готовились к первовосхождению на самый северный семитысячник – пик Победы. Но за месяц до выезда в Центральный Тянь-Шань, Симаков попал в больницу с диагнозом: болезнь Боткина. С мечтой первовосхождения на семитысячник пришлось расстаться. Конечно, у него потом были две экспедиции на семитысячники, но осложнение после гепатита, дало о себе знать. В солидные экспедиции его уже не брали по состоянию здоровья, а вот на инструкторскую работу определили. В принципе, Симаков был очень опытным и альпинистом, и туристом. Его назначение старшим инструктором турбазы, практически, никого не удивило.

Как не печальны были весенние события, а в середине июня Кулаков всё-таки взял трудовой отпуск, к нему прибавилось ещё три дня за то, что он являлся активным членом «Народной Дружины», да ещё три дня отгулов. После долгого разговора с начальством, получил ещё две недели отпуска без содержания. Итого отпуск получился больше полутора месяцев. Генка пока не знал, как сложится обстоятельства с заездами туристов и на какие маршруты его будут планировать. Но он был твёрдо уверен, что в этом году обязательно выберет возможность сбежать в проклятое ущелье.

По прибытию Кулакова на турбазу, Симаков сразу же определил его на иссык-кульский маршрут, мотивируя это тем, что надо открыть новый маршрут на Иссык-Куль прямо через ущелье Иссык, с перевалами Кокбулак и Кугантор, можно и Джетытор. В зависимости от спортивной подготовки группы, предлагались различные варианты. После природной катастрофы четыре года назад, через Иссыкское ущелье плановые туристские маршруты были закрыты.

Предстояло их опять открывать, хотя уже года два подряд несколько групп с 845 маршрута проходили сквозь израненное селем ущелье. Но это были очень хорошо подготовленные группы, под руководством опытейших инструкторов. Ведь 845 маршрут считался как «Всесоюзные сборы руководителей горных сложных путешествий». Попасть на такие сборы было очень трудно. Участники этих сборов должны были иметь звание «Инструктор туризма» и спортивную квалификацию не ниже 1-го взрослого разряда по горному туризму. Так что для группы такого уровня спортивной подготовки, преодоление сложных горных рельефов рассматривалось, как повышение спортивного мастерства и входило в обязательную программу этих сборов.

После долгих консультаций с начальником сборов, мастером спорта СССР, Мусатовым Сакеном и начальником спасслужбы Игорем Белавиным, Симаков решил попробовать пустить одну группу 326 маршрута, через Иссыкское ущелье. Инструктором на маршрут поставили Кулакова, а вторым инструктором определили Стасова Василия, из Майкопа. Стасов в прошлом году приезжал на сборы, то есть, на 845 маршрут, а в этом году решил приехать поработать месяца два на турбазу «Озеро Иссык». Очень уж ему понравился Северный Тянь-Шань. Группа на маршрут заехала достаточно сильная. Почти все приехали из Подмосковья и являлись членами одной туристской секции. У них уже были совместные походы, как на плановых маршрутах различных турбаз СССР, так и самостоятельные путешествия по Фанам и Памиру, Уралу и Саянам. С такой хорошо подготовленной группой поход прошёл без всяких осложнений, зато с массой положительных эмоций и впечатлений.

По возвращению с иссык-кульского маршрута, а это было в конце июня, Кулаков вдруг неожиданно в столовой за ужином услышал, как инструктор Мамытбеков стал рассказывать о каком-то зелёном луче, который он наблюдал ночью под перевалом «Оранжевый». Но тут в разговор вмешался Симаков и перевёл разговор на другую тему. Все остальные инструктора не проявили никакого интереса к словам Марата. Мало ли что могло показаться ночью в горах. Но Генка насторожился, хотя тоже не подал виду, что его заинтересовал таинственный зелёный луч. Решил расспросить Марата потом, наедине. Почти всю ночь Генка задавал вопросы Марату о зелёном луче. Где? Как? Когда? Как долго? Три года назад так его пытал следователь прокуратуры. А сейчас Генка хотел всё выяснить у Марата.

Из всего услышанного, Кулаков сделал следующий вывод:

1. Появление зелёного луча произошло в ночь с 22 июня на 23 июня.
2. Луч исходил из того же ущелья, что и три года назад.
3. Было полнолуние и ясное небо.

И тут Генку словно ударило током. Три года назад, в ночь с 22 на 23 июня Антон наблюдал свечение зелёного луча. Небо было безоблачным и светила яркая Луна. Это не могло быть простым совпадением.

Утром, после завтрака, Генка подошёл к Симакову:

– Анатолий Васильевич, отпустите меня в город дня на три. Мне надо срочно на работу заглянуть, да и дома не был уже три недели. А к заезду туристов я обязательно вернусь. Возьму любую группу, которую вы мне дадите. Разрешите, пожалуйста, я не подведу, – попросил Генка старшего инструктора.

– Да, ладно, езжай, раз надо. Я на тебя надеюсь. Кстати, после обеда будет машина в город, может на ней и поедешь? – предложил Симаков.

– Нет, я хочу прямо сейчас. Тут под горку минут за 40 добегу до остановки автобуса, а там ещё полтора часа, и я в городе, – радостно затараторил Генка.

– Ну, смотри, я хотел, как лучше для тебя, – благодушно сказал Симаков, – давай беги, только не задерживайся. Через три дня, чтобы был здесь!

– Анатолий Васильевич, всё будет нормально, обещаю. Я быстро туда и обратно. Сейчас рюкзак соберу и побегу. Ну, пока, всего хорошего и до встречи! – Генка развернулся и быстро зашагал к своему коттеджу.

– Ну, давай, давай, беги в свой город, будто я не знаю, куда ты собрался, – с грустью пробормотал в след Генке Симаков.

Симаков знал в мельчайших подробностях всю историю Генки и Антона. Три года назад и его привлекали к расследованию загадочного исчезновения Горина. Привлекали в качестве консультанта, как специалиста имеющего большой опыт в спасательных работах. Ему не раз приходилось в самых различных условиях оказывать помощь терпящим бедствие туристам и альпинистам в горах. Как и Кулаков, в своё время, он поставил подпись о неразглашении информации по делу Горина Антона Владимировича.

Накануне в столовой, Симаков тоже начал слушать рассказ Марата о странном луче, но вовремя сообразил, к чему этот рассказ может привести. Очень мягко и деликатно, перевёл разговор на тему о новых маршрутах. Начал рисовать всевозможные перспективы и интерес к зелёному лучу Марата у остальных слушателей, как-то само собой пропал.

Перевальная вершина Связной

В своём коттедже, Кулаков быстро собрал рюкзак, побросал в него самое необходимое, палатку, спальник, пару банок консервов, пачку чая, немного сахара и сухарей, да солдатский котелок. Рюкзак получился не слишком объёмный, да и по весу был всего килограммов 12 – 15. Выйдя из коттеджа, он по дорожке направился к выходу турбазы. Возле шлагбаума Генка остановился, перебрался парой слов со сторожем и пошёл вниз по дороге, в сторону посёлка. Метров через 100, дорога делала крутой поворот. Турбаза уже не была видна. Кулаков остановился, обернулся и внимательно осмотрелся, видит его кто-нибудь или нет. Никого не увидев, быстро свернул на неприметную тропинку и затерялся в зарослях барбарисовых кустов. Дальше тропинка шла по берегу озера и вела в левый лог. С территории турбазы эта тропа хорошо просматривалась. Генка об этом знал. Но другая тропинка петляла между кустарников и деревьев, и круто поднималась по склону горы. По этой тропе водили вновь прибывших туристов на обзорную экскурсию. Как правило, это был второй день после заезда. Сегодня Генка не боялся кого-нибудь встретить на тропе. Экскурсии по окрестностям турбазы не намечались. С короткими паузами для отдыха, он уже через два часа лежал на травке перевала «Выпускников». Внизу виднелась турбаза и остатки озера Иссык. Синее небо отражалось в озере и от этого озеро тоже казалось синим. С другой стороны перевала открывался вид на снежные вершины. Хорошо видимая тропа вела в ущелье к перевалу «Оранжевый», но Генке предстоял путь чуть правее и вверх, к перевалу «Связной».

Поправив небольшую вязаночку сухих дров, которые Генка набрал, когда ещё был в зоне леса, набросив на плечи рюкзак, он стал, потихоньку, подниматься вверх, в сторону «Связ-

ного». Генка прекрасно понимал, что сегодня до нужного ущелья ему не добраться, а подойти к перевалу вплотную у него времени было достаточно. Так оно и получилось. Уже часа через два он подошёл к самому леднику, возле которого и решил поставить палатку. На небольшой песчаной площадке за огромным валуном, Генка установил свою палатку. Валун загораживал палатку от холодного ветра, который к вечеру стал дуть с ледника. Заметно похолодало. На небольшом костре Генка в котелке заварил себе чай, а тушёнку разогрел прямо в банке на угольках. Покончив с таким незатейливым ужином, он остатки чая перелил во фляжку и положил в спальный мешок. Сейчас меня эта фляжка согреет, зато утром мне не надо будет разводить костёр, чтобы согреть чай, попью и так, пусть не горячий, но и не будет холодным, решил Генка и забрался в спальный мешок.

Ещё толком не рассвело, а Генка уже был на ногах. Достал из спальника фляжку с чаем, он действительно был ещё тёплым, опустошил фляжку, закусил сухариками и стал собираться. Ручеёк, который ещё вчера вечером выбегал из-под ледника, утром покрылся ледяной коркой. Генке пришлось долбить ледяную корку ледорубом, чтобы набрать воды во фляжку. Он знал, что дальше воды не будет, только снег, а снег жевать, когда появиться жажда, что-то не очень хотелось. Кулаков решил, что пойдёт в ущелье налегке, без палатки и спальника, намереваясь вернуться к своей палатке ещё засветло. Бросив в рюкзак свитер, банку тушёнки и фляжку с водой, он посмотрел на небо. Небо потихоньку затягивалось облаками, но облака были достаточно высоко. Скорее всего, что сегодня осадков не будет, подумал Генка, конечно, было бы лучше, чтобы солнышко светило.

Перевал «Связной» не был перевалом, как таковым. Это была вершина в горном хребте, обрамляющем цирк, в котором сейчас находился Генка. Перевалом, конечно, можно было бы считать самую низкую часть хребта, но в этом месте прямо от ледника поднимались отвесные скалы, в некоторых местах образуя даже отрицательный угол. Подняться на этот перевал, без специального альпинистского снаряжения и опыта, не было никакой возможности. Но прямо за этим перевалом с юга, чуть-чуть выше в западном направлении, и находились те загадочные скалы. Сейчас, когда Кулаков смотрел на эти утренние горные красоты, «Связной» находился с левой стороны, то есть с востока. Ему предстояло по довольно крутому контрфорсу подняться на вершину, а потом уже по гребню спускаться к скалистому перевалу. С южной стороны, Генка об этом знал, перевал был достаточно пологим, небольшой ледник доходил до самой кромки гребня. Создавалось впечатление, что ледник заполз на перевал, а потом решил спрыгнуть с двухсотметровой высоты в соседний цирк. Эта иллюзия была ещё и потому, что с северной стороны, прямо под перевалом, громоздились огромные ледяные торосы, образуя ледопад.

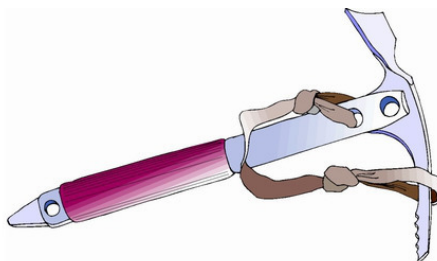
В 9 часов утра Генка стоял на вершине. Хотя небо и было затянуто облаками, видимость была отличная. С вершины хорошо виднелась цель Генкиного путешествия. Кулаков не стал задерживаться на вершине, а стал быстро спускаться по гребню в сторону перевала. Спуск был пологий, но опасный. Приходилось всё время прижиматься к правому краю гребня, а там двухсотметровая пропасть. С левой стороны, тоже достаточно круто, подпирала каменная осыпь. Осыпь была живая и, когда Генка нечаянно наступил на неё в самой верхней части, то камни полетели вниз, увлекая за собой всё новые и новые камни. Генка замер, глядя заворожено на этот камнепад. Минут через пять, грохот камней затих где-то далеко внизу. Теперь уже осторожно, но всё равно быстро, Кулаков направился к заветным скалам. Тут ему было всё знакомо.

Вот они эти скалы, к которым Генку не пускали почти три года, да и сейчас он был здесь тайком от всех. Оглянувшись по сторонам, как будто хотел убедиться, что за ним никто не наблюдает, Генка медленно стал подниматься к расщелине между скал. Поднявшись в расщелину, не глядя под ноги, он стал разглядывать поверхность скал. Они опять были гладкими и тёплыми, какими они были в тот момент, когда внезапно исчезла ниша с Антоном. Всё говорило о том, что здесь происходило что-то непонятное, так же как три года назад. Правда, когда

Генка тут был с сотрудниками из КГБ, скалы не были такими тёплыми и гладкими. Задрал голову вверх, рассматривая полированную поверхность скал, Генка неожиданно обо что-то споткнулся. Глянув себе под ноги, он обомлел. В расщелине, между скал, лежал ледоруб. Генка свой ледоруб держал в левой руке. Подняв ледоруб, он его тотчас же узнал. Это был ледоруб Антона! Генка сам лично подарил этот ледоруб Горину в тот день, когда тому торжественно вручали удостоверение «Инструктор туризма». Да вот и гравировка: «Инструктору Антону Горину от Геннадия Кулакова». Накануне вручения удостоверения Антону Генка заглянул к знакомому гравировщику, тот и сделал эту надпись.

Сняв рюкзак, Генка спиной облокотился на полированную, наклонную часть скалы. Тепло излучаемое скалой, приятно стало согреть спину. Ничего не понимая, Генка вертел в руках ледоруб Антона. Он точно помнил, что этот ледоруб был в руках у Антона, когда между ними внезапно появилась невидимая преграда. Антон ещё пытался ледорубом разбить эту преграду. Да и потом, когда Генка был здесь с чекистами, никакого ледоруба в расщелине не было. Внимательно изучая ледоруб, Генка про себя отметил, что ледоруб за все эти годы, совсем не изменился. Антон любил этот Генкин подарок и долгими зимними вечерами, когда нечего было делать, полировал металлические части ледоруба до зеркального блеска. Над Антоном ещё потешались: «Если вы видите издали, что идёт группа туристов и у впереди идущего человека, что-то сверкает в руках, то это Антон Горин!» По всем понятиям, ледоруб должен был измениться. Древко потемнеть, металлические части потускнеть, или даже покрыться ржавчиной, а тут, будто только что Антон выпустил его из своих рук.

Генка вспомнил, как однажды, уже в конце сезона, был последний заезд 326 маршрута, он забыл свой ледоруб, когда отдыхали после спуска с перевала «Чарующий». Думал, что потерял его навсегда. А в следующем году, когда Кулакову пришлось открывать сезон через перевал «Чарующий», ледоруб спокойно дожидался своего хозяина. Правда, покрылся налётом ржавчины, но Генка уже к вечеру его отшлифовал об мелкий песок на очередной ночёвке. Но его ледоруб и года не пролежал под открытым небом, а тут прошло три года, а ледоруб, как новый.

Так размышляя и рассматривая перед собой полированную отвесную скалу, Генка пролежал около часа. Завеса тайны не только не приоткрылась, а наоборот, добавилась ещё одна загадка, теперь уже с ледорубом. Генка нехотя поднялся, накинул на плечи почти пустой рюкзак, взяв ледорубы, в последний раз с тоской посмотрел на скалы. Делать нечего, полдень прошёл и надо было возвращаться к палатке. Странное ощущение испытывал Генка. Прилив какой-то энергии. Он чувствовал себя сильным, бодрым, хорошо отдохнувшим и совсем не было чувства голода. Но это и к лучшему, подумал Генка и через три часа был около своей палатки.

Ночью разразилась сильнейшая гроза. Молнии то и дело вонзались в вершины гор, обрамляющие цирк, где в своей палатке от сильных раскатов грома не мог уснуть Генка. Предусмотрительно поставленная палатка за большим валуном, была защищена от ветра, но крупные капли дождя, переходящие, то в мокрый снег, то в снежную крупу, до утра стучали по перкалевой палатке.

После бессонно проведённой ночи, утром Генка не чувствовал себя уставшим, прилив бодрости оставался таким же, как и вчера. К утру ветер разогнал облака и утреннее небо было синим-синим. Только высоко в горах можно любоваться таким синим небом. Внизу небо, как правило, голубое и блеклое. Кулаков никуда не спешил. Отсюда до турбазы быстрым шагом, можно было добраться часа за три. Путь лежал всё время вниз. Генка решил дожидаться, когда выглянет солнце из-за горного хребта и станет немного теплее. Да и палатка на солнышке за полчаса высохнет. Достав из-под палатки остатки сухих дров, развёл костёр, заварил крепкий чай и с удовольствием стал его потягивать вприкуску с кусочками рафинада. Солнце не заставило себя ждать. В начале, как-то робко выглянуло из-за вершины на несколько минут, а потом начало поливать всё вокруг яркими, тёплыми лучами.

Генка ещё до конца не понимал, что происходит с ним, но душевная тревога, которую он испытывал последние три года, куда-то начала отступать, освобождая место какой-то надежде, но какой, он ещё понять, не мог. Возможно, виною тому был опять появившийся странный зелёный луч, вот этот загадочный ледоруб и скалы, которые вновь были странно отполированы до блеска. Всё это говорило о том, что история с пропажей Антона ещё не закончилась.

Глава 5

Старик остановился возле небольшого здания, на стене у входа которого висел красочный плакат: Турагентство «Карабастау». Ещё у себя дома перед поездкой месяца за три, он часами сидел за компьютером и гулял по Интернету в поисках подходящего турагентства. Там-то он и почерпнул информацию о различных туристских агентствах, специализирующихся в области активного туризма. То есть, предлагающих совершить горный поход под руководством опытных проводников и гидов. Как-то даже наткнулся в Интернете и на такое объявление, где предлагалось всего-то за 1280 долларов США совершить восхождение на одну из высочайших вершин Тянь-Шаня, а именно Хан-Тенгри. Правда, в эту стоимость не входило питание и прокат снаряжения. За всё это надо было ещё доплачивать. Но пожилой человек не собирался делать восхождение на Хан-Тенгри, его интересовала возможность попасть в район озера Иссык. Проще говоря, туда, где почти сорок лет назад была турбаза. Вот он и нашёл такое турагентство, которое предлагало в туристском комплексе отдых на берегу озера Иссык. В сервис предоставляемых услуг, кроме сауны, массажа, бара и тому подобное, был и трёх-пятидневный поход по горным окрестностям озера Иссык. Это было как раз то, что нужно. Других турагентств, предлагающих отдых на берегу озера Иссык, он не нашёл. По всей видимости, турагентство «Карабастау» было либо хозяином этого комплекса, либо являлось единственным представителем комплекса в Интернете.

При входе в здание, его сразу же встретил вежливый молодой человек, который проводил старика до дверей нужного ему кабинета. В кабинете молодая, симпатичная девушка предложила присесть и внимательно выслушала его просьбу и желание. Тут же, погуляв изящными тонкими пальчиками по клавиатуре компьютера, выдала возможные варианты и сроки заезда в туристский комплекс на берегу озера Иссык. За дополнительной информацией о возможности проведения трёх—пятидневного похода в интересующие сроки и в интересующий горный район, девушке пришлось связаться по телефону с администрацией комплекса. Получив исчерпывающую положительную информацию, он попросил оформить необходимые документы и выписать счёт. Через 10 минут все необходимые бумаги для 10-ти дневного отдыха на берегу озера Иссык, были на руках у старика.

– Господин Кулен, оплата услуг, связанная с вашим походом, в данный счёт не входит. Это отдельная статья и оплатить эту услугу вы можете прямо на месте. Администрация ком-

плекса в курсе и ждут вашего приезда. У вас не будет никаких проблем, – с вежливой улыбкой пояснила девушка.

– Большое спасибо. Я так понял, что уже завтра, после обеда, в гостиницу за мной придёт машина и отвезёт на место? – спросил он.

– Совершенно верно! В 15—00 у стойки администратора гостиницы, где вы остановились, вас будет ждать водитель. Разрешите задать вам один вопрос? – смутилась немного девушка.

– Конечно, спрашивайте! – невозмутимо ответил Генри Кулен.

– Где вы научились так хорошо говорить на русском языке?

– Милая моя! Я родился в этом городе и прожил большую часть жизни здесь, а что стал господином Генри Куленом, так это не моя вина. Обстоятельства в нашей жизни иногда складываются совсем не так, как тебе этого хотелось бы. Вот так! – вздохнул он.

– Тем не менее, всего вам хорошего и приятного отдыха! – с чарующей улыбкой девушка распрощалась с посетителем.

– И вам желаю всяческих благ и успехов! – на прощанье сказал он и направился к выходу.

«Ну вот, вроде всё складывается удачно – это хорошо!», – подумал старик, выйдя на шумную улицу. То, ради чего он прилетел в родной город, стало отчётливо вырисовываться. Перед поездкой он боялся, что намечаемый им поход в горный район и в сроки, которые ему нужны, может сорваться. За столько лет, что он не был в родном городе, бюрократическая машина могла набрать такие обороты, что о легальном походе в интересующий его район можно было бы и забыть. Но получилось совсем неплохо, даже отлично! Правда, цены за оказанные услуги были высокими, но тут уж делать было нечего. На такие цены, даже выше, он и рассчитывал.

Генка решил, что на турбазу спустится часам к 7 вечера. Как раз в это время все будут в столовой на ужине и ему удастся пройти незамеченным в свой коттедж. По той же тропе, что он поднимался к перевалу «Выпускников» два дня назад, не очень торопясь, спустился к самому озеру и так же незаметно с тропы вышел на дорогу, ведущую на территорию турбазы. И действительно, вовремя ужина территория турбазы пустела, только со стороны столовой доносился шум голосов и звяканье посуды. Войдя в свой коттедж, Кулаков первым делом спрятал ледоруб Антона в шкаф. В столовую идти не хотелось. Странное дело, но ощущение голода у Генки до сих пор не появилось, хотя второй день он ничего не ел. Так, чай с сухарями. Разве это еда? А вот ощущение какой-то внутренней силы, бодрости, не покидало его.

В 9 часов вечера, Генка вошёл в методический кабинет, где по обыкновению каждый вечер проводился инструкторский совет. На таких советах решались текущие дела, планировались мероприятия с туристами на следующий день, назначались дежурные по турбазе.

– А вот и Кулаков вернулся, – радостно поприветствовал Симаков Генку, – вообще, я тебя завтра ждал. Ну, и хорошо, что уже здесь. Вчера заехали туристы на 326 маршрут. Сегодня с утра их принял Марат, а завтра и ты подключайся. Через два дня у вас выход на маршрут. Завтра тренировочный день, поднимитесь на левый панорамный пункт, а после обеда, медосмотр. Да, и завтра тебе придётся подежурить по турбазе, будет заезд на 65 маршрут. Надо будет организовать встречу, ну, ты и сам всё знаешь, что делать. А на панораму группу Марат без тебя сводит, – в конце добавил Симаков.

– Хорошо, дежурить, так дежурить, ничего страшного в этом нет, первый раз что ли, – спокойно ответил Кулаков.

Поговорив ещё минут 20 о разных текущих делах, инструктора стали расходиться. Генка тоже встал и хотел было идти, но Симаков его задержал.

– Ну, как съездил в город? Все дела свои привёл в порядок? Отдохнул? Отдохнул, я вижу. Обычно после походов люди усталыми выглядят, а ты ничего, бодренький, свеженький, – хитро прищурился Симаков.

– Особо я и не отдыхал, как только всё уладил, так и назад, на турбазу, – улыбнулся в ответ Генка.

– Ладно, Геннадий Петрович, – уже серьёзным тоном начал говорить Симаков, – видел я тебя два дня назад, где-то в районе обеда, на перевале «Выпускников». Вот в этот самый бинокль. Посмотри, какой он мощный, правда хорош? – и Симаков протянул Кулакову увесистый бинокль.

– Смотри-ка, какая прекрасная штука! И не советская, тут, вроде, по-немецки что-то написано, – восхищённо сказал Генка, разглядывая бинокль.

– Да он и есть немецкий. Подарили мне, когда я ещё альпинизмом занимался. Одного немца на своём горбу тащил километра четыре до базового лагеря. Упал он неудачно. Одну ногу подвернул, а вторую сильно о камень ушиб. Совсем идти не мог, а тут ещё пурга началась. Вся группа уже в базовый лагерь спустилась, а мы шли последними, замыкающими. Вот тут он и упал. Как потом мне сказал, что внезапно сознание потерял. Оставить его я не мог, замёрз бы. Вот и тащил из последних сил. Потом в знак благодарности он мне этот бинокль подарил. Когда два дня назад я глянул в него на перевал «Выпускников», то тебя сразу признал. Ну, Геннадий Петрович, город-то совсем в другой стороне находится, – похлопал по плечу Кулакова Симаков.

– В другой стороне, вы правы, – спокойно ответил Генка.

– А теперь давай садись и рассказывай, что ты там видел, – попросил Симаков Генку, – меня можешь не бояться и не стесняться. Всю эту историю с пропажей Горина я знаю. Мне самому как-то не верится во всю эту фантастику, но от фактов никуда не денешься. Меня в своё время привлекали для разгадки этого случая, но ответов мы так и не нашли. Сегодня, когда ты вошёл в кабинет, я понял, что ты ближе всех стоишь к этой разгадке. Рассказывай, я очень интересуюсь пропажей Антона Горина, – ещё раз попросил Генку Симаков.

Почти целый час Генка рассказывал Симакову и историю трёхлетней давности с подробностями, которые он никогда не забудет, и то, что он видел вчера, возле загадочных скал. Рассказал и о ледорубе Антона. Когда Генка сказал, что нашёл ледоруб Горина, Симаков подскокил со стула и стал нервно ходить по кабинету.

– Так значит, Геннадий Петрович, никому больше ни слова! Я тоже никому ничего не скажу. Пусть этот разговор будет только между нами. Со мной ты можешь делиться мыслями, соображениями по этому поводу, и я с тобой буду, откровенен, но больше ни с кем! Понятно?! А то нам за такую самостоятельность головы оторвут, – и тут Симаков глянул на часы, – Ба! Уже без четверти 11, а ты уже дежурный инструктор! Давай-ка иди, через 15 минут пора объявлять отбой по турбазе. Завтра увидимся! – сказал Симаков и проводил Генку до дверей кабинета.

Вернувшись с маршрута, Кулаков не застал на турбазе Симакова. Того срочно вызвали в Республиканский Совет по туризму на заседание Президиума. Произошла трагедия на турбазе «Чимган» в Южном Казахстане. При переправе через горную реку погибло сразу 17 человек. Для разбора чрезвычайного происшествия вызвали всех старших инструкторов и начальников спасательных служб турбаз республики. У Кулакова заканчивался отпуск, и он вместе с группой туристов 326 маршрута, которых привёл с Иссык-Куля два дня назад, на автобусе уехал в город.

В 1968 году Кулаков во второй половине июня опять приехал на два месяца на турбазу. У него установились дружеские отношения с Симаковым, и они часто встречались в межсезонье, но разговор о загадочных скалах не заводили.

Получилось так, что первый заезд группы туристов для Кулакова был намечен только на 24 июня. Три дня у него были свободны, чем он не преминул воспользоваться. О своём желании сбегать к скалам он поделился с Симаковым. Симаков внимательно выслушал и посмотрел на график заезда туристов. И вдруг неожиданно заявил, что он тоже не прочь потратить трое суток на исследование загадочных скал.

– Всем остальным инструкторам и директору турбазы я скажу, что мы на три дня уходим на инспектирование 65 маршрута, – с воодушевлением предложил Симаков.

– Вот здорово! Вдвоём веселее будет, – радостно заметил Генка.

Утром 22 числа, сразу после завтрака, старший инструктор турбазы «Озеро Иссык» – Анатолий Васильевич Симаков и инструктор горного туризма – Геннадий Петрович Кулаков ушли на «инспектирование» 65 маршрута. Прятаться от кого-либо, не было никакой необходимости, и они довольно быстро стали подниматься по более пологой тропе к перевалу «Выпускников». Часам к четырём вечера они ставили палатку за огромным валуном. За разговорами у тлеющего костра, на углях которого ещё стоял котелок с крепким чаем, незаметно опустился вечер. Похолодало. На быстро темнеющем небе стали зажигаться яркие звёзды. Через час уже было так темно, что очертания горного хребта едва угадывались, и то лишь благодаря тому, что ледяная шапка гор слегка белела в ночи.

Генка встал, обошёл валун и стал внимательно вглядываться в ночное небо. Ничего, кроме ярких звёзд и смутных очертаний гор он не увидел. Ночью он раза три вылезал из палатки, обходил валун и смотрел в сторону неприступного перевала. Зелёного луча не было. Утром, когда ещё толком не рассвело, Генка опять посмотрел в сторону перевала, но на утреннем небе постепенно гасли звёзды. Небо светлело и из совсем чёрного неба, стало тёмно-синим.

– Ты совсем извёлся, – из палатки вылез Анатолий Васильевич, – так ничего и не было?

– Нет. Несколько раз ночью вставал. Только тишина и темнота, – грустно ответил Генка.

– Сейчас быстренько соберёмся и налегке сбегаем, – постарался утешить Генку Симаков.

– Мне кажется, что сегодня ничего интересного не произойдёт. Предчувствие у меня такое, – обречённо произнёс Генка.

– Ничего, ничего, давай не падай духом! Костерок разведём, чайку согреем, попьём и побежали, – с наигранной весёлостью подбодрил Генку Симаков.

Ещё солнце не заиграло в белых шапках вершин, а два инструктора уже поднимались по крутому контрфорсу на вершину «Связной». Кулаков шёл впереди и хорошо ориентировался. Это и не удивительно, по сути дела он четвёртый раз преодолевал этот путь. Первый раз, когда спускался четыре года назад с Петром и Рахимом. А в прошлом году прошёл туда и обратно один. Не доходя до вершины метров 20, Кулаков остановился.

– Фу, ты, – ругнулся незлобно Генка и обернулся к Симакову, – Анатолий Васильевич, придётся ступени рубить. По такому натёчному льду не поднимемся, а обойти невозможно. В прошлый раз, когда я ходил, здесь был снежный наст. Плотный такой. Я по нему без всяких проблем к вершине поднялся. А сейчас снег растаял и обнажил лёд. Да гладкий какой!

– Ничего страшного, нас же двое и верёвка для страховки есть, – невозмутимо сказал Симаков, – я и не такое видал. Дальше в связке пойдём, – и стал доставать верёвку.

На преодоление ледовой преграды понадобилось минут двадцать. Генка рубил ступени и шаг за шагом поднимался к вершине. Симаков же, упёршись в скалу, внимательно следил за продвижением Генки и был готов в любой момент подстраховать Кулакова. А потом уже Генка с вершины постепенно выбирал верёвку, страхуя поднимавшегося Симакова. Дальше до скал добрались без проблем. Они всю освещались утренним ярким солнцем, но тепло от них не исходило. Генка сразу же обратил на это внимание. Скалы хранили холод тёмной ночи.

– Знаете, Анатолий Васильевич, все те разы, что я здесь бывал, скалы были тёплыми. Даже через два месяца после исчезновения Антона, они не были холодными. А сегодня это обыкновенные скалы! Ничем не отличаются от других. Правда, вот только поверхность неестественно ровная, но не гладкая. А была полированная!

– Действительно, поверхность скал ровная и почти без трещин. Редко можно встретить в горах такие скалы. Да, можно сказать, что я таких скал и не встречал. Хотя в горах большую часть сознательной жизни провёл, – разглядывая скалы, произнёс Симаков.

Больше часа Генка и Анатолий Васильевич исследовали скалы. Ощупывали руками в разных местах, прикладывали ухо к поверхности скал, будто надеялись услышать голос Антона. Пробовали стучать по ним ледорубом, но скалы продолжали хранить свою тайну. Небо стало потихоньку затягиваться облаками и инструктора решили возвращаться к своей палатке. К своему маленькому лагерю они добрались довольно быстро.

– Ну, что Геннадий Петрович, время ещё есть, может, спустимся в зону леса? Там потеплей, да и до турбазы минут за сорок завтра утром добежим. А сегодня вечером предлагаю расслабиться. Я с собой фляжку водки прихватил. Почти две бутылки поместилось, грамм 900 будет. Не грусти, мы попробуем разобраться во всём этом. Надо тщательно сопоставить все факты и проанализировать. Давай собираться, пошли вниз, там помозгуем, что к чему, – тоном, не терпящим возражений, сказал Симаков.

Часа через два они уже сидели возле костра на небольшой лесной полянке среди елей. В метрах десяти от них, прямо из-под земли, журчал родничок, дававший начало небольшому ручейку, который потом впадал в озеро Иссык. За разговорами не заметили, как совсем стемнело. Большая часть содержимого фляжки была выпита, но разговор продолжался трезво и рассудительно. Ещё раз, не упуская никаких мелочей и подробностей, Кулаков пересказал события четырёхлетней давности. Анатолий Васильевич очень внимательно слушал, не забывая, однако, регулярно наливать из фляжки. Изредка задавал Генке уточняющие вопросы, на которые получал тут же исчерпывающие ответы.

– Теперь давай подведём какие-то итоги, – сказал Симаков, когда Кулакову рассказывать уже было нечего, – Что мы имеем? Получается, что зелёный луч за последние четыре года видели всего лишь два раза. Для статистики, не густо. Ну, да ладно. Первый раз в 64 году, когда исчез Горин в нише скалы и второй раз в прошлом году. Оба раза луч видели в ночь с 22 на 23 июня, то есть в самую короткую ночь года. Это период летнего солнцестояния. Вчерашняя ночь этот загадочный эффект не показала, как в прочем и в 65, и в 66 году зелёного луча не было. Если бы луч появлялся, кто-нибудь его бы заметил. Что ещё? Какие могут быть дополнительные факторы? – Симаков рассеяно посмотрел на Генку.

– Анатолий Васильевич...

– Ой, Гена, оставь ты этот официальный тон и давай перейдём на «ты». Я всего-то старше тебя лет на 5—6. Это там, внизу, на турбазе при туристах и инструкторах будем говорить друг другу «вы», а сейчас давай проще, – перебил Генку Симаков.

– Да я как-то привык, по имени, отчеству. Можно я буду говорить просто – Васильич?

– Конечно, какие проблемы. Так, что ты хотел добавить? Я тебя перебил.

– Вот что я думаю, Васильич, а Луна может играть здесь какую-то роль? Я сейчас вспомнил, в ту ночь, когда Антон увидел зелёный луч, было полнолуние. Когда стемнело, Луна из-за гор такая огромная выползла, – и тут Генка развёл руки в стороны, – и светила как уличный фонарь. И в прошлом году в это же время было полнолуние. Я точно помню. С Иссык-Куля шёл. Перед перевалом, утром рано встал, ещё темно было, а Луна уже на западе за горы собралась спрятаться, я успел полюбоваться немного. Думаю, смотри, как красна девица за занавеску в окне прячется.

– Так-так-так, мысль интересная, – восторженно заметил Симаков, что-то в этом есть. Ты посмотри, сегодня и вчера такие тёмные ночи. Похоже, новолуние. Я что-то не обратил внимание.

– Что было в 65 и в 66 году, я не помню. Да и не придавал этому значения, – с горечью сказал Генка.

– Ну, ничего-ничего, мы эту ситуацию проясним. У меня товарищ в астрофизической обсерватории работает, я думаю у них расчёты фаз Луны есть. Я после летнего сезона к нему наведаюсь и попрошу сделать мне такие расчёты фаз Луны на 22 и 23 июня по годам, начиная с 64 года и лет, эдак, на двадцать вперёд. В принципе, ещё древние астрономы умели делать такие расчёты, а уж теперь-то это не проблема. Всё договорились, это я беру на себя. Кстати Ген, а ты слышал что-нибудь про НЛО?

– А что это такое? – с удивлением спросил Кулаков.

– Это аббревиатура, которая означает «Неопознанный летающий объект». Проще говоря, летающие тарелки. Говорят, на них инопланетяне летают.

– Первый раз слышу. В газетах я про такое не читал, а фантастику читать люблю. Но, это же фантастика! Наши космонавты, который год летают в космос, но ничего не видели, – сказал Генка.

НЛО в горах Северного Тянь-Шаня

– Так тебе в газетах и напишут, – язвительно заметил Симаков, – эти вещи под грифом «Совершенно секретно», понял?! Мне как-то давно, точно помню, что в космосе ещё даже спутники не летали, один американец, он был в составе группы альпинистов из США, они на шеститысячник какой-то на Памире делали восхождение, так вот он мне показал журнал с фотографиями этих самых тарелок. Потом ещё рассказывал, по-русски довольно хорошо говорил, где, кто, когда видел эти тарелки. Он, оказывается, был специалистом в этой области. Много чего интересного порассказал. Правда, меня потом в комитет вызывали и часа два со мной беседовали. Всё выяснили, что он там мне рассказывал. А в конце сказали, что всё это сказки и является западной пропагандой, а мне, как нормальному советскому человеку, не пристало слушать и верить во всякую чушь. Я пообещал, что больше слушать и верить не буду во всякие там, тарелки инопланетян, а сомнения всё равно остались. Вот думаю, что может и здесь что-то такое, о чём мне американец в тот раз толковал.

– Похоже, Васильич, прав был твой американец. Если бы ты видел отражение в этой нише, у тебя бы все сомнения отпали. Я до конца дней своих не забуду этот немигающий взгляд отражения. Внеземной, какой-то.

– Ладно, Гена, пошли спать, уже и фляжка пустая и костёр прогорел. Завтра к завтраку на турбазу спустимся.

Кулаков отработал два месяца инструктором на турбазе. За это время успел провести две группы по 326 маршруту и один раз провёл по кольцевому маршруту школьников в окрестностях турбазы. В конце сентября Кулакову на работу позвонил Симаков и предложил встретиться, как он выразился, на нейтральной территории.

– Лучше всего давай в воскресенье поедем на природу, возьмём выпить, закусить и посидим где-нибудь возле речки. Погода отличная, Бабье Лето стоит, дождей не обещали. Я расчёты с обсерватории получил, посидим, подумаем, – доносился из телефонной трубки голос Симакова.

– Я не против, Васильич. Давай в воскресенье, в 9 часов утра на конечной остановке 28 маршрута, – предложил Генка.

– Договорились! До встречи!

– Всего хорошего! До встречи, Васильич!

В воскресенье, вдали от любопытных глаз и ушей, двое мужчин мирно беседовали на небольшой полянке возле горной речки. На расстеленном одеяле стояла нехитрая закуска и пара эмалированных кружек.

– Вот смотри, что мы имеем, – Симаков стал разворачивать бумаги, вынутые из кармана, – в 64 году в ночь с 22 на 23 июня – полнолуние. В 65 году Луна в последней четверти и идёт на убыль. В 66 – в первой четверти. В 67 – опять полнолуние! В этом году мы с тобой попали в новолуние. Так что создаётся впечатление, что Луна может играть в этом деле, главную роль. Пока всё совпадает. Но проверить данную версию в ближайшие годы не получится.

– Это почему? – возмутился Кулаков.

– Да потому, что ближайшее полнолуние в эти числа месяца будет только в 72 году, да и то не будет 100 процентного полнолуния. Только через пару ночей. А вот в 75 году, полное попадание! 100 процентное полнолуние!

– Что ж получается? Ещё семь лет ждать? – растеряно спросил Генка.

– Получается так, – и Симаков налил в кружки водки, – а потом вообще, только в 83 году следующий раз, ну, и в 86, но там опять не совсем полнолуние. Вот расчёты на двадцать лет вперёд. Хочешь, верь им, хочешь, нет. Как Луну заставишь быть такой, какой она тебе нужна на эту дату? Смирись! Будем ждать, а что ещё остаётся делать? Мне тоже эта загадка не даёт покоя.

– У меня такое чувство, что Антон жив, – опорожнив кружку, произнёс Генка, – ведь он мне прокричал, а я услышал: «Вернись сюда в это же время! Они мне...», дальше уже ничего не разобрал. И ещё ледоруб. Может, Антон знак подавал что жив и ждёт помощи? Как ты думаешь, Васильич?

– И то правда, про ледоруб я как-то и забыл, – Симаков почесал затылок.

– Может быть, когда в прошлом году появился зелёный луч, ниша открылась, и Антон вышел из неё вместе с ледорубом, а потом его что-то опять заманило внутрь ниши, а ледоруб он обронил. Это страшное отражение в нише так смотрело... Ничего удивительного нет, если Антон обернулся и увидел его снова, вполне мог шагнуть обратно в нишу, а та в это время, закрылась, – неожиданно даже для себя самого развил мысль Генка.

– Мне понравился ход твоей мысли. Давай-ка ещё выпьем, может, ещё до чего-нибудь догадаемся, – Симаков потянулся за бутылкой.

Но больше никаких новых догадок, в ходе последующего разговора, не появилось.

– Гена, я тебе могу одно пообещать, что пока я работаю старшим инструктором на турбазе, то в эту ночь где-нибудь рядом с ущельем загадочных скал, будет делать ночёвку группа туристов. И если вдруг появится зелёный луч в ночь, когда не полнолуние, то надо будет искать другую версию.

– Да, пожалуй, так будет хоть какая-то возможность контролировать ситуацию, – согласился Генка.

– Ты сам приезжай на турбазу, подгадай на это время, а я для тебя и группу туристов приготовлю, которых выведешь в данный район. Это мы потом в рабочем порядке определимся. Может и сам увидишь зелёный луч. Тогда возьмёшь с собой пару крепких ребят и, не дожидаясь рассвета, пойдёшь к скалам. Ты дорогу к ним и в темноте найдёшь. Так что думай, Гена. До следующего сезона ещё далеко, но начинать думать надо сейчас.

– Хотелось бы, конечно, держать всё под контролем. Чует моё сердце, что увижу я Антона! Вот только вопрос – когда? Хорошо, Васильич, на следующий сезон не обещаю приехать на два месяца, но отпуск свой законный с середины июня возьму. Месяц буду в твоём распоряжении. Так я возьму эти расчёты лунных фаз? Хочу дома хорошенько изучить, – попросил Генка Симакова.

– Конечно-конечно. Я их для тебя и привёз, у меня дома ещё экземпляр есть, а это твой, – и Симаков сложил аккуратно бумаги с расчётами и протянул Кулакову.

– Вот спасибо! Посмотрю, может какая-нибудь дельная мысль придёт в голову. Если что-то надумаю, то позвоню... Стоп, а куда я позвоню? У меня же нет твоего телефона, совсем забыл, – растерянно произнёс Кулаков.

– Да, ничего. У меня действительно нет телефона. На турбазу не дозвонишься, да я там и редко бывать буду, а вот в Областном Совете я буду часто. Так что, если у тебя что-то появиться, то оставь в Совете записку, или скажи кому-нибудь там, что хотел бы меня видеть, а я тебя найду, – с улыбкой сказал Симаков.

Глава 6

Старик не спеша шёл по тенистым улицам города. Он любил это время года, когда бурная весна постепенно переходила в лето. Вторая половина июня почти всегда была солнечной и тёплой. Зелёные листья деревьев, после прошедших дождей, ещё не успели запылиться, были чистенькими и своей свежестью радовали глаз. Так он незаметно прошёл несколько кварталов и подошёл к автобусной остановке. Ехать на автобусе он никуда не собирался. Просто вспомнилось далёкое прошлое, когда он с большим рюкзаком стоял на вот этой самой остановке и ожидал товарищей, с которыми он договорился на пару дней выбраться в горы. В молодости такие небольшие походы дня на два, совершались им регулярно, не зависимо от времени года и погоды. Вот и старый карагач стоит на прежнем месте. Только стал немного толще, да кое-каких веток лишился. Видимо они мешали линиям электропередач. Внезапно из задумчивости его вывел скрип тормозов и шум открывающих дверей подъехавшего небольшого автобуса. «Маршрутное такси! До Медео без остановок!», – из салона автобуса раздался пронзительный женский голос кондуктора. Старик, не раздумывая, шагнул внутрь салона маршрутного такси. Сидячие места были почти все заняты. Оставалось места два – три на заднем сидении. Одно из них было возле окна, куда он и сел.

Действительно, дальше автобус ехал без остановок до самого Медео по хорошей, широкой, асфальтированной дороге. За последние 20 лет город расширил свои границы не только в западном и северном направлении, но и значительно продвинулся на юг, то есть, в сторону гор. Выросли новые микрорайоны, а уже выше, в зоне бывших правительственных дач, появи-

лись новые дома с оригинальной архитектурой, говорящие о том, что хозяева домов – зажиточные люди.

Автобус остановился недалеко от знаменитого когда-то на весь мир высокогорного ледового стадиона «Медео». Хотя был простой будний день недели, народу было много. Стояло несколько больших автобусов с надписью «Интурист» и кучки людей в разных местах внимательно слушали своих гидов. Кроме иностранных туристов было много и простых горожан, которые семьями приехали в этот сказочный уголок отдохнуть от городской суеты.

Старик решил подняться на самый верх искусственной плотины, но не по крутым ступенькам, а в обход, по дороге. Прогулка наверх плотины и спуск по крутым ступенькам продолжалась около часа. Захотелось есть. Он, недолго думая, зашёл в первый попавшийся ресторанчик, где его быстро и качественно обслужили. На таком же маршрутном такси старик без всяких проблем вернулся в город. Автобус остановился прямо у входа в его гостиницу. «Надо немного отдохнуть», – решил он и направился в свой номер.

Дома Кулаков разложил расчёты, полученные от Симакова, и опять надолго задумался. Ему хотелось вспомнить все те ночи с 22 на 23 июня за последние пять лет. Три ночи не вызвали сомнения, и он их помнил, как будто это было вчера. «Странно, получается, прошло четыре года, а ночей почему-то пять? – подумал Генка, – тьфу ты! Всё правильно, уже мозги совсем не работают!» – Кулаков аккуратно собрал бумаги и положил на книжную полку.

За зиму Кулаков ещё несколько раз доставал бумаги, внимательно изучал и также аккуратно убирал на место. За время изучения он пришёл к определённом выводу, что Луна во всей этой загадочной истории играет одну из главных ролей. Роль заключалась в том, чтобы находиться в ночь с 22 на 23 июня на одной линии с Солнцем и Землёй, но только так, чтобы Земля находилась между Солнцем и Луной, то есть в полнолуние. Второй вариант, когда Луна находится между Солнцем и Землёй, то есть в новолуние, зелёный луч не появлялся. В последний раз он с Симаковым как раз попал в новолуние. Генка окончательно убедился в этой версии и решил поделиться с Симаковым своими выводами.

В один из обеденных перерывов Кулаков решил навеститься в Областной Совет, чтоб известить Симакова о желании с ним встретиться. Совершенно неожиданно для себя в Совете он застал Симакова, который сидел за одним свободным столом и делал какие-то записи. Обрадовавшись внезапной встрече, приятели коротко поделились своими новостями и договорились встретиться в ближайшие выходные.

– Слушай, Ген, а если мы в субботу после обеда махнём на турбазу с ночёвкой? В воскресенье спустимся. Машина будет, тут нет никаких проблем. Мне там кое-что по хозяйству сделать надо. Посидим, поговорим. Как ты на это смотришь?

– Да, в общем-то, положительно. У меня ничего не намечалось в эти выходные. С превеликим удовольствием поеду, – согласился Кулаков.

После холодной и снежной зимы ещё не совсем щедрое на тепло мартовское солнце не притронулось к огромным сугробам, которые находились по обе стороны дороги, петляющей по крутому серпантину на турбазу. На самой турбазе сугробы достигали двухметровой высоты вдоль дороги от спального корпуса до столовой. По расчищенной бульдозером дороге приходилось идти, как по тоннелю. А к летним коттеджам и клубу вообще вела только узенькая тропинка, заботливо расчищенная сторожем.

– Эх, организовать бы здесь зимний отдых. Отапливаемый корпус на 100 мест есть, столовая нормально может функционировать. Одна беда, заняться отдыхающим нечем. На снежные склоны людей не выведешь, лавины в момент накрыть могут. Горнолыжную трассу проложить негде. Вокруг крутые склоны, поросшие лесом. Только остаётся на санках кататься,

прямо от клуба и до самого озера. Метров триста, а то и четыреста можно было бы катиться, – мечтательно сказал Симаков.

– И правда, всё можно было бы в дело пустить, – поддержал разговор Кулаков, – приехать с хорошей компанией на несколько дней, днём на санках покататься, а вечером в столовой с гитарой и песнями время провести. Было бы здорово! Отдохнуть, расслабиться, чем плохо?

– Беда, Гена, в том, что хозяина нет. Всё это принадлежит Областному Совету Профсоюзов, а им всё равно что здесь зимой. Лучше всего для них, чтобы турбаза была закрыта, меньше головной боли. Только вот директоров меняют каждый год. Только с одним сработаешься, а тебе к Новому Году подарочек: «Познакомьтесь, это ваш новый директор!» Пока новый директор разберётся, что к чему, а тут уже летний сезон начинается. Так вот мне в зимний период самому приходится заниматься всем этим хозяйством. А что делать?

– Не тужи, Васильич! Главное, что тебе работа нравится. Не нравилась, не работал бы. А так от тебя огромная польза для всех нас инструкторов и туристов, – успокаивающе сказал Генка.

– Ты прав. Пойдём в методкабинет, там у меня тепло, диванчик, кресла, стаканчики, закусочка. Посидим, поговорим о своём.

– Так вот что получается, – начал Генка, когда они удобно устроились в креслах и перед ними на небольшом журнальном столике появились стаканы, пара бутылок портвейна, хлеб, колбаса и солёные огурчики, – зелёный луч появляется только тогда, когда в ночь с 22 на 23 июня полнолуние, ну об этом мы ещё раньше догадались. Скалы в эту ночь странным образом преображаются. Становятся полированными, открывается ниша, куда вошёл Антон, и начинается свечение зелёного света. Луч направлен вертикально вверх и начинается, что-то в виде передачи или приёма информации из космоса. Так, стоп... А может это всё работает как маяк для твоих летающих тарелок? Что скажешь на это, Васильич? – внезапно прервал свою мысль Генка.

– С первой частью твоих рассуждений я, пожалуй, соглашусь, а вот насчёт маяка для летающих тарелок, тут у меня сомнения. В основном-то, эти летающие тарелки видели в США. У нас их, вроде, не замечали, – задумчиво произнёс Симаков, – хотя в наших газетах и журналах вряд ли напишут. Это закрытая тема для советских средств массовой информации. Кстати, а как ты смотришь на то, что с помощью этого зелёного луча передаётся, или получается информация из определённой точки космоса? Как ты думаешь, луч был вертикальным или же с каким-то наклоном? – Симаков заёрзал в кресле.

– Мне кажется, что Антон говорил о вертикальном луче, да и Марат говорил о том же. Ну, давай подумаем. Ты же тоже был у этих скал и видел, что они представляют из себя. Я, когда один к ним ходил, то у меня с собой был горный компас, ну, такой, которыми геологи пользуются. Им можно измерить угол наклона чего-либо. Склона горы, к примеру. Так вот я измерил эти скалы. Одна из них, где была ниша, абсолютно вертикальная! 90 градусов! А наклонная – ровно 45. – Генка потянулся за стаканом и медленно стал пить тёплый портвейн.

– Тогда однозначно! Луч вертикальный! – Вынес вердикт Симаков, – Угол падения, равен углу отражения и никаких гвоздей!

– А интересно, в какую сторону светил луч? – с улыбкой спросил Генка.

– Что? Не понял. Как в какую? Ох, ты... А, правда, в какую? – растерянно спросил Симаков.

– Вот и я спрашиваю, с какой стороны? Падал ли он на скалы или исходил от них? Пришёл он из космоса в нишу, или наоборот? – опять с улыбкой спросил Генка.

– Да, без бутылки тут не разобраться, – засмеялся Симаков и стал наливать в стаканы портвейн, – но вообще-то для нас это без разницы, – продолжил Симаков, – для нас главное, чтоб эта ниша открылась и выпустила Антона!

– Это главное, – согласился Кулаков, – но между делом можно было бы поинтересоваться, из каких глубин космоса появляется или куда уходит этот зелёный луч.

– Я понял, к чему ты клонишь. Забегу к своему астроному и спрошу. Только тут опять вопрос. В какое время, и как долго наблюдался этот луч? Земля то вертится, и каждую секунду луч будет смещаться на миллионы километров, от первоначального направления!

– Как я помню, Антон сказал, что луч появился около четырёх часов утра. Внезапно появился и минут через двадцать исчез. Марат приметил то же самое, – сказал Кулаков.

– Ну, это уже кое-что, – задумчиво произнёс Симаков.

– А до меня только сейчас дошло, – возбуждённо заговорил Генка, – ниша была в скале уже после того, как луч исчез. Часов пять она ещё была после исчезновения луча! А может она открывается часов за пять до того, как появится этот проклятый зелёный луч? Вот это надо обязательно учесть! – с жаром закончил свою мысль Генка.

– Интересная мысль. Тогда получается, что ниша может быть доступна, или открыта, как хочешь называй, почти 10 часов! – сказал Симаков, рисуя что-то на клочке бумаги, – вот смотри, я тут подсчитал, вы подошли к скалам где-то в половине десятого утра, ниша закрылась и исчезла минут через 10. Луч Антон видел сразу после четырёх часов утра и всего минут 20. Получается около пяти часов после исчезновения луча пропадает эта загадочная ниша.

– Я бы сказал, ниша не пропадает, а закрывается, – поправил Кулаков, – вначале чем-то прозрачным, как стекло, а потом становится обыкновенной каменной скалой...

– У меня другая мысль, – остановил Генку Симаков, – я клоню к тому, что в 67 году у Антона было как минимум пять часов на то, чтобы покинуть нишу. И мне не совсем понятно, как он может там находится уже несколько лет без пищи и воды, в конце концов?

– В том-то и загадка. Возможно, что внутри ниши время течёт совсем по-иному. К примеру, я бы сказал, один год для нас ровняется одной минуте для Антона. Тогда эти 5 – 10 часов, что была открыта ниша, для Антона были мгновения. Он и успел только выкинуть ледоруб, – предложил очередную версию Кулаков, – может он и выбраться оттуда без посторонней помощи не может! Как бы я хотел быть рядом, когда эта чёртова ниша откроется!

– Если судить по нашим расчётам, то не раньше 72 года, а 100 процентное попадание, только в 75 году, – мрачно произнёс Симаков.

– Будем готовиться к этим событиям, а пока остаётся только ждать, – сказал в заключении Генка и они перестали разговаривать на эту тему.

Дальнейшая беседа двух приятелей продолжалась ещё долго, но она не касалась загадочных скал. Портвейн делал своё дело и настроение у собеседников постепенно поднималось. Перешли на анекдоты, а потом Симаков откуда-то принёс гитару. Оказалось, что Анатолий Васильевич очень даже неплохо играл на гитаре, да и голос был приличным. Генка вовсю подпевал Васильичу. Песни под гитару долго были слышны в мартовскую ночь над ещё замёрзшим озером.

Летний сезон 69 года прошёл без приключений. Кулаков, как обычно, отработал два месяца на турбазе с середины июня и до середины августа. Как и обещал Симаков, Генке выпала возможность утром 23 июня побывать возле скал, но они были холодными и неприступными. Никаких изменений за прошедший год они не претерпели. С одной стороны, жалко ещё одного потерянного года, а с другой, всё больше появлялась уверенность в правильности расчётов появления зелёного луча от лунных фаз. Кулаков с Симаковым сдружились настолько, что почти все свободные выходные проводили вместе. Правда, разговоров о загадочных скалах и летающих тарелках, не заводили. Установилось какое-то молчаливое согласие, до поры до времени разговоров о таинственных скалах не заводить.

В начале 70-го года вышло Постановление ВЦСПС о закрытии на всех спортивных турбазах СССР плановых маршрутов выше второй категории сложности. Основной причиной для появления такого Постановления явилось, якобы, большое количество несчастных случаев,

которые стали происходить на плановых маршрутах в последние годы. Всем турбазам пришлось срочно менять расписания и графики заездов туристов, изменять схемы уже давно испытанных и отлаженных маршрутов. Турбазы «Озеро Иссык» эти изменения тоже коснулись. В частности, 326 маршрут поделили на две части и теперь туристов водили только в одну сторону. Либо на Иссык-Куль пешком, а оттуда на автобусе, либо наоборот. Интересные путешествия 3—4 категории сложности, превратились в заурядные походы первой категории сложности. Интерес к плановому туризму резко упал. Турбазы по инерции ещё работали в прежнем режиме, но инструкторов стало катастрофически не хватать.

Не понравились эти изменения и Генке Кулакову, и он решил, что в новом сезоне работать на турбазе не будет. Но Симаков уговорил приятеля провести хотя бы один заезд со школьниками. Группа намечалась человек под 60 и ни одного инструктора на это время. Генка не смог отказать приятелю и на две недели поднялся на турбазу. Довольные походом школьники покинули турбазу 20-го июня, а 21-го Генка собрался в уже ставшее привычным для него путешествие, к таинственным скалам. Как и в прошлом году скалы встретили Генку холодным молчанием.

Летний сезон 70-го года для многих спортивных турбаз стал последним. Их нерентабельность привела к тому, что турбазы стали передавать с баланса ВЦСПС, на баланс крупных процветающих предприятий и военных структур. Турбазу «Озеро Иссык» передали на баланс новому военному округу. Так спортивная турбаза «Озеро Иссык» постепенно превратилась в зону отдыха для военных. Симаков перешёл работать в Областной Совет профсоюзов, где стал начальником отдела культуры и спорта. В 71 году Кулаков впервые за много лет не взял отпуск в летний период и всё лето провёл на своей работе. Даже в июне у него не появилось желание сбегать к загадочным скалам. Приятели часто встречались, но, как и раньше, разговор о зелёном луче и скалах не затевали.

Глава 7

Старик прилёг на кровать и вытянул уставшие ноги. С непривычки ноги гудели. Ещё бы, лет пять без всяких тренировок, да и возраст давал о себе знать. Однако через полчаса он был опять на ногах. Ему хотелось побродить по старым улочкам родного города, но улицы стали не те и давно преобразились до неузнаваемости. В центре города не осталось ни одного старого здания за исключением тех, что были занесены в список памятников архитектуры. Генри Кулен не спеша оделся, взял с собой фотоаппарат и вышел в суету вечернего города.

Было ещё светло, солнце только собиралось опускаться к горизонту, но он видеть этого не мог. Из-за больших зданий и огромных деревьев картину заката солнца в большом городе наблюдать не представлялось возможным. Совсем недалеко от гостиницы, где он остановился, на берегу речки когда-то стоял дом с большим, по детским меркам, двором. Дом не был даже двухэтажным, так, один этаж с полуподвалом, да во дворе стояла пара времянок. В том дворе проживало семей 10. Хотя условия для проживания были очень уж далеки от всяких норм, но все жили как бы одной дружной семьёй.

Минут через 10 старик стоял около того места, где когда-то был его старый детский двор. Здесь давно уже был построен многоквартирный жилой дом, и о старом дворе напоминали лишь несколько уцелевших старых карагачей и клёнов. Он помнил каждое дерево и даже те, которых давно нет. По берегу речки пошёл в сторону родной школы и вновь детские воспоминания заполнили всю душу. Погуляв часа два по знакомым, и в тоже время ставших совсем чужими улицам, он вернулся в гостиницу. Есть ему не хотелось. Детские воспоминания вроде

и грели душу, но была какая-то тоска по давно ушедшему времени. Старик открыл шкаф и достал из своего нехитрого багажа бутылку французского коньяка, привезённого с собой. Налив полстакана пахучей жидкости, медленно, маленькими глоточками выпил всё до капли. Буквально через минуту он почувствовал, как приятное тепло разлилось по всему телу. Тоскливое настроение стало постепенно уступать мыслям о предстоящей завтра поездке. Достав из шкафа рюкзак, он тщательно перебрал привезённые с собой вещи и отложил кое-какие из них, как ему показалось, ненужные для поездки на бывшую турбазу. Переложил их в спортивную сумку и поставил её вместе с рюкзаком обратно в шкаф. Ещё раз налил себе полстакана коньяку и также смакуя, медленно выпил. В отличие от советских коньяков, которые когда-то давно ему приходилось употреблять и которые нещадно драли глотку, этот коньяк пился легко. Закусывать его совсем не хотелось. Через полчаса под воздействием коньячных паров старику снилось, как он мальчишкой лазает по деревьям детства, устраивая на них с товарищами что-то наподобие балагана.

В конце мая 72 года Генка неожиданно появился в рабочем кабинете Симакова.

– Привет Васильич! Всё работаешь? И не надоела тебе, эта писанина? – с напускной весёлостью поприветствовал Кулаков.

– О, привет Гена! – Симаков оторвался от своих бумаг, поднялся со стула и протянул Генке руку, – Ты как это забрёл ко мне?

– Пробежал я тут мимо, вот решил посмотреть, как старый приятель трудится. Если честно, то у меня к тебе дело. Ты же не забыл, какой год на дворе? Согласно нашим расчётам есть какая-то надежда. Давай вместе прогуляемся в горы. А то ты засиделся тут в бумажной пыли. Мне одному что-то боязно в этот раз идти. Ещё и военные там, без пропуска не сунешься. Да и отвык я в одиночку ходить, – выпалил одним духом Кулаков.

– Я не знаю как получится, но желание у меня есть. С пропуском проблем не будет, это я тебе обещаю в любом случае. Есть у меня знакомые в штабе округа. Давай я со своими делами немного управлюсь, а потом выясню у своего начальства насчёт того, чтобы недельку выкроить. Что у нас там получается? Так, смотрим календарь... 22 июня четверг. Да, придётся на полную неделю отпрашиваться. Ничего, думаю, что отпустят. Хорошо, договорились! Я свяжусь с тобой дня через три-четыре и сообщу результат. Думаю, он будет положительный, – убедительно произнёс Симаков.

– Это было бы здорово! Смотри Васильич, не передумай! Ну, всего хорошего! Мне ещё в одно место забежать надо, а времени в обреш! Бывай, Васильич! Жду твоего звонка!

– Беги-беги, я обязательно позвоню, – сказал Симаков и пожал на прощанье Генке руку.

Через неделю Симаков позвонил Генке на работу и сообщил, что со своим начальством договорился и теперь займётся вплотную оформлением пропусков. Генка тоже на своей работе взял неделю отпуска и начал готовиться к небольшому, но такому желанному походу. 19 июня около часа дня, Симаков и Кулаков сошли на конечной остановке рейсового, поселкового автобуса. Кроме них в автобусе до конечной остановки никто уже не ехал. Автобус развернулся возле шлагбаума и покатил вниз. Шлагбаум перекрывал дорогу, а дальше без специального пропуска проезд был запрещён. Ключ от большого замка, который висел на шлагбауме, находился у лесника, который жил рядом со шлагбаумом. С другой стороны шлагбаума, на обочине дороги, стоял военный УАЗ, и молоденький солдатик лениво прогуливался от машины до шлагбаума и обратно. Завидев сошедших с автобуса двух приятелей, солдатик встрепенулся и подошёл к Симакову.

– Здравствуйте! Извините, вы Анатолий Васильевич Симаков? – спросил солдат.

– Да, это я, – ответил Симаков.

– С вами Кулаков Геннадий Петрович? – опять спросил солдат.
– Да, это он, – с улыбкой ответил Симаков и посмотрел на растерянного Генку.
– Разрешите, пожалуйста, ваши пропуска, – протянул руку солдат.
– Пожалуйста, вот они, – и Симаков достал из нагрудного кармана рубашки две небольшие карточки с ярко-красной полосой по диагонали.
– Всё в порядке, – сказал солдат, забрав пропуска, – прошу в машину. У меня приказ от майора Коцаренко доставить вас на базу.

– Так Владимир Николаевич Коцаренко на базе? – с удивлением спросил Симаков, – и что же он там делает?

– Майор Коцаренко у нас, что-то вроде директора, если говорить гражданским языком, – улыбнулся солдат.

– Понятно! Ну, ладно, поехали! Я его уже больше года не видел. Всё думал, куда он исчез? А он вон где! Повезло нам Генка! – громко сказал Симаков, поудобней усаживаясь на сидение в УАЗике, пристраивая на коленях рюкзак.

Генка сел рядом с Симаковым и пристроил свой рюкзак у себя на коленях. УАЗ зарычал и проехав метров 200 по асфальтовой дороге, стал спускаться к руслу реки. Дальше участок асфальтированной дороги на протяжении двух километров был размыв ещё 9 лет назад селевым потоком. Импровизированная дорога, расчищенная мощным бульдозером, петляла между камней вдоль русла реки километра три, а потом выходила опять на асфальт и уже четыре километра по крутому серпантину шла прямо до озера Иссык.

Шлагбаум перед турбазой начал подниматься, как только УАЗ появился из-за поворота. Солдат в будке что-то говорил в трубку полевого телефона. Возле административного здания машину уже ждал офицер с погонами майора. Майор был ростом около двух метров и достаточно плотного телосложения. Если бы не армейская форма, его можно было бы принять за былинного богатыря. Майор широко улыбался и сам открыл дверку УАЗа, когда тот остановился около него.

– Ба! Кого я вижу? Анатолий Васильевич собственной персоной! Как я рад тебя видеть! – забасил громовым голосом богатырь и одной рукой снял с колен Симакова довольно увесистый рюкзак, – Дай-ка я тебя обниму! – поставив рюкзак на асфальт, он развёл руки в разные стороны, давая понять, что сейчас обхватит своими лапищами Симакова.

– Ну-ну-ну! Знаю я твои нежные объятия! После них три дня кости болят! – с наигранным испугом возразил Симаков.

– Да не бойся, не помну! – И майор действительно нежно обнял Симакова.

– Знакомься, Володя, это мой друг, Гена Кулаков, инструктор горного туризма. На этой самой турбазе больше десяти сезонов отработал. А это, Гена, мой старый товарищ, Володя Коцаренко. Мы вместе когда-то альпинизмом занимались. Не одно восхождение вместе совершили, – представил Симаков своих друзей друг другу.

– Очень приятно, – протянул руку для приветствия Генка и почувствовал, как его, не очень-то и маленькая кисть утонула в огромной клешне майора.

– Мне тоже очень приятно, – сказал майор и крепко, но не сильно пожал руку Генке, – пошли в апартаменты, у меня там всё готово! Семёнов! – обратился он к водителю, – возьми ещё кого-нибудь, и отнесите рюкзаки в двенадцатый номер!

– Есть, товарищ майор! – козырнул водитель.

– В какие апартаменты, Володя? – спросил недоуменно Симаков.

– А, это я так называю твой бывший методический кабинет. Сейчас там стол накрыт для дорогих гостей. Пойдём, всё нормально! Сегодня вы у меня в гостях, а гости – это святое! Да и время уже обеденное. Так что, вперёд и без всяких возражений! – басил Коцаренко, пропуская вперёд гостей сзади легонько подталкивая их в спины огромными ручищами.

Методический кабинет, почти совсем не изменился. На стене большая схема Заилийского Алатау, с нанесённой на ней разноцветными пунктирами ниточками маршрутов. Всё та же мебель. Только посреди кабинета стояли сдвинутые вместе два стола, принесённые из столовой и застеленные чистой скатертью. По приборам, расставленным на столе можно было определить, что сидеть за столом будет три человека.

– Насреддинов! – Окликнул майор, суетившегося около столов, солдата, – у тебя всё в порядке?

– Так точно, товарищ майор! – откликнулся солдат.

– Молодец! Теперь покажи, в каком термосе у тебя что есть, и можешь быть до вечера свободен, – распорядился майор.

– Здесь лапша дунганская, горячая. Положите в пиалушки сколько надо, а потом из вот этого термоса нальёте подлив. В этом термосе шницеля, а здесь гарнир, картофельное пюре. Холодная закуска и салаты на столе. Вот и всё, товарищ майор, – отрапортовал солдат.

– Хорошо, можешь идти, если что-то понадобится, я тебя позову, – сказал майор.

– Есть! – Козырнул солдат и исчез за дверью.

– Ну, давайте, рассаживайтесь дорогие гости, сейчас и выпьем, и закусим, и поговорим, – приглашая садиться за стол, сказал майор. – Ох чёрт! Совсем забыл, вы пока располагайтесь, я на минутку выйду.

– Гена, ты только ничего не говори о цели нашего визита, – прошептал Симаков, как только за майором закрылась дверь, – хоть он мне и друг, но ему не обязательно знать всю правду. Зайдёт разговор скажем, что просто соскучились по местным красотам.

– Хорошо, Васильич. Я и сам тебе это хотел сказать, – кивнул в ответ Генка.

– Вот, теперь всё в порядке! – В дверном проёме, почти полностью его закрывая, показался здоровенный Коцаренко, – совсем вылетело из головы. По осени баньку соорудили там, где душевые были, помнишь Толя? За дизельной. Распорядился, чтоб часам к восьми вечера готова была.

– Да и не обязательно это, Володя! – попробовал возразить Симаков.

– Нет! Банька входит в комплект гостеприимства. А я на правах хозяина определяю этот комплект! – сразу же пресёк всякие возражения майор.

– Банька, так банька. Подчиняемся воле хозяина, – засмеялся Симаков.

Обед растянулся часа на четыре. Было выпито две бутылки трёхзвёздочного «Арарата» и полбутылки «Столичной». Еда тоже значительно поубавилась. Раскрасневшиеся от спиртного, приятели вели непринуждённую беседу. Временами вспоминая различные приключения из своей жизни, перемешивая эти воспоминания с анекдотами. Часов около шести вечера Симаков предложил прогуляться, мотивируя это тем, что перед банькой необходимо немного протрястись. Возражений не последовало и все дружно встали из-за стола. Симаков с Генкой решили спуститься к озеру и побродить по берегу, а майор, сославшись на свои дела оставил их вдвоём, предупредив, что без четверти восемь он их будет ждать в методкабинете. Прогулка на свежем воздухе отрезвила приятелей и ощущение тяжести в желудках от выпитого и съеденного, постепенно исчезало. Без пятнадцати восемь они поднялись в методкабинет, где их ждал майор. Грязная посуда со стола была уже убрана, а чистая стояла на столе, готовая к употреблению. В центре стола появились ещё бутылка «Арарата» и бутылка «Столичной».

– Слушай, Володя, мы так сопьёмся, сколько же можно? – с наигранным недовольством сказал Симаков.

– А чего здесь пить? Тут совсем немного! Сейчас не будем, а после баньки, сам Бог велел, – пророкотал майор, – пошли в баню, там всё готово.

– Полотенца же надо взять, – робко заметил Кулаков.

– Ничего не надо! И полотенца, и простыни, всё уже в бане! И даже квас холодный есть. Всё на месте, вас только там нет! А ну, пошли быстро! – скомандовал майор и подтолкнул друзей к выходу.

Баню построили отменную. Небольшая парилка и просторный предбанник могли принять одновременно человек 10—12. На столе в предбаннике стояла трёхлитровая запотевшая банка с квасом и несколько чистых солдатских кружек. На стене висели свежие берёзовые веники, а в углу на скамейке, высилась стопка оцинкованных шаек.

– Молодец, Вова! Я тоже мечтал построить на турбазе баньку, но, ни средств, ни времени не было, – с сожалением заметил Симаков.

– Не печалься, Толик! Ну, у тебя не было возможности, у меня появилась. Пойдём, я тебя лучше веничком отхлестаю, – засмеялся майор.

– Ага, тебе только доверься, так шкуру спустишь! – отшутился Симаков.

Отрезвевшие и уставшие от бани, друзья опять направилась в методкабинет. Успешно допив остатки спиртного, около часа ночи все отправились спать. Утром друзей разбудил громовой голос майора, предложивший продолжить вчерашнее мероприятие. Но Симаков и Кулаков категорически возразили, сославшись на то, что они сразу же после завтрака уходят в горы. Майор поначалу обиделся, но, когда Симаков сказал, что у них совсем мало времени, а от намеченной цели, подняться на одну из безымянных вершин в верховьях Чин-Тургень они отказываться не хотят, Коцаренко успокоился.

– А сколько вам времени для вашей прогулки надо? – спросил майор.

– Сегодня вторник, 20 число, мы далеко не уйдём, – начал Генка, – 21-го подойдём под перевал, 22-го будем в Чин-Тургене, 23-го через вершину в сторону Иссыка. Я думаю, 24 числа к обеду, можем вернуться, – закончил Генка.

– Ну, и прекрасно! 24 июня суббота, опять банька, смыть с вас дорожную пыль, а 25-го, воскресенье. К вечеру я вас прямо по домам и развезу. Мне тоже в штаб округа в понедельник с утра надо. Всё, договорились! Пойдём завтракать, а потом можете идти на все четыре стороны. Идите, умывайтесь, жду вас в столовой, – майор поднялся и вышел.

После плотного завтрака часов в десять утра, двое друзей взвалили свои рюкзаки на плечи и направились в сторону Левого Лога. Их провожал двухметровый майор, повторивший в который раз, что ждёт их в субботу к обеду. После вчерашнего застолья и баньки идти вверх по тропе было тяжело. Друзья поднимались медленно, с частыми перерывами. Только часа через три они поднялись на ту площадку, где четыре года назад они ночевали после безуспешного посещения таинственных скал. Возле родника, отдохнули с полчаса, перекусили и стали собирать сухой валежник для того, чтоб взять его с собой к скалам. После отдыха преодолели перевал «Выпускников» и поднялись чуть-чуть вверх по ущелью. До большого валуна, где несколько раз делал ночёвку Кулаков, они не дошли. Решили заночевать на старой морене возле небольшого снежника.

Утром 21-го друзья поднялись, когда на небе остались лишь яркие звёзды, а через час солнечные лучи осветили вершины гор. К этому времени приятели шли по едва заметной тропке, круто поднимающейся на молодую морену. Через полтора часа после выхода с места ночёвки, остановились передохнуть возле огромного валуна. За четыре года ничего не изменилось, лишь язык ледника немного укоротился и отступил вверх метров на 400.

– Смотри-ка, Васильич, как ледник подтаял. В 68-м был почти около валуна, а сейчас вон куда убежал, – сказал Генка.

– Да, заметно уменьшился. Зато ледопад вон с того непроходимого перевала ещё больше стал. Ледник местами оторвался в верхней части, – заметил Симаков.

– Нам туда не надо идти, лишь бы на вершине снег не подтаял, а то опять ступени рубить придётся. Что-то сегодня не охота этим заниматься, – лениво зевнул Генка.

– Я не думаю, что на вершине нет снега. Погляди, кругом пятна снежников, – успокоил Генку Симаков.

– Часа два осталось до вершины и утро прекрасное. Тихо-то тут как! Даже ручейка не слышно, замёрз бедняга, – ещё раз потягиваясь, зевнул Генка.

– Кончай лень на себя напускать, – с наигранной строгостью сказал Симаков, – пошли, а то засиделись.

На вершину поднялись без всякого труда. Неглубокий снежный наст позволил друзьям преодолеть последние метры к вершине за пару минут. Кулаков на вершине стал разбирать тур из камней, чтобы достать жестяную банку из-под сгущённого молока, в которой должна была быть записка.

– Смотри, Васильич, как банку молниями побило. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Семь дырок в банке и записка наполовину обгорела. Да, это же моя записка! Помнишь, четыре года назад я её писал, когда назад шли?

– Конечно, помню. Банку надо поменять, а записку в полиэтиленовый пакетик засунуть. На обратном пути поменяем. Какую-нибудь же банку освободим из-под сгущёнки или тушёнки, – сказал Симаков, глядя на дырявую банку в руках у Генки.

Спуск по гребню в сторону непроходимого перевала занял немного времени и вскоре друзья стояли возле загадочных скал.

– Васильич, давай далеко от скал уходить не будем. Неужели не найдём рядышком место для одной палатки? Да хотя бы вон на той площадке, где когда-то нас с вертолёта высаживали. Разровняем камни, а под ними, мне кажется, мелкие камушки как щебёнка. И снежник недалеко, с водой проблем не будет.

– Давай-давай, я не против такого решения, – согласился Симаков.

На установку палатки времени затратили больше часа, но до наступления сумерек было ещё далеко. С самого утра они ничего не ели и здорово проголодались. Соорудив приличный очаг, друзья развели костёр и уже совсем скоро была готова каша гречневая с мясом. Пока ели кашу, приготовленную из брикетов, в другом котелке закипела вода для чая. Сытно поев и напившись ароматного чая, они разлеглись на спальниках, расстеленных возле палатки. Друзей разморило под ярким, горным солнцем, которое начинало медленно двигаться в сторону заката.

– Ну, что Гена, пойдём, посмотрим, что там с нашими скалами, пока светло? – начал подниматься Симаков со своего спальника, на котором он удобно лежал возле костра.

– Пойдём, тут минут на десять ходьбы, – откликнулся Генка.

Не прошло и 10 минут, как оба приятеля стояли уже в расщелине между скал.

– Гена, а скалы то изменились. Смотри, какие они гладкие и тёплые на ощупь, – поглаживая скалы, сказал Симаков.

– Да я и сам вижу. Сегодня ещё только 21 июня, а скалы уже готовятся к чему-то. Может сегодня и ниша откроется? Как ты думаешь, Васильич?

– Вряд ли. Если что-то и произойдёт, то только завтра ночью, а сегодня идёт подготовка. Скалы стали гладкими, но ещё не полированные. Ты же сам говорил, что тогда они были отполированы, как зеркало! А тут ещё маленькие трещинки есть. Я думаю, что они должны все закрыться, – внимательно изучая скалы, возразил Симаков.

– Возможно, ты и прав. Скалы не дошли до нужной кондиции, – согласился Генка.

– Пойдём к палатке, Гена, скоро стемнеет. Нам надо эту ночь хорошенько выспаться, потому что следующая ночь для нас спокойной не будет. Сдаётся мне, что всё-таки что-то произойдёт, а мы должны быть свидетелями этого, – сказал Симаков и стал выбираться из расщелины.

– Здесь так уютно, тепло, что уходить неохота, – улыбнулся Генка и тоже стал выбираться наружу.

Ночь прошла без всяких происшествий. Кулаков за ночь несколько раз вылезал из палатки и смотрел в сторону скал, но ничего не происходило. Только почти полная Луна освещала холодным светом ущелье. Левый край диска Луны был ещё темноват, но через две-три ночи лунный диск должен был быть полностью освещён. Утром наспех позавтракав, Симаков с Кулаковым поднялись к скалам. Скалы опять преобразились. Те трещинки, которые накануне заметил Симаков, исчезли, а сама поверхность скал, стала ещё глаже. Тепло излучаемое скалами стало ощущаться ещё сильнее. Тишина давила какой-то странной тяжестью. Друзья молча стояли в расщелине, прислушиваясь к стуку своих сердец.

– Скоро что-то должно произойти, – наконец сказал Симаков, – чувствуется какое-то напряжение во всём.

– Я тоже это чувствую, – тихо сказал Генка.

– Судя по нашей небольшой статистике, зелёный луч и появление ниши будет только ночью, а точнее ближе к четырём часам утра, не раньше. Я в этом, почти, убеждён, – также тихо сказал Симаков к чему-то прислушиваясь, – Ты слышал Гена?

– Что? – спросил Кулаков.

– Какой-то треск был, как от электрического разряда со стороны вертикальной скалы.

– Нет, – и Генка прижался ухом к вертикальной скале, – всё тихо!

– Может, мне показалось, – махнул рукой Симаков, – Ну, что делать будем, Гена? Здесь до ночи сидеть, вроде и ни к чему. Может, к палатке пойдём? Чего-нибудь поесть сварим, чайку попьём. Как ты думаешь?

– Пойдём, потом ещё раз придём, посмотрим, что здесь меняться будет, – согласился Генка.

До вечера они ещё два раза поднимались к скалам. Каждый раз примечая всё новые изменения во внешнем виде поверхности скал. К вечеру поверхности скал были отполированы так, что в них уже отражались фигуры друзей. С наступлением темноты приятели забрались в спальные мешки, чтобы немного передохнуть. Решили встать в 12 часов ночи и вновь подняться к скалам, а там уже ждать, как будут развиваться события. В половине первого ночи, прихватив с собой ледорубы, фонари и фляжки с чаем, они были в расщелине. Путь до скал был преодолён без всяких проблем. Луна светила так, что светить фонариками себе под ноги не было никакой необходимости. Уже в расщелине, Генка включил свой фонарик и направил свет от него, на вертикальную поверхность скалы. Свет фонаря отразился от скалы нарушая все мыслимые законы оптики. Кулаков направил луч фонаря на вертикальную поверхность скалы по касательной, градусов в 40—45, но луч отразился строго перпендикулярно вертикальной плоскости, да и к тому же стал намного ярче. Отразившись от вертикальной плоскости, свет упёрся в поверхность наклонной скалы и опять многократно увеличив яркость ушёл вертикально в ночное небо. Генка попробовал переместить луч фонаря в другое место поверхности вертикальной скалы, но эффект оставался тот же. Ошалевший Симаков включил свой фонарь и тоже направил свет от него на вертикальную стену. Отражённый строго вертикально свет, только прибавил яркость.

Приятели заворожено смотрели на эти чудеса. В расщелине было светло как днём, всего-то от света двух походных фонарей. Внезапно послышался сухой треск, как от электрического разряда. В середине вертикальной скалы, как раз из того места, откуда отражались лучи фонарей, начал вырисовываться контур ровного полукруга.

– Вот здесь и был вход в нишу! – воскликнул Генка.

Симаков не отреагировал на возглас Генки, он сосредоточенно экспериментировал со своим фонариком, направляя свет в различные места поверхности вертикальной скалы, но отражённый свет от фонаря упрямо выходил точно посередине вырисовывающегося полукруга.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Симаков и выключил фонарик, – фантастика какая-то!

– А я тебе о чём говорю вот уже который год, – сказал Кулаков и тоже выключил свой фонарик. Стало непривычно темно, хотя яркая Луна и освещала ущелье.

– Давай-ка вот что сделаем, сядем немного в стороне от предполагаемого входа в нишу, а то вдруг появится зелёный луч, природу которого мы не знаем, да спалит нас ко всем чертям, – предложил Симаков, – посидим, понаблюдаем, что дальше будет.

– Разумно. Вот здесь, с краю можно пристроиться. От скал тепло идёт довольно ощутимое, не замёрзнем, – и Генка начал устраиваться у самого края расщелины. Симаков последовал его примеру.

Прошло часа два, но никаких видимых изменений в облике скал не происходило. Только изредка со стороны вертикальной скалы доносился сухой треск. Около трёх часов ночи опять раздался сухой треск, но звук был намного громче и на самом верху скалы появились голубые огоньки, как от высоковольтного электрического разряда. По всей полированной ширине скалы эти огоньки стали медленно опускаться вниз. Создавалось впечатление, что кто-то пытается таким способом очистить поверхность скалы, удаляя с неё невидимые пылинки и трещинки, полируя до совершенства.

Приятель встал и отошёл в сторонку, чтобы эти похожие на высоковольтные электрические разряды не заделали их. Так повторилось несколько раз. После каждого раза предполагаемый вход в нишу вырисовывался всё отчётливее, как бы подсвечиваясь изнутри скалы фосфорическим, зеленоватым светом. В тоже время этот слабый зеленоватый свет начал отражаться в наклонной плоскости скалы, многократно увеличивая яркость. Стало заметно светлее. Прошло ещё полчаса, свечение полукруга немного увеличилось, но для того чтобы появился мощный зелёный луч, направленный в бездны космоса, этого свечения явно не хватало. Хотя свечение полукруга больше и не увеличивалось, но вход в нишу начал явно становиться прозрачным.

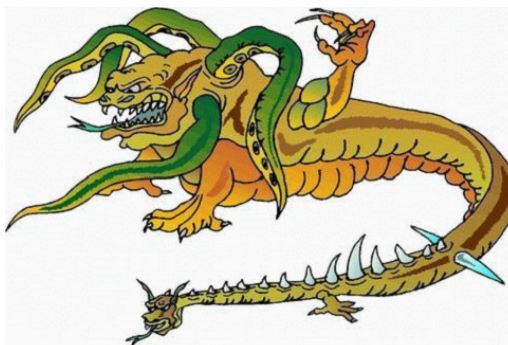
Генка, отбросив все предосторожности подошёл вплотную к слабо светящейся поверхности полукруга. Симаков тоже подошёл к Генке и встал рядом с ним. Через несколько минут вход в нишу стал совершенно прозрачным. В слабом внутреннем свете друзья отчётливо различили мужскую фигуру, которая стояла к ним спиной и смотрела на своё огромное отражение в сферической зеркальной поверхности ниши.

– Антон! Я пришёл за тобой! – заорал Генка, – Обернись же, Антон!

Мужская фигура, как будто услышала крик Генки, стала медленно поворачиваться. Отражение не шелохнулось. В неясном внутреннем свете ниши Генка всё равно узнал друга, который как под гипнозом медленно повернулся и подошёл к прозрачной перегородке. Губы его зашевелились, но звук сквозь прозрачную преграду не проходил. Отражение Антона в сферической поверхности ниши не мигая смотрело прямо в глаза Генке.

– Чёрт! Как стало темно, ничего не видно, – выругался Симаков, – где мой фонарь? – и сделал несколько шагов в сторону, чтобы поднять свой фонарик.

Пока Симаков отошёл за фонарём, отражение в нише внезапно изменилось. Из лица Антона оно превратилось в какого-то монстра похожего на китайского дракона из сказок и легенд. Жутко оскалив пасть и щёлкнув огромными клыками, отражение исчезло и вместе с ним пропало свечение в нише. А через мгновение закрылась и сама ниша. Генка произвольно вскрикнул от ужаса, увидев изображение монстра. Когда Симаков подошёл с фонариком к входу ниши, там ничего не было. Только оставалось слегка фосфорическое свечение полукруглого контура. Через несколько минут всё исчезло.

– Ты же видел, Васильич? Антон там и он живой! Что случилось? Почему всё пропало? – Генка бил кулаком по полированной поверхности скалы, – Ну, почему? Ну, почему всё исчезло? – не успокаивался Генка.

– Успокойся Гена! Я кажется догадываюсь в чём дело. Постараюсь тебе объяснить. Вот посмотри, – Симаков включил свой фонарик и направил на полированную поверхность вертикальной скалы. Свет фонаря отразился, как от обычной зеркальной поверхности, не перемещаясь в место, где был полукруг и не увеличивая яркости, – сеанс космической связи закончен. Как такого сеанса сегодня и не было. Была попытка. Посмотри на Луну, ещё не полнолуние, так, процентов на 90 светит. Вот в чём загвоздка. Я думаю, что полнолуние в ночь с 22 на 23 июня должно быть никак не меньше, чем в 95 процентов. Ты не слышишь меня, Гена?

– Нет-нет, я слушаю тебя Васильич, просто я никак не отойду оттого, что увидел, – как-то отрешённо сказал Кулаков.

– А что ты видел? – заинтересовано спросил Симаков.

– Потом, Васильич, потом, дай немного отойти, – попросил Генка.

– Ну, хорошо, потом, так потом, пошли к палатке, здесь больше делать нечего, – категорично заявил Симаков и тряхнул Генку за плечо, – пошли Гена.

Было около пяти часов утра, когда приятели разожгли костёр и поставили на огонь котелок с водой. Небо стало совсем светлым.

– Гена, нам надо скорее уходить отсюда. Смотри, тучи наползают, как бы гроза не разразилась. Нам здесь наверху, это ни к чему. Давай собираться, – сказал Симаков, прихлёбывая чай и глядя на небо.

– Пора уже дождю. И так три дня погода нас баловала, – согласился Генка.

Дождь всё-таки застал приятелей, но к тому времени они спускались с перевала «Выпускников» и до зоны леса, где была знакомая им лесная полянка с родничком, оставалось пройти минут 10. Мокрая тропа стала скользкой и спускаться по ней стало тяжело. Только приятели успели забраться под густую высокую ель, как дождь полил с такой силой, что тропа, по которой они только что спускались, превратилась в небольшую бурную речку. Сверкнула яркая вспышка молнии. Генка по привычке стал считать секунды. На четвертой секунде раздался оглушительный грохот.

– Ого! Где-то совсем близко долбануло! – вздрогнул Генка.

– Смотри, какой град повалил! Давно я такого не видал, – Симаков присел, чтобы выглянуть из-под ели.

– Небесные силы гnevаются! – пошутил Генка.

– Ну, что? Может под елью, и поставим палатку? – предложил Симаков, – здесь пока сухо, да и достаточно ровно. На турбазу идти, смысла нет, уже поздно, да и по такой тропе спускаться, что-то не очень охота. Только промокнешь, да выпачкаешься.

– Конечно, давай здесь, и заночуем, – охотно поддержал Кулаков, – Васильич, только честно ответь, ты есть хочешь?

– Я что-то об этом даже и не думал, – задумчиво произнёс Симаков, – мы как утром чай попили, так больше ничего и не ели.

– Вот и я о том же. В прошлый раз, когда я один ходил в 67 году, тоже есть не хотелось после посещения скал. Как будто энергия в тебя какая-то вливается. Бодрость появляется. Вот и сегодня мы достаточно много отмахали, да ещё в таком темпе, а усталости не чувствуется, – сказал Генка, доставая и разворачивая палатку.

– Да, ты прав. Я совершенно не устал, но в такую погоду лучше в палатке и внутри спальника быть, чем возле костра. Не будем мы сегодня костром заниматься, да и под елью его не стоит разводиться. Ставим быстренько палатку и внутрь, – весело сказал Симаков и стал помогать Генке, устанавливая палатку.

В какой-то момент, Генка зацепился за ветку густой ели вязаной шапочкой, которую не снимал с тех самых пор, когда они были возле скал. Ветка согнулась, а потом распрямилась и как пружина отбросила шапочку к ногам Симакова. Симаков наклонился, поднял вязаную шапочку и взглянул на Генку. Перед ним стоял совершенно седой Кулаков.

– Ты чего, Васильич? Что ты смотришь на меня такими изумлёнными глазами? – протянул руку за шапочкой Генка.

– Ничего, Гена, ничего. Всё образуется, – забормотал Симаков.

– Что образуется? Васильич? Что с тобой? – забеспокоился Генка.

– Со мной всё в порядке, а вот у тебя голова совершенно седая! – вздохнул Симаков.

– У меня и были седые волосы. Немного, но были. Впервые появились после того, как Антон пропал, – пожал плечами Генка.

– А вот сейчас твоя голова стала белая, как снег, – Симаков отвернулся, чтобы Генка ни видел, как он смахивает слезу.

– Да ладно тебе шутить, не первое апреля, – улыбнулся Генка.

– Нет у меня с собой зеркала, а то бы я тебе показал первоапрельскую шутку, – серьёзно сказал Симаков, – давай натягивай растяжки со своей стороны, пока я стойку держу.

– Пожалуйста, натянул, теперь ты со своей стороны натягивай, – кивнул седой головой Генка.

– А теперь рассказывай, что ты там увидел, – обратился Симаков к Генке, когда они удобно устроились в палатке.

– Ты же видел в нише Антона? – спросил Генка.

– Ну, я его совсем не знаю, только с твоих слов. Если ты говоришь, что это был Антон, значит, так оно и есть, – уклончиво ответил Симаков.

– Я утверждаю, что это был он! Нисколько не изменился, правда, в нише было темновато, но я всё равно его узнал. А когда он повернулся и подошёл к выходу из ниши и стал что-то говорить, у меня исчезли последние сомнения, – с жаром спорщика сказал Генка.

– До этого момента я всё видел и помню, а потом отвернулся, чтобы поднять фонарик и осветить внутрь ниши. Вот тут ты и закричал. Когда я подошёл к тебе, ниши уже видно не было.

– Вот-вот! Только ты отвернулся, как отражение Антона... Ты же отражение это видел? – внезапно прервал свой рассказ Генка и спросил Симакова.

– Конечно, видел. Огромное, неподвижное. Странное такое. Антон двигался, а его отражение не шевелилось, – вспоминал Симаков то, что ему удалось увидеть прошедшей ночью.

– Ну, так вот, только ты отвернулся, как это самое отражение превратилось в какое-то чудовище. Даже не могу объяснить, на кого оно было похоже. Я такого никогда не видел. Что-то напоминало китайского дракона из сказок и легенд. Когда-то давно, в детстве, у меня была иллюстрированная книга китайских сказок. Но там, на рисунках драконы были не страшные, я бы сказал, добрые. А тут появился монстр, который широко разинул пасть с огромными клыками и щёлкнул ими. Мне показалось, что я даже услышал этот звук сквозь преграду. Вот

тут я и закричал от ужаса. Ощущение было такое, что этот монстр был готов сожрать Антона, стоявшего к нему спиной. Было очень жутко! – передёрнулся всем телом Кулаков.

– Поэтому ты и поседел! – подвёл итог Симаков. – О том, что видели, никому ни слова. Надо придумать какую-нибудь правдоподобную историю по поводу того, почему ты поседел. У тебя какие-нибудь соображения на этот счёт есть?

– Ну, ты даёшь Васильич! Всего полчаса назад сам мне сказал о том, что у меня голова седая. Когда было время думать? Вот давай сейчас и подумаем, лёжа в спальниках, на ночь глядя, – незлобно буркнул Генка.

– Давай попробуем сочинить что-нибудь. Нам что-то придумать надо. Без этого никак нельзя, – Симаков поправил рюкзак удобней в головах и повернулся к Генке.

– Трудно будет придумывать, Васильич. Встреча с медведем или со снежным барсом, как-то не очень убедительно звучит. Медведи, хотя и есть в наших горах, но выше зоны леса очень редко заходят. Про снежного барса и того сложнее. Тоже водится здесь, но увидеть, а тем более с ним близко столкнуться, просто невозможно, – начал рассуждать Кулаков, – может расскажем, как будто шли по гребню и вдруг сорвался снежный карниз. Меня вместе со снегом потащило вниз, в пропасть. Ты еле вытащил меня. Вот от испуга и поседел.

– Это, конечно, может походить на правду, но тут тогда надо обсудить детали и договорится, чтобы всегда, везде и всем, кто бы ни спросил, говорить одно и то же. Лучше всего представить, что это с нами произошло на самом деле, – сказал Симаков.

Приятеля долго ещё обсуждали то, как они шли по гребню, как Генка внезапно провалился, а Симаков еле успел среагировать и подстраховать. Как потом с трудом и очень долго Симаков вытаскивал из пропасти оглушённого снежным обвалом Генку. Фантазия у них разыгралась до такой степени, что, засыпая они уже сами верили в то, что с ними произошло. Ночью ещё раз прошёл небольшой дождь, но друзья спали здоровым, крепким сном и не слышали шум дождя. Утро выдалось безоблачным и без малейшего ветерка. Только журчание родничка нарушало тишину. Маленькие пичужки на такую высоту не залетают, поэтому птичьего щебетания не было слышно. Друзья проспали почти до десяти часов утра, видимо сказывалось напряжение последних двух суток. По большому счёту им спешить было некуда. Спуститься к турбазе они могли и за час. Тропинка была мокрая и выглянувшее солнце ещё не успело её просушить. Когда солнышко начало пригревать перкалевую палатку, внутри стало душно и приятели зашевелились в спальных мешках.

– Вот это мы дали! Я ещё никогда так крепко и долго в горах не спал, – заспанным голосом сказал Симаков.

– Да и я тоже что-то разоспался, – садясь в спальном мешке и открывая полог палатки, откликнулся Генка, – а утро, какое прекрасное!

К часу дня 24 июня, как и обещали майору Коцаренко, приятели шагали по асфальтированной дороге в сторону спального корпуса. Там их уже поджидал двухметровый майор.

– Видел-видел, как вы шли по тропинке вдоль озера. Молодцы! Не опоздали! Как раз вовремя! Обед готов, мойте руки и жду вас. А в баньку вечером ходим, – гудел басом добродушный майор.

– Хорошо, Володя! Сейчас, только рюкзаки поставим и придём. Через пять минут будем готовы. А куда идти? В столовую или опять в методкабинет? – спросил Симаков.

– В методкабинет, как в прошлый раз. Давайте быстренько, я пока насчёт горячего распорядюсь, – пробасил майор.

И правда, в методкабинете столы стояли так же, как и в прошлый раз, заставленные холодными закусками и бутылками со спиртными напитками. Коцаренко ещё что-то колдовал над столами, когда в кабинет зашли Кулаков и Симаков.

– Сейчас горячее поднесут, а я тут по стаканам налил. По первой можно и под огурчик солёный пропустить. Рассаживайтесь! Начнём? Гена, ты можешь шапочку снять, вроде здесь не холодно. Ну, вздрогнем, что ли, – и майор протянул приятелям стаканы.

Генка взял свой стакан, чокнулся им с товарищами и прежде чем выпить, снял с головы вязаную шапочку. Майор в этот момент делал последний глоток и поперхнулся, увидев седую голову Генки.

– Бог ты мой! Что это всё значит? А ну-ка, давайте колитесь, что там у вас произошло! Чую, были в какой-то передрыге! – потребовал Коцаренко, и тут же налил новую порцию всем по стаканам.

Симаков посмотрел на Генку давая понять, что он сам будет рассказывать, и предложил осушить стаканы. Симаков рассказывал минут двадцать, по ходу добавляя новые подробности, о которых Генка даже и не подозревал. Получалось всё так складно и правдоподобно, что порой Генка и впрямь ощущал то состояние, когда он висел над бездной, беспомощный, оглушённый снежным обвалом. Когда Симаков закончил рассказ, наступила глубокая тишина. Каждый в эту минуту думал о чём-то своём. Тишину нарушил стук в дверь, это солдат принёс горячий обед. Коцаренко встрепенулся.

– Да, ребята! Вы ещё легко отделались, лишь голова седая, могло бы быть и хуже. Давайте-ка выпьем за то, что всё обошлось, что вы живы и здоровы. Что я вижу вас и пью вместе с вами! Чтoб вам всегда сопутствовала удача! – с этими словами майор вновь налил в стаканы.

Принесённый солдатом горячий плов был такой вкусный, что друзья минут пять молча и сосредоточенно поглощали изысканное блюдо.

– Хороший у тебя повар, Володя! Ему бы в ресторане работать, а не у тебя здесь на базе в столовой! – оторвавшись от своей порции плова, сказал Симаков.

– Отслужит и поедет в свой ресторан, – с улыбкой ответил майор, – он до армии как раз в ресторане работал. Сейчас вот, когда мы молча ели, вспомнил историю, один в один похожую на ваш случай. Помнишь, Толя, лет десять назад я в составе команды СКА участвовал в чемпионате СССР в классе высотных восхождений? На Хан-Тенгри мы тогда делали восхождение.

– Да, я помню. Вы тогда третье место, кажется, заняли, – отозвался Симаков.

– Так вот, мы уже спускались с вершины, а в связке со мной был новичок. В нашу команду его включили буквально накануне отъезда. Кто-то у нас заболел, вместо него этого паренька перворазрядника и взяли. Всё шло нормально, вышли на гребень, он впереди я метров в пятнадцати сзади. Слежу внимательно за ним, страхую. Ещё сказал ему, чтоб на самый верх гребня не выходил, там снежный карниз нависал. Иди, говорю, метров на десять ниже верхней кромки гребня. И вдруг он исчезает, провалился куда-то. Верёвка резко натянулась и в снег ушла. Как успел я прыгнуть в противоположную сторону, сам не пойму до сих пор. Огромный кусок карниза, как ножом срезало верёвкой. Вся эта масса снега на бедного паренька обрушилась. Чувствую, что верёвка ещё сильнее натягивается и тащит меня вверх, к кромке гребня. Ледоруб в снег втыкаю, а снег рыхлый, никакого сопротивления. Тут ещё один кусок карниза отваливается и, на моё счастье, оголил каменный выступ. За этот выступ я и ухватился. Был бы тогда килограммов на десять легче, я бы не успел зацепиться. Стащил бы меня мой напарник по связке в пропасть. Ребята следом шли, они-то и помогли вытащить паренька. Один бы я не справился. Уж больно близко к краю гребня торчал каменный выступ, можно сказать, что на самом гребне и торчал. А паренёк к тому же, сознание потерял, видимо от рывка и снежного обвала. Но ничего, вытащили моего напарника. Уже потом, когда в базовый лагерь спустились, пожаловался, что грудная клетка у него болит. Ещё бы, такой удар принять, хорошо хоть рёбра целы остались, а синяки через неделю сошли. Вот в тот раз страху я и натерпелся. Ну, что? Похоже, правда? Мне хоть помогли товарищи с команды, а вам никто не помогал. Тяжело было вам, сочувствую, – закончил свой рассказ Коцаренко.

– Да ладно, чего уж там! Всё прошло, а Генке седина солидности придаёт, – сказал Симаков, давая понять, что разговор на эту тему пора заканчивать.

Как и договаривались, вечером троица побывала в бане, а после бани, как и положено, ещё посидели за столом. Правда, выпили совсем немного. От хорошей парной появилась приятная усталость и пить водку ни у кого большого желания не возникло. А вот холодного кваса выпили литра по полтора на каждого. Майор был великолепным рассказчиком и постоянно травил какие-нибудь байки. После очередного рассказа, следовало несколько анекдотов, затем вновь рассказывал про какой-нибудь случай и опять сыпались анекдоты. Видимо майору хотелось отвлечь друзей от неприятных мыслей, и он всю старался развеселить своих гостей. Надо сказать, что это вполне ему удалось. Генка с Симаковым от души смеялись над очередным анекдотом. Иногда Коцаренко по-барски, разрешал кому-нибудь рассказать анекдот, но бесспорной инициативой владел здоровяк майор. Когда приятели расходились спать, ни у кого мрачного настроения уже не было. На следующий день после обеда, Коцаренко на служебном УАЗе развёз друзей по домам. На прощанье высказал пожелание встретиться ещё и не один раз. Друзья пообещали майору, что обязательно встретятся, как только у них выдастся свободное время.

В середине августа, Симаков позвонил на работу Кулакову. Он спросил Генку, как у него обстоят дела с отпуском. На что Генка ответил, что, в принципе, все его коллеги свой отпуск отгуляли и проблем с тем, чтоб взять отпуск, у него нет. Генка поинтересовался, в чём собственно дело, на что Симаков ответил, что у него есть одно интересное предложение, которое необходимо решить прямо сегодня.

– Понимаешь, Ген, у меня в отделе лежат две путёвки, они горят синим пламенем. Мне их утром сегодня вернули из-за того, что не смогли реализовать. Желаящих не нашлось! Срок заезда по этим путёвкам уже послезавтра! Самое интересное то, что это путёвки на горно-пешеходное путешествие третьей категории сложности по Фанам! Я таких путёвок два года не видел, после того, как прикрыли многие плановые маршруты. Видимо турбазе «Варзоб», всё-таки, оставили пару маршрутов по третьей категории. Я поинтересовался и обнаружил у них ещё один маршрут по тройке. Может махнём, как простые туристы? Путёвки достанутся бесплатно, а билеты на самолёт я достану. Ну, что? Думай! Время на размышление тебе один час! – с каким-то детским восторгом выпалил в телефонную трубку Симаков.

– А что? Пожалуй, я не против такого путешествия! Про Фанские горы мне давно рассказывали, говорят там красиво! Слушай, давай я сейчас у начальства вопрос об отпуске провентилирую и сразу же тебе перезвоню, – загорелся Генка.

– Я жду твоего звонка, а пока билеты на самолёт бронирую, через Облсовпроф, – сказал Симаков и повесил трубку.

Кулакову оформили отпуск без всяких проблем уже со следующего дня, о чём он тут же сообщил Симакову. Тот искренне обрадовался и сказал Генке, что ждёт его завтра утром у себя на работе предупредив, чтобы захватил с собой паспорт для оформления путёвок и покупки билетов на самолёт. В Душанбе друзья прилетели рано утром. Было ещё темно, когда они, получив свои рюкзаки в багажном отделении, вышли из здания Душанбинского аэропорта. Взяв такси, которых в этот ранний час было достаточно много, уже через 30 минут стояли возле ворот турбазы «Варзоб». Заспанный охранник показал в какую сторону надо идти к административному зданию, при этом, сказав, что ещё очень рано и им придётся подождать. Делать нечего, пришлось ждать, а дальше всё, как обычно. Точно такой же распорядок регистрации туристов, какой они привыкли видеть на своей родной турбазе «Озеро Иссык».

На вводной беседе познакомились со своими инструкторами и группой. Получили информацию о предстоящем походе, о количестве, высоте и сложности перевалов, которые предстоит им преодолеть. В то же время, когда инструктор группы Витя Мамонов стал расспрашивать участников будущего похода о степени их подготовки и спортивной квалификации,

друзья мягко уклонились от прямого ответа. Сказали, что, мол, ходили несколько раз в походы по горам, но о том, что Симаков и Кулаков имеют звание «Инструктор горного туризма», а спортивная квалификация «Мастер спорта СССР» по альпинизму у Симакова и «Мастер спорта СССР» по горному туризму у Кулакова, скромно умолчали. Уже потом в походе, Витя Мамонов почувствовал, что Симаков и Кулаков имеют опыт участия в горных путешествиях, но друзья о своих спортивных достижениях не проронили ни слова.

Озеро Большое Алло в Фанских горах, Памир

Поход по всем статьям удался. Он был в меру сложный с красивыми перевалами, в то же время, без больших физических нагрузок. Получился прекрасный активный отдых. А красивые вершины, перевалы, прекраснейшие горные озёра, навсегда остались в памяти друзей. Правда, Симаков и раньше бывал на Памире, и не раз, но то были высотные восхождения, а вот по Фанам он прошёл первый раз и с большим удовольствием. Когда после похода старший инструктор турбазы «Варзоб» Хайруло Санджаров собрал в клубе всю группу, чтоб вручить справки о проделанном путешествии, Симаков и Кулаков прицепили на свои штормовки инструкторские значки и значки «Мастер спорта СССР». То-то было недоумение на лицах старшего инструктора Санжарова и инструктора группы Мамонова. Всё, конечно, обратилось в шутку, но Витя Мамонов здорово обиделся. Вечером Санджаров пригласил к себе домой Симакова с Кулаковым. Витя Мамонов тоже пришёл. Просидели часов до 12 ночи. Говорили о разных вещах, но в основном о горах. Витя уже не обижался на друзей и к концу вечера все стали закадычными друзьями. На следующее утро в аэропорт провожать друзей поехали и Санджаров, и Мамонов.

Кулаков в августе 73 года вновь приехал на турбазу «Варзоб», но теперь уже в качестве инструктора и вместе с Виктором Мамоновым провёл группу туристов по Гиссарскому хребту. Этот маршрут, хоть и не был третьей категории сложности, всего лишь второй, но Кулаков ещё раз получил удовольствие от совершённого путешествия по незнакомым для себя горам. Решение поехать в Душанбе, созрело как-то внезапно. Генка планировал провести отпуск на турбазе «Горельник», но селевой поток 15—16 июля 73 года разрушил часть турбазы, после чего турбаза, практически, перестала существовать. Селевой поток в русле реки Малая Алма-Атинка, мощностью миллиона в четыре кубометров воды и грязекаменной массы, был остановлен плотинной на Медео. Так что, стихийное бедствие внесло корректировку в проведении отпуска у Кулакова.

С Симаковым дружба не прекращалась, только видеться стали немного реже. Симакова обстоятельства заставили получить ещё одно высшее образование. Теперь это была Высшая Партийная Школа, вечернее отделение. Без этого диплома дальнейший рост по службе был, практически, невозможен. Но друзья всё равно встречались и когда были только вдвоём, иногда заводили разговор о странных скалах и Антоне. Неопознанные летающие объекты были тоже

темой для долгих разговоров. Ну и конечно же оба с нетерпением ждали лета 75 года, когда Луна в День Летнего Солнцестояния будет максимально полная.

Летом 74 года Симаков попросил Генку выручить приятеля из ГОРОНО. Там набрали группу школьников для похода, а инструкторов не оказалось. На кого рассчитывали, не получилось. Один заболел, а другой отказался, сославшись на производственные проблемы. Естественно, Кулаков не смог отказать приятелю, да и самому уже хотелось вырваться в горы на пару недель. Группа школьников набралась человек в 25, возрастом от 14 до 17 лет, да ещё и с учительницей в придачу. Маршрут был комбинированный. Первая часть состояла из автобусного путешествия вокруг озера Иссык-Куль с тремя ночёвками в разных пансионатах на берегу озера и экскурсиями в Рыбачьем и Пржевальске. Вторая часть была уже горным походом через перевалы Аксу и Озёрный. Конечно, с такой ватагой подростков справиться было не очень легко, но учительница Анна Сергеевна помогала Кулакову во всём. Поход прошёл, на удивление, организованно и без каких-либо серьёзных приключений.

Возникла, правда, одна проблема. У одного из мальчишек на ночёвке перед перевалом Аксу появилась тошнота и рвота. Думали отравился во время обеда жареными грибами, которые насобирали во время обеденного привала. Попробовали промыть желудок слабым раствором марганцовки. Заставили выпить целое ведро воды. Вечером напоили крепким чаем и уложили спать. Наутро подросток чувствовал себя превосходно. А когда стали подходить к самому перевалу, до которого по прямой тропинке оставалось не больше километра, у мальчишки опять закружилась голова. Тут-то Кулаков и сообразил, что это не отравление, а горная болезнь. Возвращаться назад не имело никакого смысла, перевал был совсем близко. Мальчишку разгрузили совсем, его рюкзак забрал Кулаков, а двое парней, что были немного покрепче, взяли товарища под руки и, по сути дела, занесли на перевал. На перевале задерживаться не стали, только вложили в тур записку, прокричали «Ура!» и сразу же спустились метров на триста ниже, к леднику. Мальчишке сразу стало легче, и он забрал свой рюкзак. Когда спустились к месту ночёвки, от горной болезни не осталось и следа. Следующий перевал был не такой высокий и его прошли без происшествий.

Глава 8

Внезапно сны из далёкого детства прекратились. В его снах появилось что-то тревожное. Это беспокойство его разбудило. Неприятно заныл шрам на правом плече и на левом колене. После небольшого массажа правого плеча, ноющая боль отступила. А вот колено он массировать не стал. В колене до сих пор оставался маленький осколок от мины, который иногда беспокоил его ночами. Поворочавшись в кровати, он опять уснул и проснулся, когда солнце заглянуло в окно. «Пора вставать», – про себя сказал старик и направился в ванную комнату. На утренний туалет ушло не больше получаса, после чего он спустился на первый этаж в кафе. Покончив с завтраком, старик направился к администратору гостиницы и поинтересовался, сможет ли он забронировать двухместный номер через десять дней дня на три и оставить спортивную сумку с вещами в камере хранения гостиницы до своего прибытия с турбазы. Получив утвердительный ответ, тут же заполнил необходимые формуляры для бронирования номера и выяснил, где находится камера хранения.

До 15 часов, когда за ним заедет машина, оставалось ещё много времени. Старик поднялся в свой номер, достал из рюкзака пару небольших красивых, картонных упаковок с надписью «Martell» и положил их в свой дипломат. Потом вышел из гостиницы и взял такси, которое стояло возле входа. «На Центральное кладбище!», – коротко сказал водителю и сел на заднее сидение. Через двадцать минут такси остановилось возле главного входа Центрального кладбища. Пассажир рассчитался с водителем и подошёл к старушкам, торгующими цветами. Купив небольшой букетик цветов, медленно пошёл по тенистым аллеям вглубь кладбища. Как же здесь всё изменилось, но старая часть кладбища оставалась почти нетронутой. Он уверенно шёл в нужном ему направлении. Сколько же он здесь не был? Когда в последний раз приходил сюда? Вспомнил, в сентябре 79-го года, перед самым отъездом в заграничную командировку. Кто же мог тогда предположить, что командировка затянется больше чем на четверть века! Старик остановился возле неприметной могилки с покосившейся, давно не крашеной, металлической оградкой. Внутри оградки стоял небольшой гранитный камень с пластинкой из нержавеющей стали. Хотя гравировка на пластинке потускнела со временем, всё равно можно было без всякого труда прочитать надпись: «Кулакова Вера Николаевна 18 октября 1916г. – 17 июня 1962г.». Аккуратно пристроив букетик цветов возле гранитного камня, старик выпрямился и застыл, что-то вспоминая.

10 июня 1962 года он счастливый приехал на поезде из Ташкента, где с отличием окончил Ташкентский институт связи. Мать тоже не могла нарадоваться, как же, теперь сын у неё дипломированный инженер. Целую неделю в беготне и заботах, хотелось отпраздновать окон-

чание учёбы сына, но видимо вся эта беготня и сгубила её. Варикозное расширение вен нагруженных ног не выдержало такой нагрузки. Оторвался тромб и мгновенная смерть. Всё, что мать приготовила для того, чтоб отметить возвращение сына с учёбы, ушло на поминки. Сегодня было 17 июня, как раз годовщина со дня смерти.

Простояв с полчаса возле могилки, вспоминая далёкое прошлое, старик тяжело вздохнул, вытер ладонью набежавшую слезу и так же, как и пришёл к могилке, медленно пошёл к выходу с кладбища.

В конце февраля 1975 года Симаков пригласил Генку на банкет, по случаю окончания учёбы и получения высшего партийного образования. Банкет проходил в столовой при Республиканском Комитете Профсоюзов, куда Симакова перевели работать из Облсовпрофа в октябре 74 года. На банкете присутствовали, в основном, бывшие коллеги Симакова по Облсовпрофу и новые коллеги из Республиканского Комитета. Из друзей Симаков пригласил Генку и ещё человека четыре из старых друзей альпинистов. Коцаренко, уже в звании подполковника, тоже был в числе приглашённых гостей на банкете. В честь виновника торжества было сказано много тёплых слов и хороших пожеланий. Председатель Республиканского Комитета Профсоюзов, когда произносил тост, совершенно открытым текстом сказал, что кандидатура Симакова рассматривалась на Президиуме по поводу отправки его в заграничную командировку. Симаков даже опешил от такого заявления. Уточнить, куда и когда собираются отправить Симакова, никто не стал. Симаков же решил для себя выяснить всё в рабочем порядке, но немного позже. Банкет затянулся до 12 часов ночи. После всех гостей развезли по домам на специально арендованном автобусе.

В середине мая Симаков опять пригласил Генку на банкет. Теперь банкет был организован по случаю отъезда Симакова в заграничную командировку. Председатель Республиканского Комитета Профсоюзов Тагаев не зря намекал в феврале о возможной заграничной командировке Симакова. Уже тогда была получена разнарядка на несколько позиций для аппарата Республиканского Комитета Профсоюзов. Кандидатура Симакова была рассмотрена одна из первых и возражений против Симакова ни у кого из членов Президиума не было. Таким образом Симаков начал оформлять документы на должность одного из советников посла в Республике Афганистан. Проще говоря, освобождалась должность Председателя профкома при посольстве СССР в Афганистане. Эта позиция имела дипломатический статус. Так Симаков как минимум на три года становился сотрудником Министерства Иностранных Дел СССР. Генка искренне радовался за друга. Такой быстрый рост карьеры даже Симаков не мог предположить. С другой стороны, Кулакову было грустно, ведь уезжал, хоть и на время, единственный человек, который знал Генкину тайну. А время очередного сеанса с таинственными скалами неумолимо приближалось. Симаков почувствовал Генкину грусть и улучив момент отошёл с ним в сторонку, подальше от ненужных ушей.

– Гена, не грусти и не обижайся на меня, за то, что не смогу с тобой в этот раз подняться к скалам. Я в это время уже должен быть в Афганистане. Обстоятельства так сложились неудачно. Хотя для меня-то они складываются как раз наоборот. Когда у меня ещё появится возможность поправить материальное положение. Ты же знаешь, что наш сын Егор в данный момент, год как учится в МГИМО. Ещё на четыре года он пристроен. А мы с Зиной в Афган поедём года на три, может и на четыре, но не больше. Там Егор должен институт закончить, а куда его пошлют потом, никто сейчас не знает. Мы бы хотели к этому времени быть с ним вместе. А сейчас ему необходима наша материальная помощь и эта командировка снимет многие проблемы материального характера, – извиняющимся тоном начал разговор Симаков.

– Да ничего, Васильич! Я всё понимаю. Я рад тому, что у вас всё так сложилось, это же замечательно! Ничего, я как-нибудь попробую решить проблему со скалами. Правда, после того раза боязно идти одному. А что делать? Схожу один, может всё и обойдётся, – постарался успокоить Симакова Генка.

– Я по прибытии в Афганистан, обязательно тебе напишу письмо и сообщу адрес, куда мне писать. А ты мне потом ответишь и всё напишешь, договорились?

– Ты что, Васильич? Хотя почта твоя будет и дипломатическая, но я не уверен на 100%, что её не читают. Если всё будет нормально, то передам привет от Антона, а если нет, то и писать буду совсем о посторонних вещах, – возразил Генка Симакову.

– Хорошо-хорошо, ты где-то прав. Не стоит доверять такие вещи бумаге, – согласился Симаков.

– Через год приедешь в отпуск, вот тогда обо всём и поговорим. И в горы ходим, и водочки попьём. Пошли к столу, а то твоя Зина уже косо на нас смотрит, – улыбнулся Генка, – когда улетаеете?

– Через три дня. 20-го мая рейс на Москву, а 23-го через Ташкент на Кабул. Хотим ещё в Москве с Егором повидаться, – ответил Симаков.

– Что у вас за секреты, мужики? – спросила жена Симакова, подошедших мужчин.

– Да боже упаси, какие секреты, Зинаида Владимировна? Просто прощальные разговоры двух старых друзей. Ведь у меня-то никого роднее вас и не осталось. Ни родителей, ни жены, ни детей, – с наигранной весёлостью ответил Кулаков.

– Ну, Геночка, ты сам виноват, что у тебя семьи нет. Голова вся седая, а подругу жизни так и не нашёл, – укоризненно заметила Зинаида Владимировна.

– Потому и подруги нет, что голова седая, старый стал, женщины на меня внимания не обращают, – отшутился Генка.

– Нет, Геночка, ты мужик видный, тебе ещё и сорока нет. Дело всё в ваших горах. Вы же на них как помешанные. Горы для вас и дом, и мама, и жена. Ой-ой-ой, только не надо возражать, я всё прекрасно понимаю. Я с Толиком в горах познакомилась. Воображала себя заядлой альпинисткой, даже первый спортивный разряд по альпинизму закрыла. А потом вдруг внезапно поняла, горы – это для мужчин, а для женщины – домашний уют. Как счастлива бывает женщина, когда её мужчина после долгого отсутствия внезапно появляется на пороге, обросший, грязный, пропахший потом и дымом походных костров, с обветренными губами... Да..., – на секунду задумалась Зинаида Владимировна, – отскоблишь, помоешь, в чистую постель уложишь, и он на год твой! Я понимаю вашу страсть к горам, и Толика никогда не ревновала к ним. Всегда, когда он хотел сходить в горы, я только радовалась тому, что он имеет желание, здоровье и силы.

– А я вот не встретил такую женщину как вы, Зинаида Владимировна, потому и холост. Повезло Васильичу, с красивой, умной и прекрасной во всех отношениях женой, – вполне искренне сделал комплимент Кулаков.

Симаков познакомил Генку со своей женой давно, ещё в первый год, когда начинала зарождаться их дружба. Как-то так установилось, что Генка обращался к жене Симакова только по имени и отчеству и всегда на «вы». Она же напротив, только на «ты» и не иначе, как «Геночка», хотя Зинаида Владимировна была старше Кулакова всего-то года на три.

– Боюсь, Геночка, что ты уже и не встретишь женщину своей мечты. Ты стал слишком разборчив. Это и хорошо, и в тоже время – плохо. Хорошо то, что тебе не попадётся какая-нибудь стерва, а плохо потому, что женщин, которые смогли бы понять тебя и твои увлечения, так мало, что встреча с ними тебе не грозит, – вынесла вердикт Зинаида Владимировна.

– Вы абсолютно правы, Зинаида Владимировна, и я хочу поднять бокал за вас, за женщину моей мечты, которую так удачно в своё время встретил мой друг, Анатолий Васильевич!

За вашу мудрость и житейский опыт! За ваши советы, которые помогают мне преодолевать различные жизненные затруднения! За вас, Зинаида Владимировна!

Ближе к часу ночи гости начали расходиться. Засобиравшись домой и Генка. Он подошёл к Симаковым, попрощался, сказав при этом, что накануне их отлёта, вечером, он обязательно заглянет к ним. Кулаков на такси добрался до своего дома когда часы показывали второй час ночи. Подойдя к дверям своей квартиры, он обнаружил возле замочной скважины воткнутую между косяком и дверью какую-то бумажку. Когда Генка её развернул, то это оказалась повестка в военкомат. Генка досадливо махнул рукой, подумав про себя, что он за повестку не расписывался, а если он так срочно нужен военкомату, то повестку пришлют ещё раз. Раздевшись, он лёг в кровать и тут же уснул. Однако в три часа ночи его разбудил настойчивый звонок в дверь. Накинув банный халат, он подошёл к двери.

– Кто там? – спросил Генка через дверь.

– Вам повестка из военкомата, – ответил мужской голос по ту сторону двери.

– Уже одна была, – сказал Кулаков и приоткрыл дверь.

– Извините, пожалуйста, за беспокойство, – начал извиняющимся тоном говорить молодой человек лет 25-ти, – но мне необходимо ваша роспись на корешке повестки. Вы у меня один остались. Я приносил вам повестку и оставил в дверях, но в военкомате меня опять послали к вам, чтоб я вручил повестку под роспись. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь, на корешке.

– Ладно, давайте распишусь. Там что, война началась? Что за срочность такая? – спросил Генка.

– Я ничего не знаю. Учения, что ли, какие-то проводят, – сказал парень, оторвав корешок повестки и засунул к себе в карман, – До свидания и ещё раз извините за беспокойство, – парень развернулся и ушёл.

Генка закрыл дверь прошёл на кухню и включил свет. Повестка, как повестка, только от руки было дописано: «Явится немедленно в военкомат, сразу после вручения повестки». Делать нечего, Генка оделся и пошёл пешком по ночному городу в военкомат. Через полчаса Кулаков стоял возле закрытой двери военкомата и давил на кнопку звонка. Минут через пять к двери подошёл заспанный прапорщик с красной повязкой на левой руке. На повязке была надпись: «Помощник дежурного по военкомату».

– Чего звоним? – спросил прапорщик, чуть-чуть приоткрыв входную стеклянную дверь.

– Вот, у меня повестка, – ошарашенный таким вопросом сказал Генка, – тут написано, что мне надлежит явиться в военкомат немедленно, сразу после вручения повестки. Минут сорок назад мне её вручили под роспись, вот пешком я и пришёл.

– А..., понятно. Так, уже всё! Не надо, – сказал прапорщик и зевнул.

– Что не надо? Я что-то не пойму, – недоуменно спросил Генка.

– Опоздали, все повестки раздали, вам не досталось разносить. А с этой повесткой придёте к 9 часам утра и заходите прямо во двор, там вам всё скажут, – коротко сказал прапорщик и, не попрощавшись, закрыл дверь.

– Ну и дурдом, – пробормотал Генка.

К 9 часам утра во дворе военкомата собралось человек 300 мужчин, в возрасте от 25-ти и до 45-ти лет. Прямо во дворе стояло несколько столов, за которыми сидели сотрудники военкомата и отмечали прибывающих по повесткам мужчин. Прозвучала чья-то команда: «Строится!» и несколько лейтенантов и прапорщиков начали сортировать толпу мужчин. Минут через 20 общими усилиями удалось соорудить что-то наподобие строя. Из здания военкомата вышел военком и обратился с речью к собравшимся мужчинам. Речь военкома сводилась к следующему, что на основании приказа Министра обороны проводятся учения по мобилизации так называемых «резервистов». Всех мобилизованных сегодня «резервистов» разобьют на воинские подразделения, роты, взвода, отделения, и на автобусах вывезут в полевой лагерь за город, где будет происходить дальнейшая отработка воинских учений. Этими подразделени-

ями будут командовать кадровые офицеры военкомата. После короткой речи военкома, который объяснил причину сбора такого количества «резервистов», офицеры военкомата начали формировать воинские подразделения. Часа через два кое-как были сформированы четыре роты. Взводы и отделения решили формировать позже, в полевом лагере.

Тут то и началось самое интересное. На толпу из трёхсот человек, подали всего лишь два автобуса марки ЛАЗ, в которые под завязку, как в часы пик, набилось не больше двухсот человек. Из окна автобуса Генка увидел, как тем, кто не поместился в автобусы, стали отдавать отмеченные повестки и военные билеты. «Повезло им», – подумал Генка. Загруженные людьми автобусы выехали со двора военкомата и пропетляв по улицам города, медленно поехали по дороге в сторону гор. Минут через тридцать автобусы съехали к руслу горной речки и остановились. На зелёной лужайке автобусы встречали человек 10 офицеров в полевой форме. «Резервистов» опять построили и пересчитали. Оказалось, 173 человека. Офицер с погонами подполковника заявил сопровождающему автобусы сотруднику военкомата, что такое количество «резервистов» ему не нужно. Его лагерь рассчитан на 100 человек, максимум на 120. Решили оставить 120 человек, и вновь начали считать людей. Кулаков оказался 118-тым. 53 человека посадили обратно в автобус и отправили в город. Второй автобус решили пока не отпускать. Колонну из 120-ти человек развернули и повели к полевым армейским палаткам. Генка оказался в самой голове колонны. Возле одной из палаток, в порядке очереди, стали выдавать противогазы. Противогазов оказалось ровно сто штук. Генка получил противогаз одним из первых. Кому не хватило противогазов, посадили во второй автобус и тоже отправили в город.

Резервисты

А дальше началась выдача солдатского обмундирования, снаряжения, которая продлилась до 12 часов ночи. С ночлегом тоже возникла какая-то неразбериха. Для ночёвки определили огромную, брезентовую палатку без днища, установленную прямо на сырую, холодную майскую землю. Без всяких матрасов и одеял. Хочешь спать – ложись на землю и спи! Вдруг, кто-то сказал, что привезли гимнастические маты из какой-то ближайшей школы. Их надо принести и бросить на землю внутри палатки. Действительно, в кузове грузовика лежали гимнастические маты, но их было-то всего 14 штук, Генка специально посчитал. И это на сто человек! «Ситуация максимально приближена к военным действиям», – подумал Генка и вышел из палатки. Недалеко от палатки кто-то развёл костёр, возле которого собралось человек 20, таких же как Генка, не нашедших приют на ночлег в палатке. Так у костра, слушая различные байки и анекдоты, Генка просидел до рассвета. Утром, наконец-то, появилась полевая кухня с горячим чаем и перловой кашей. Горячая каша и чай, постепенно начали согревать продрог-

шее за холодную майскую ночь Генкино тело. Из-за гор выглянуло солнце и сразу же стало полетному тепло.

Вновь прозвучала команда на построение и началась переключка. Всех «резервистов» разделили на две роты и сказали, что с каждой ротой занятия будут проводиться отдельно. Роты развели в разные «аудитории», то есть, по разным зелёным лужайкам вдоль русла горной речки. В речке воды было мало, и её журчание несколько не мешало проводить офицерам свои лекции. О чём были лекции, Генка даже не понял. Когда Генкину роту привели на солнечную полянку, все тут же дружно впали в сонное состояние и им было всё равно, о чём говорил капитан. Капитану было также всё равно, слушают его или нет. Он добросовестно отработывал свои лекционные часы. Часа через полтора по полевому телефону, который стоял прямо на земле возле капитана, пришло распоряжение, поменяться ротам «аудиториями». Полусонные «резервисты» встали, кое-как построились и их повели в «соседнюю аудиторию», которая была в полукилометре вверх по течению реки. На полпути встретили вторую роту, которая была такая же полусонная, как и Генкина. Во второй «аудитории» солнышко припекало уже во всю, и мобилизованные «резервисты» стали устраиваться в тени небольших деревьев. Здесь лекцию читал прапорщик и так же, как и в первой «аудитории», возле него стоял полевой телефон.

Генка и в этой «аудитории», не стал слушать лектора. Он закрыл глаза и стал представлять, как он в этом году пойдёт к таинственным скалам. Ведь в этом году ожидалось в ночь с 22 июня на 23, стопроцентное полнолуние! «Ниша точно откроется», – думал Генка. Он представлял, как обнимет друга, после одиннадцатилетней разлуки. Заберёт его жить в свою двухкомнатную квартиру, а потом, со временем, всё образуется. Документы надо будет привести в порядок, хотя паспорт Антона был ещё действительный, а всё остальное – ерунда! Когда Антон пропал, Генка выпросил паспорт и все остальные документы Антона, которые были в регистратуре турбазы. Регистраторшей работала жена директора турбазы, Роза Садыковна, очень приятная женщина во всех отношениях. Она отдала Генке все документы Антона, хотя и взяла с него расписку, так, на всякий случай. Как выяснилось потом, эти документы никого не интересовали, кроме Генки. Кулаков аккуратно хранил их у себя и был уверен, что в конце концов они когда-нибудь понадобятся.

Из полусонного состояния Генку вывел звонок полевого телефона. Прапорщик внимательно слушал, по всей видимости, своего командира, после чего объявил «резервистам», что лекция закончена, а вместе с ней и учения. Всем необходимо сдать обмундирование и снаряжение, после чего получают отмеченные повестки и военные билеты. По завершении всех процедур, арендованные автобусы отвезут всех в город. Сдача солдатского обмундирования и снаряжения проходила раза в три-четыре быстрее, чем выдача. Часам к трём большинство «резервистов», в том числе и Генка, держали в руках свои военные билеты и отмеченные повестки. Кулаков не стал дожидаться заказанных автобусов, а вышел на дорогу и пешком направился в сторону остановки рейсового автобуса. Добравшись до своей квартиры, Генка первым делом залез в горячую ванну и долго смывал с себя пыль и запах солдатского обмундирования.

В семь часов вечера, Кулаков появился у Симаковых. В квартире всё говорило о том, что хозяйка собираются уезжать и, по всей видимости, надолго. Всё было решено. В ней, на время их командировки, будет жить какая-то родственница Зинаиды Владимировны, которая будет присматривать и за жильём, и за вещами. Генка прошёл в зал и увидел в углу четыре больших чемодана.

– Васильич, кто ж тебя с такими чемоданами в самолёт пустит? – пошутил Генка, – Килограмм сто будет?

– Не переживай Гена. Мне по билету можно до 240 килограмм груза на всю семью взять. Так что ещё недобор будет, – успокоил Генку Симаков. – А где ты два дня пропадал? Я тебя

и на работе искал, и домой к тебе заезжал. На работе сказали, что понятия не имеют, где ты. Я начал волноваться, думал, может, случилось что-то после вечеринки, не доехал до дому. Но ты обещал сегодня вечером заглянуть. Ещё бы час подождал и начал бы тебя искать по всем больницам.

– Да, случилось, Васильич, военкомат на меня наехал. Вот посмотри, повестка на два дня. Я ещё на работе никого не успел предупредить, некогда было, – и Генка вытащил повестку из кармана пиджака, – форменный дурдом, до сих пор отойти не могу, – и Генка начал рассказывать всё, что с ним произошло после того, как он уехал с прощальной вечеринки.

– Действительно дурдом! Слушай, ты голодный, а я тебя расспрашиваю про всякую ерунду! Зина! У нас чего-нибудь перекусить найдётся? – крикнул Симаков, – Генка то голодный! Его военкомат два дня на диете продержал! Пошли на кухню, сейчас Зина чего-нибудь сообразит, – подтолкнул Генку к кухне Симаков.

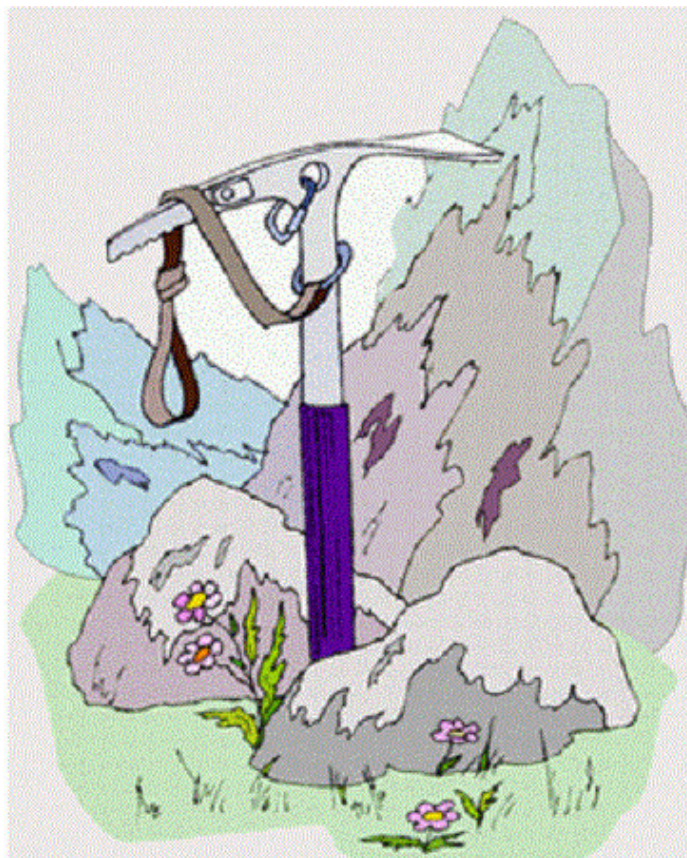
– У меня осталось несколько яиц и ветчина есть. Сейчас быстренько поджарю, подождите немного, – Зинаида Владимировна грела сковородку на газовой плите, когда на кухню вошли мужики, – холодильник уже пустой, так, осталось на завтрак колбаса да хлеб. Да вот яйца ещё. Сейчас, Геночка, я тебя накормлю.

– Ну, что? Выпьем немножко? – спросил Симаков.

– Конечно, Толик, давай! Возьми в баре бутылку коньяка, и я с вами чуть-чуть выпью, а то тревожно на душе с этим отъездом, может полегчает, – ответила и за себя, и за Генку Зинаида Владимировна.

Кулаков не стал долго задерживаться в гостях. Он отлично понимал, что у отъезжающих ещё много нерешённых проблем и мешать им не хотел. Обнявшись на прощанье, пожелав друг другу удачи и успехов, договорившись о переписке, друзья расстались с надеждой, что через год увидятся вновь, когда Симаковы прилетят в отпуск.

Глава 9

Седовласый старик вышел из прохладной тени Центрального кладбища, посмотрел на часы и направился к стоянке такси. Назвав адрес, он откинулся на сидение в машине и задумался. Когда он у себя дома перед поездкой искал адреса туристических фирм в Интернете, то заодно навёл справку через информационные службы о Симакове Анатолии Васильевиче. К своему удивлению, он быстро нашёл и телефон, и адрес Симакова. Желая проверить достоверность полученной информации, он позвонил по найденному номеру телефона из своего дома рано утром, с таким расчётом, чтобы на противоположном конце провода был вечер, и он смог бы застать Симакова дома. После третьего гудка в трубке раздался до боли знакомый голос: «Симаков. Я вас слушаю. Алло..., говорите, я вас не слышу! Перезвоните, пожалуйста, вас совсем не слышно!» Он не стал перезванивать. Для него было важно узнать, что Симаков жив, здоров, и живёт по адресу, который ему выдала поисковая машина Интернета. Сейчас он назвал этот адрес таксисту.

Утром, когда он оформлял бронь на двухместный номер, старик попросил администратора гостиницы связаться по телефону с господином Симаковым и узнать, сможет ли господин Симаков принять сотрудника Колумбийского университета Генри Кулена сегодня, часов в одиннадцать утра. Когда он отдавал заполненный формуляр на бронь, администратор сообщила, что господин Симаков с интересом ждёт встречи в указанное время.

– А ещё, девушка, я вас попрошу, если не трудно, – попросил он, – возможно, мне позвонят. Так вы передайте, пожалуйста, тому кто позвонит, что после одиннадцати я буду у господина Симакова. Пускай мне перезвонят по номеру телефона, который я вам давал, чтобы связаться с ним.

Такси подъехало к зданию, по указанному стариком адресу без трёх минут одиннадцать. Поблагодарив таксиста и рассчитавшись с ним, седовласый мужчина подошёл к подъезду нового, красивого, жилого дома.

Дом афганских ветеранов в Алматы

Двустворчатая входная дверь была закрыта. В левой створке двери находились прорези почтовых ящиков, а рядом с ними подписанные кнопки звонков. Отыскав фамилию «Симаковы А. и З.», он нажал на кнопку звонка. Секунд через пять, зажужжал электрический замок, и старик толкнул открывшуюся дверь. По его подсчётам, нужная ему квартира находилась на втором этаже, поэтому он не пошёл к лифту, а стал подниматься по широкой лестнице. Он услышал, как открылась дверь, и кто-то вышел на лестничную площадку. Повернувшись на втором лестничном пролёте в сторону квартир, он встретил удивлённый взгляд Симакова. Симаков стоял, опершись на перила, и когда увидел седовласого старика схватился за сердце.

Недели через две после того, как уехали Симаковы, Генке опять пришла повестка из военкомата. Чертыхнувшись, Кулаков отправился знакомым маршрутом в военкомат. Обратившись к дежурному по военкомату со своей повесткой, Кулаков увидел, как дежурный сверился с каким-то списком и сказал Генке, чтоб тот поднялся в 34 кабинет к начальнику четвёртого отдела. В своём кабинете Кулакова встретил доброжелательный майор, который предложил Генке присесть для разговора.

– И так, Геннадий Петрович, на основании приказа Министра обороны мы вас призываем для прохождения воинских сборов сроком на 45 дней. Вы являетесь сержантом запаса, но при этом имеете высшее техническое образование. Согласно последнему приказу Министра обороны сержанты запаса, имеющие высшее образование, должны привлекаться для прохождения воинских сборов с целью присвоения им офицерского воинского звания, – начал разговор начальник отдела военкомата.

– Да, мне это воинское звание, как-то ни к чему, – скромно ответил Кулаков.

– Ну, это вам ни к чему, а мы должны выполнять приказ, – возразил ему майор.

– У меня были совсем другие планы на это время, – раздражённо сказал Генка.

– Ваши планы не совпадают с нашими планами. У меня приказ, а вы являетесь военнообязанным, поэтому должны выполнять данный приказ, – спокойно сказал майор, – сегодня 9 июня, понедельник. Вот вам другая повестка, её отдадите в бухгалтерию своего предприятия для того, чтоб вам рассчитали вашу заработную плату за последующие 45 календарных дней, что вы будете находиться на сборах. 11 июня в 9 часов утра вы должны быть в военкомате с вещами, указанными в повестке.

– Я никак не могу, у меня обстоятельства не позволяют. Хотя бы после 25 числа, хоть на три месяца забирайте меня на свои сборы, – начал возражать Генка.

– У нас начинаются учения именно с 11-го июня и какие-либо возражения неуместны. Вы являетесь высококлассным специалистом в области радиоаппаратуры. Всё уже согласовано с вашим руководством, и они не возражают, хотя у вас и есть бронь от призыва на воинские сборы, но в данном случае, ваше участие в этих сборах необходимо. Поэтому я вас и пригласил на этот разговор. Ничего не подделаешь, Геннадий Петрович, мы должны опробовать комплекс радиолокационной связи, выпускаемый вашим заводом, где вы являетесь ведущим специалистом. По сути дела, это ваши разработки, и мы хотели бы иметь гарантии работоспособности этого комплекса. Руководство вашего завода не возражало против того, чтобы именно вас отправить на эти учения, – опять же спокойно сказал майор.

– Что называется, без меня, меня женили, – с горечью сказал Кулаков.

– Геннадий Петрович, это необходимость, и вам придётся участвовать в этих учениях, хочется вам этого или нет. Мы навели справки. У вас нет веских причин не участвовать в этих учениях, – совершенно серьёзно сказал майор.

– Ну, да, помри, но действуй – девиз советской армии, – с иронией произнёс Генка.

– Не надо иронизировать, Геннадий Петрович, вам всё равно придётся поехать на эти сборы. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Я хотел просто объяснить вам всю ситуацию, чтобы у вас не возникали отрицательные ассоциации. Я думаю, что мы должны найти взаимопонимание. На этом давайте закончим наш разговор, и я жду вас в указанное в повестке время, – майор встал и протянул руку для прощания Кулакову.

– Всего хорошего, – сказал Кулаков и пожал на прощанье руку майора.

Конечно, эти учения перевернули все планы Кулакова. То, что он по сути дела ждал одиннадцать лет, полетело всё к чёрту. Он был так зол, но в данной ситуации раскрывать своих карт он не имел права. Даже уже с тех позиций, что он давал подписку о неразглашении того, что случилось одиннадцать лет назад.

Свою задачу по установке радиолокационного оборудования, Кулаков выполнил блестяще, за что получил от командующего военным округом благодарность. Но это всё в данном году Генку не волновало. Ему надо было быть в ночь с 22 июня на 23 в районе загадочных скал, а он эту ночь провёл километрах в трёхстах от них, далеко в степи. Кулакову отметили повестку с учётом всех рабочих дней и выходных, что он провёл на учениях. У него получилось, что после окончания учений он имел больше недели свободного времени. Этим фактором он не преминул воспользоваться. Сразу же после учений собрался и ушёл в горы.

В этот раз к скалам пришлось добираться окружным путём. Симакова не было, а времени на то чтобы найти кого-то, кто бы помог добраться до бывшей турбазы «Озеро Иссык», Генка не смог. Пришлось потратить целых три дня на то, чтобы подойти к загадочным скалам. Приближаясь к скалам, Генка почувствовал, что контакт с неизвестным в этом году был. Скалы были тёплыми и гладкими. И опять в расщелине между скал он нашёл подтверждение того, что Антон жив и ждёт его помощи. В этот раз Генка обнаружил охотничий нож Антона. Как и ледоруб в своё время, нож был в отличном состоянии, как будто его только вчера положили возле скал. Он хорошо его помнил, поскольку много раз, когда они вместе водили группы туристов по маршруту, Генка просил Антона дать ему свой нож порезать хлеб. Нож был красиво сделан. Ручка ножа была инкрустирована небольшими рубинами. На лезвии ножа имелась гравировка животных: медведя, волка, кабана, глухаря. Антон этот нож привёз из армии. Говорил, что он сам его сделал. Но где он взял рубины для рукоятки, никогда не говорил. А Генка про рубины и не спрашивал. Ему нравилось большое лезвие. Лезвие всегда было острым и блестящим так же, как и ледоруб Антона.

Обратный путь Кулаков не стал маскировать. Он просто спустился на бывшую турбазу и, не заходя на неё, направился вниз. Он не знал кто сейчас является начальником этого объекта, но то, что Коцаренко там нет, знал на сто процентов. На банкете по случаю окончания Высшей Партийной Школы Симаковым, он разговаривал с Коцаренко и тот ему сказал, что сейчас учится в Военной Академии в Москве, и прилетел на банкет совершенно случайно, выдалась неделька каникул и он прилетел. Генка был очень зол на всех военных, на военкомат, на директора своего завода, которые в этом году не позволили в нужное время появиться ему возле загадочных скал.

Дома Генка аккуратно положил найденный нож рядом с ледорубом Антона. Затем достал записи, которые когда-то отдал ему Симаков и стал их изучать. По этим записям было видно, что следующий контакт надо было ожидать только в 1983 году. Получалось восемь лет ожидания. Генка схватился за голову. Ещё восемь лет!!! А что делать?

Только через три месяца Генка получил первое письмо от Симакова. Хотя дата отправки стояла 30 мая. Что-то уж долго шла дипломатическая почта. Генка без всяких намёков написал, как его забрали на военные сборы, конкретно написал с какого и по какое число он на этих сборах был, чтобы Симаков смог сориентироваться в датах. Второе письмо от Симакова пришло немного быстрее, всего-то за две недели. Дальнейшая переписка друзей осуществлялась с периодичностью раз в месяц. Этого и было достаточно, поскольку новостей было не слишком много.

Через год, в мае 76 года, Симаковы прилетели в отпуск. Отпуск был немаленький, 48 рабочих дней, по сути дела два месяца. Генка был чрезмерно счастлив, когда встречал их в аэропорту. В это же время на каникулы прилетел и Коцаренко. А потом они втроём поднялись на бывшую турбазу, не без помощи Коцаренко. На турбазе отдохнули по полной программе и втроём сходили к таинственным скалам. Но посвящать Коцаренко в свою тайну друзья не стали. Объяснили Коцаренко, что этот горный цирк является их любимым местом отдыха.

Когда Симаковы улетали обратно в Афганистан, Генка взгрустнул. Ему так не хотелось расставаться с Симаковым, но что-то изменить было не в его силах. Расстались с надеждой на то, что в следующем году опять встретятся и вновь сходят туда, куда их влечёт неведомая сила. Так оно и случилось. В 77 году Симаковы вновь прилетели, и вновь друзья, теперь уже без помощи Коцаренко, сходили к своим скалам. Конечно же, ничего интересного они там не обнаружили. Но то, что они выбрались в горы и провели какое-то время вдвоём в горах, оставило им массу положительных эмоций и хорошего настроения. Генка тоже взял отпуск, на то время пока Симаковы были рядом. Конечно же, его отпуск был не таким большим, как у Симакова, но всё же друзьям кроме того, что они сбегали к своим скалам, удалось ещё немного отдохнуть. Взяли краткосрочные путёвки на турбазу «Алматау», которая открылась года четыре назад. Турбаза была новая и построена на современный лад. Большие спальные корпуса готовые принять туристов в любое время года, большая столовая, современный клуб. На территории ещё расположился кафе-бар, в котором можно было неплохо провести свободное время. Симаков со своей Зинаидой Владимировной и Кулаков, прекрасно провели дней 10 на природе, ни о чём

не заботясь. Особенно понравился кафе-бар, где можно было за тихой беседой просидеть весь вечер, попивая пиво или вино.

После того как Симаковы улетели в Афганистан, Генка целиком ушёл в работу, занимаясь новыми разработками в своём конструкторском бюро при приборостроительном заводе. Его повысили в должности и теперь он был ведущим специалистом конструкторского бюро. Классный специалист в области радиоаппаратуры и радиолокационных систем, Генка, по сути дела, являлся одним из главных конструкторов нового оборудования.

Когда чета Симаковых прилетела в 78 году в очередной отпуск, хотя Кулаков надеялся, что они прилетят уже насовсем, поскольку прошло три года их заграникомандировки, то Симаков неожиданно завёл разговор о том, что и Кулакову пора собираться в подобную командировку. Симакову продлили ещё на год его заграникомандировку, и он начал настоятельно рекомендовать Генке поездку за границу. Со своей стороны, Васильич обещал протекцию для Кулакова. Он сказал, что у него появились очень хорошие связи в посольстве, а особенно в аппарате эконом советника, от которого, в основном, и зависит возможность организации такой командировки для Генки. Перед очередным отбытием в Афганистан, Симаков забрал с собой все необходимые копии Генкиных документов. И правда, месяца через три после того как улетел Симаков, Генку вызвал директор завода. С неудовольствием он сообщил, что на Кулакова пришла разрядка из министерства, согласно которой Генка должен оформлять документы для поездки в заграникомандировку в Афганистан сроком на три года.

У Генки оформление документов затянулось на полгода. То не хватало одной справки, то другой. То неправильно заполнил анкету, не указал, где и когда умер отец, то ещё какие-то мелочи, которые требовали дополнения или объяснения. Каждый раз документы отправлялись в Москву, а потом через три-четыре недели возвращались с указанием переделать те или иные документы. Наконец-то всё было заполнено и отправлено, но прошло ещё три месяца, прежде чем пришли документы, которые определяли, с какого числа Генка должен отбыть в заграникомандировку. К тому времени вернулись и Симаковы. Это было и к лучшему. У друзей оставалось времени чуть меньше месяца до того момента, когда теперь уже Генка, отбудет в Афганистан. Спасибо Анатолию Васильевичу, который снабдил его всей необходимой информацией. Симаков подробно рассказал, где и с кем предстоит ему работать. Соответственно сообщил все фамилии и адреса нужных и полезных людей в посольстве, и в аппарате эконом советника в Афганистане.

Теперь уже перед Генкиным отъездом в Афганистан друзья опять ушли в горы на недельку, но не к таинственным скалам, а в верховья реки Левый Талгар. Когда-то, в начале 50-х годов, там был небольшой альплагерь «Альпийская Роза». Симаков пару сезонов на ней проработал. Сейчас там оставались лишь неприметные остатки фундаментов нескольких зданий. Когда-то снежные лавины до основания разрушили постройки, но красоту этой поляны лавины уничтожить не смогли. Вот на этой поляне они и провели несколько дней, вспоминая то, что когда-то здесь было.

Накануне отлёта, вечером, Кулаков заявился к Симаковым. В руках у него был ледоруб, дипломат и небольшая картонная коробка. В дипломате у него находилась бутылка шампанского и коробка конфет.

– Что ты принёс, Гена? – спросил Симаков, встречая в дверях Генку.

– Шампанское и конфеты Зинаиде Владимировне, а вот эту коробку, Васильич, я попрошу сохранить до моего приезда, – Генка поставил коробку на пол, а шампанское и коробку конфет передал Симакову. Раздеваясь в прихожей, Генка продолжал, – здесь кое-какие мои документы, которые не нужны мне в загранике, фотографии, а также документы Горина Антона. Если когда-нибудь мы его всё-таки вытащим оттуда, они ему пригодятся. Квартиру-то я сдал вместе с мебелью, не жалко, а вот если документы пропадут, фотографии, потом жалеть придётся. И ледоруб не хочу оставлять чужим людям, хоть и хорошим знакомым.

У вас-то кто-то из родственников жил в квартире, а у меня будет жить мой коллега с семьёй. На квартиру в очереди стоят уже лет 10, а в ближайшее время никакой перспективы. Двое детей маленьких, пусть поживут хоть немного в нормальных условиях. Ну, и чтобы дети случайно не разворошили эти документы, решил оставить их у тебя. Ты как? Не против?

– Какие вопросы, Гена? Конечно же, оставляй! Всё сохранится до твоего приезда, ничего не пропадёт, – заверил Кулакова Анатолий Васильевич, – проходи в зал, там тебя уже Зинаида Владимировна ждёт.

– Геночка, приветик, как я рада тебя видеть! – ласково проворковала жена Симакова, – Прходи, садись, сейчас что-нибудь организуем.

– Да ничего не надо, я к вам ненадолго, – засмутился Генка, – вот, попрощаться заехал, да коробку небольшую на сохранение оставить.

– Оставляй, всё сохраним, а шампанского мы с тобой всё же выпьем! А то уедешь надолго, когда мы с тобой ещё сможем посидеть? Ничего, не грусти, Геночка, что уезжаешь один в неведомые края, зато материально будешь обеспечен после заграникомандировки. Это я тебе из нашего опыта говорю, – и Зинаида Владимировна подняла полный бокал шампанского, налитого Симаковым. Сам же Симаков достал коньячные рюмки и бутылку французского коньяка с надписью на этикетке: «Martell».

– Давайте выпьем за то, чтоб наша дружба никогда не прекращалась, несмотря на время и долгие разлуки! Чтоб мы всегда помнили друг о друге и в трудную минуту могли прийти на помощь! Что бы в памяти нашей оставались только светлые и приятные воспоминания! Короче, за дружбу на долгие, долгие годы! – Симаков встал, чокнулся бокалом с женой, Генкой и маленькими глоточками стал пить коньяк. Генка последовал его примеру, а Зинаида Владимировна отпила немного шампанского.

– Я не могу сразу выпить так много шампанского, слишком газа много, – сказала Зинаида Владимировна, когда на неё укоризненно посмотрел Симаков, – я не ставлю бокал на стол, сейчас допью!

– Конечно, допьёшь, я не сомневаюсь, – улыбнулся Симаков, – я тебе ещё налью. Вся бутылка в твоём распоряжении, а мы с Генкой коньячку выпьем.

– Слушай, Васильич, а откуда у тебя такой коньяк? Я в наших магазинах такого коньяка никогда не видел, – заинтересовался бутылкой Генка.

– А в наших магазинах его и не продают. Это я в «Берёзке» на чеки Внешпосылторга приобрёл пару бутылок в Москве, – ответил Симаков, – скоро и ты сможешь также отовариваться. Кстати, Зина, я Генке пару сотен чеков дам, пусть что-нибудь в дорогу себе купит.

– Что ты спрашиваешь? Дай, конечно, не возражаю, – поддержала мужа Зинаида Владимировна.

– Да ну, зачем они мне? – начал отнекиваться Генка, – чего мне с ними перед отъездом делать? Есть у меня деньги, а за границу всё равно больше тридцати рублей не дадут провезти. Придётся остатки денег в Москве на сберкнижку класть.

– Ты деньги советские можешь и положить, если у тебя будут оставаться, а на чеки купишь, хотя бы обувь и джинсы, да куртки в «Берёзке» продаются неплохие. Бери, бери, там в магазине много чего можно купить, не пожалеешь, – и Симаков протянул Генке пару сотенных купюр.

– Неудобно мне как-то, я же сам скоро заработаю, и будут у меня эти самые чеки, – начал мяться Кулаков.

– Заработать то ты заработаешь, а вот тратить их будешь ещё не скоро. Пока это ты в Союз вернёшься не меньше года пройдёт. Так что, бери и не возражай! Считай, что это наш подарок тебе перед отъездом, – и Симаков засунул купюры в карман Генкиной рубашки, – Будешь лететь в отпуск через Москву, пару бутылок французского коньяка прихватишь.

– Ладно, договорились, Васильич, обязательно прихвачу. Мне и самому такой коньяк понравился, лучше даже, чем армянский, – и Генка вновь поднял наполненную коньячную рюмку.

Когда бутылки с коньяком и шампанским опустели, Кулаков засобирался. Утром следующего дня у него был самолёт на Москву. Тепло распрощавшись с Симаковыми, Кулаков пообещал, что сразу после того как устроится в Афганистане, обязательно напишет и сообщит свой адрес. Обнявшись на прощанье, Генка вышел в тёплую ночь города. Никто не мог предположить, что друзья расстанутся очень и очень надолго. Они надеялись увидеться через год, когда Генка приедет в отпуск, но обстоятельства сложились так, что в эту ночь они расстались больше чем на четверть века. Генка взял такси и уже через полчаса был в своей квартире, в которой ему предстояло провести последнюю ночь перед поездкой.

Глава 10

Оба заметно постарели, но всё равно они узнали друг друга с первого взгляда. Симаков заметно поправился. От когда-то пышной шевелюры остались лишь воспоминания. Однако это не испортило его внешний вид и для своих лет он выглядел достаточно хорошо. Генри Кулен, он же Геннадий Петрович Кулаков, остался в своей прежней комплекции, размер костюма за последние тридцать лет он так и не сменил.

– Генка! Так и инфаркт получить можно! – почти прокричал Симаков.

– Привет Анатолий Васильевич! Что, не ждал? А я вот, собственной персоной из небытия и выплыл, – шутливо сказал Генка.

– Ах ты, чёрт! – и Симаков, не дожидаясь, когда Генка поднимется на площадку, помолодецки сбежал навстречу Кулакову и крепко обнял его прямо на лестнице.

– Здорово, Васильич, здорово! Вот я и вернулся из командировки. А ты, небось, и не ждал? Я же тебе сказал, что обязательно вернусь, – не выпуская из объятий Симакова говорил Генка, – и я здесь!

– Я не верю, что это ты, совсем не верю! Это же надо, столько лет никаких весточек и вдруг... – бормотал ошарашенный Симаков, – пошли в квартиру, хватит на лестнице обниматься, пошли!

– Пойдём-пойдём, Васильич, я этой встречи ждал много лет, – и обнимая друг друга за плечи, оба стали подниматься по лестнице.

– А ко мне сейчас ещё должен какой-то сотрудник Колумбийского Университета приехать, о чём-то поговорить. Хотя я никогда и никаких связей с этим университетом не имел. Попрошу его перенести встречу на другое время, – растеряно начал говорить Симаков.

– Не надо ничего переносить, Генри Кулен – это я. И сотрудник – это я, и о встрече с тобой просил тоже я. Так что успокойся и пойдём, поболтаем немного, – успокоил Симакова Генка.

– А почему немного? Столько лет не виделись и только лишь немного поболтать? Нет, так не пойдёт! Будем болтать много и долго! И никаких возражений! А кстати, пару бутылок коньяка привёз? – уже с шутливой интонацией спросил Симаков.

– Конечно-конечно, но выпить их сегодня у нас не получится. Безусловно, мы с тобой опрокинем за встречу, но только не очень много. Почему? Я тебе объясню, и ты меня поймёшь, – заходя в двери квартиры сказал Кулаков.

– Попробую понять, хотя ничего не понимаю... Главное – ты жив и вернулся, а всё остальное – ерунда! Как-нибудь разберёмся, – всё также растеряно бормотал Симаков, усаживая Генку поудобнее в кресле и доставая рюмки для коньяка, – сегодня пьём мой коньяк, твой прибережём, когда Зина прилетит, – и Симаков взял протянутые Кулаковым две небольшие картонные упаковки с бутылками коньяка.

– А где Зинаида Владимировна? – огорчённо спросил Кулаков.

– В Москве она сейчас, с правнуком нянчится. Сын Егор дедом уже стал, но в данный момент он за границей, торгпредом в Кении работает, а наша внучка, Даша, со своим мужем

в отпуск к ним полетели на месяц, через недельку возвращаются. А маленького Генку оставили с Зиной, ему-то всего ещё два года – ответил Симаков, разливая свой коньяк по рюмкам.

– Как ты говоришь, твоего правнука зовут? – спросил Кулаков.

– Генка, а как же ещё? Внуков у нас не было, только внучка, а вот правнука твоим именем назвали. Жена Егора, невестка наша, против этого была. Говорит, ни к чему называть в честь погибших, хоть и друзей, несчастливая жизнь у него потом сложится. На что я категорически возразил, что тебя никто мёртвым не видел, а потому считаю тебя живым, ты рано или поздно объявишься. Как видишь, я прав оказался. Значит, у маленького Генки будет счастливая судьба! Давай выпьем за Генку, за тебя, в первую очередь, и за нашего маленького, – предложил тост Симаков.

– Давай выпьем, – поддержал Симакова Генка и поднял свою рюмку.

– Сейчас я ещё налью, и ты мне расскажешь всё по порядку, что случилось, и где ты пропадал столько лет, – с этими словами Симаков вновь наполнил рюмки коньяком.

– Нет, Васильич, сегодня я тебе ничего подробно рассказывать не буду. Для этого есть несколько причин. Первая: сегодня у меня не так много времени, а рассказ получится длинный. Вторая: нет твоей жены Зинаиды Владимировны и придётся рассказывать два раза, а мне, честно говоря, этого делать не очень хочется. Вкратце я тебе расскажу, чтобы ты не мучился размышлениями по этому поводу. В общем, был в плену, как и где, это потом. Семь месяцев в плену у афганцев, после ещё два с лишним года провёл в Пакистане. Итого получилось около четырёх лет в Афганистане и Пакистане, вместе с командировкой, разумеется. В Америку помог перебраться мой однокурсник по институту. Мы с ним в институтском общежитии в одной комнате жили, на последних двух курсах. А дальше... – Генка взял свою рюмку и медленно стал пить коньяк, не дожидаясь очередного тоста, – А дальше мне помог один американец, с которым я познакомился в Пакистане. Он то и устроил мою дальнейшую жизнь. Налейка ещё немного, – попросил Кулаков Симакова, – Как видишь, Америка меня приняла, а вот мой родной Советский Союз меня кинул, по всем статьям.

– Как так? Что-то я не пойму? – растерялся Симаков.

– Васильич, давай об этом потом поговорим. Сегодня я приехал к тебе не затем, чтоб плакаться или хвалиться. Просто очень хотелось тебя увидеть, услышать твой голос, с Зинаидой Владимировной пообщаться и конечно же с делом, которое не даёт мне покоя всю жизнь. Ты догадываешься о чём это я? Да-да, в этом году полнолуние стопроцентное, в то самое время. В связи с этим я сегодня в три часа дня уезжаю на нашу бывшую турбазу. Я уже обо всём договорился и в этом деле мне помощь не нужна, – Кулаков жестом приостановил попытки Симакова перебить его, – здесь всё нормально. Я к тебе вот с какой просьбой. Помнишь, я тебе оставлял коробку с документами? Она сохранилась?

– Обижает, Гена, у меня всё в сохранности и даже ледоруб Антона у меня в кабинете на стене висит, – сказал Симаков.

– Вот и хорошо! Тогда, Васильич, к делу. Пока я буду на турбазе, это получается около десяти дней, найди хорошего адвоката. Покажи ему документы Антона. Мне необходимо знать, можно ли на основании этих документов получить новый, современный, желательный заграничный паспорт. У меня стопроцентная уверенность в том, что в этот раз я вытащу Антона из этой ловушки. То, что он до сих пор жив, я несколько не сомневаюсь. На это у меня есть веские причины, о которых я тебе расскажу позже. Давай выпьем за успех долгого мероприятия по спасению Антона, – оба приятеля молча, и не спеша, опорожнили рюмки.

– Я найду, Гена, адвоката. У меня есть хороший адвокат на примете, специализирующийся как раз в области гражданских прав. Всё узнаю и сделаю. Кстати, не в обиду будет сказано, а почему ты не предлагаешь мне сходить с тобой к скалам? – вдруг неожиданно спросил Симаков.

– Да нет, Васильич, ты меня не обижаешь, скорее всего наоборот, это ты на меня должен быть в обиде, что я тебя не зову в этот раз с собой. Ты мне сейчас нужен здесь, в городе. Без тебя оформить должным образом документы Антона мне будет не по силам. У тебя, всё-таки остались кое-какие связи, на что я очень надеюсь. И извини меня, Васильич, что я к тебе не приехал в первый же день моего прилёта сюда. Я специально затянул визит к тебе, чтоб у тебя не оставалось времени за мной увязаться. Я два дня как уже здесь, – и Кулаков виновато посмотрел на Симакова.

– Ах ты, негодник! Два дня здесь и только сегодня заявился? Я столько лет ждал, верил, что ты жив и вернёшься, а ты украл у меня два дня! – Симаков встал и со слезами на глазах подошёл к Кулакову. Тот тоже встал.

– Так надо, Васильич! – и Генка крепко обнял Симакова.

По прилёту в Москву Кулаков сразу же направился в трест «Зарубежспецсвязь». Рабочий день в тресте уже близился к концу, но он успел застать своего куратора, Никитина Сергея Ивановича, с которым он общался несколько раз по междугородному телефону. Никитин зарегистрировал прибытие Кулакова, дал ему направление в гостиницу и объяснил, что предстоит сделать Кулакову в ближайшие три дня до отлёта в Афганистан. Из этих объяснений Кулаков понял, что эти три дня ему придётся помотаться по Москве со сбором подписей и печатей на вручённом ему Никитиным «бегунке». К «бегунку» Никитин приложил и расписание, в котором указывалось где и когда Кулакову назначены встречи для собеседования и инструктажа. Буквально утром следующего дня, в 10 часов ему надлежало явиться в ЦК КПСС, для собеседования. Затем в три часа дня, аналогичный инструктаж в Министерстве связи. Между делом необходимо было ещё сдать профсоюзный билет и получить роспись и штамп на «бегунке» от ВЦСПС. На второй день предстояло посетить ещё пять или шесть различных ведомств с одной целью – получить удостоверенную печатью подпись.

На следующее утро, без десяти минут десять, Кулаков вошёл в дверь третьего подъезда ЦК КПСС. В холле уже находилось человек 18—20, по всей видимости таких же соискателей подписей с печатями, каким был Кулаков. С двух сторон довольно широкой лестницы, ведущей наверх, стояли два офицера в зелёных фуражках. Генка подошёл к одному из них и подал своё направление на инструктаж. Офицер попросил предъявить паспорт, после чего сверился со списком, лежащим рядом на маленьком столике, коротко бросил: «Ожидайте», – и положил Генкин паспорт рядом с кучкой других паспортов. Без одной минуты 10, по лестнице спустился представительный мужчина с листком бумаги в руках. Он пояснил, что сейчас зачитает фамилии, прибывших специалистов на собеседование, и, каждому назовёт номер кабинета, куда следует пройти. Кулакову достался восьмой кабинет. Мужчина пригласил всех на второй этаж и показал кабинеты для собеседования.

В восьмом кабинете Кулакова встретил приветливый пожилой мужчина. Представившись инструктором ЦК КПСС, он пригласил Кулакова присесть и начал свой инструктаж. Ещё Симаков предупреждал, что с Генкой будут проводить подобные беседы и рекомендовал не задавать вопросов, а если будут что-то его спрашивать, то отвечать, как можно коротко, что-нибудь типа «да» или «нет». Почти 40 минут инструктор говорил о том, что советскому человеку, находясь за границей, следует быть внимательным и осторожным. Не поддаваться ни каким соблазнам и провокациям, которые могут устраивать агенты иностранных разведок в отношении советских специалистов, работающих за рубежом. По окончании своей лекции инструктор спросил Кулакова всё ли ему понятно и, получив короткий утвердительный ответ от Генки, взял его «бегунок», расписался и поставил штамп со своей фамилией и должностью. Кулаков попрощался и вышел в коридор. Почти одновременно с Генкой из других кабинетов

стали выходить люди, прошедшие собеседование. Офицер, стоящий в коридоре возле лестницы, внимательно проследил за тем, чтобы все прошли к выходу. На выходе Генка забрал свой паспорт у часового и про себя отметил, что в холле собралась новая партия людей.

«Сколько же людей в день проходит этот дурацкий инструктаж?», – подумал Генка. Получалось, человек 20 в час, в день, человек 140—160. Но не количество человек, получивших инструктаж удивило Генку, а количество инструкторов проводивших индивидуальную беседу со специалистами, отправляемыми на работу за рубеж. Генка никак не мог вникнуть, почему бы нельзя собрать человек 100, если это много, то человек 50, в одном зале и провести для всех лекцию на тему: «Как надо вести себя советскому гражданину за рубежом». Такую лекцию мог прочитать один инструктор и за три часа пропустить те же 150 человек. Зачем держать 20 инструкторов и каждому платить, как минимум зарплату превышающую зарплату рядового инженера в 1,5 – 2 раза?! На этот, сам себе заданный вопрос, Кулаков логического ответа не нашёл.

До собеседования в Министерстве Кулаков успел побывать в ВЦСПС и сдать свой профсоюзный билет. В Министерстве инструктаж был почти идентичным что и в ЦК КПСС. Правда, здесь он проводился не индивидуально. Вместе с Кулаковым пришло ещё три человека, но все направлялись в разные страны. Так в суете незаметно пролетел весь день.

Генкин «бегунок» требовал ещё несколько подписей. Во второй день Кулаков без труда собрал недостающие подписи и ближе к концу рабочего дня подъехал в трест, к своему куратору. Он отдал Никитину все свои справки, документы и «бегунок», взамен получил загранпаспорт и билет на самолёт. Кулаков глянул на дату и время вылета. Рейс был на завтра в 10 часов вечера. «Хорошо, – подумал Генка, – завтра есть время побродить по Москве, может и в „Берёзку“ загляну, чеки отоварю. А в принципе, мне ничего и не надо, – продолжал размышлять Генка, – но всё-таки поеду, посмотрю». С этими мыслями он вернулся в гостиницу, устроился поудобнее в кресле перед журнальным столиком в холле гостиницы и принялся рассматривать купленные газеты.

Утром Кулаков спросил администратора, где находятся магазины «Берёзка» и как к ним проехать. Очаровательная девушка протянула ему буклет, где были перечислены все филиалы магазина с их адресами и телефонами. Выяснив, какой находится ближе всего, Кулаков тут же отправился по адресу. Магазин, куда приехал Генка, торговал одеждой и обувью. Когда Кулаков подошёл к отделу, где висела верхняя одежда, неожиданно вспомнил, что с собой в Афганистан он не взял ничего из тёплой верхней одежды, да и с обувью дела обстояли не лучше. Всего-то пара летних туфель, которые были сейчас на нём, да кроссовки в чемодане. На дворе было лето и эта деталь в суматохе сборов, как-то выпала. Пришлось исправлять эти ошибки. Генка выбрал лёгкую, но тёплую куртку, на гагачьем пуху, финского производства, и тёплые зимние сапоги, тоже финские. От чеков, которые ему подарил Симаков, ничего не осталось. Ещё раз вспомнив Симакова добрым словом, мысленно поблагодарив его за такой подарок, Генка в другие филиалы магазина «Берёзка» не поехал, не было смысла. При входе в магазин, требовали предъявить чеки Внешпосылторга, а их у него уже не было. Вернувшись в гостиницу Кулаков упаковал купленные вещи в чемодан, а затем направился в центр Москвы, побродить по улицам и площадям.

Регистрацию и посадку на рейс объявили точно по расписанию. Без всяких задержек Кулаков прошёл таможенный и пограничный контроль. Удобно расположившись в кресле самолёта возле окна, Генка решил вздремнуть, пока самолёт наберёт высоту. Но заснуть мешали бесконечные объявления и стюардессы, постоянно предлагающие то какие-то сувениры, то напитки. В Ташкенте самолёт приземлился для дозаправки и через час опять был в воздухе. В семь часов утра по местному времени самолёт приземлился в аэропорту Кабула. Пройдя пограничный контроль, Кулакова встретил переводчик с контракта, куда направлялся

Генка. Виталий Мищенко, как представился переводчик, помог заполнить таможенные декларации и вместе с Кулаковым получил его багаж и провёл через таможенников.

На площади возле входа в аэропорт загрузили весь багаж в микроавтобус и пожилой афганец, получив команду от переводчика, завёл машину и поехал в сторону Кабула. Микроавтобус остановился где-то на окраине города, возле похожих друг на друга нескольких двухэтажных домов.

– Здесь, Геннадий Петрович, проживают специалисты с нашего контракта. Вам тоже придётся жить здесь. Для вас приготовили двухкомнатную квартиру. Вы же не женаты? – вдруг спросил переводчик.

– Нет, я не женат, – ответил Кулаков.

– Поэтому для вас определили двухкомнатную квартиру на первом этаже вот в этом доме, – и Виталий рукой показал на ближайший дом, – если бы вы прилетели с женой, то вас бы поселили в трёхкомнатной квартире. Я думаю, что вы в обиде не будете. В квартире есть всё необходимое: мебель, постельные принадлежности, кухонная утварь. Пойдёмте, я вам всё покажу, – переводчик подхватил два Генкиных чемодана и направился к подъезду дома, – ваша квартира номер 2, сейчас я вам её открою, – Виталий открыл дверь и занёс чемоданы внутрь. Следом за ним вошёл и Кулаков.

Небольшая двухкомнатная квартира мало чем отличалась от таких же типовых квартир, которые привык видеть Кулаков. В маленькой спальне стояла застеленная кровать, не двухспальная, но достаточно широкая, прикроватная тумбочка и трёхстворчатый платяной шкаф. В зале стоял диван и два простеньких кресла. Возле кресел маленький журнальный столик, а в углу стоял стол побольше, такой, какой обычно бывает в советской, общепитовской столовой. Ещё один такой же стол был на кухне. Газовая плита с двумя конфорками, холодильник, кухонные шкафы и полки, смотрелись вполне прилично в просторной кухне. Совмещённый санузел, находился между кухней и прихожей.

– Ну, что, вполне прилично, меня всё устраивает, – сказал Генка.

– Вот и хорошо. По всем бытовым вопросам, ну, там, газ кончился, света нет, холодильник сломался или что-то ещё, обращайтесь ко мне, и я решу эти хозяйственные проблемы. А сейчас, Геннадий Петрович, распаковывайтесь, отдыхайте, а после обеда я за вами заеду, и мы поедem в наш офис. Вам необходимо познакомиться с руководителем нашего контракта. Он вам всё объяснит и расскажет о дальнейшей вашей работе. Кстати, вы можете что-нибудь перекусить. В холодильнике есть кое-какие продукты, в том числе и свежий хлеб. Здесь в шкафу: чай, кофе, сахар, соль. Всё это куплено специально для вас на первые два-три дня, за счёт нашего контракта. Завтра или послезавтра вы получите подъёмные и аванс. Тогда сможете сами закупать для себя продукты. Продуктовые магазинчики находятся поблизости, я потом их вам покажу и подскажу, где и что лучше покупать. Ну, я поехал, а в два часа дня я за вами заеду. А пока обживайтесь! – и Виталий уехал, оставив Генку одного.

Ровно в два часа во входную дверь позвонили, это приехал переводчик. Кулаков был уже готов и, прихватив свой дипломат с необходимыми документами, пошёл вслед за Виталием к микроавтобусу. Тот же пожилой афганец сидел за рулём. Виталий что-то ему сказал, и они поехали через весь город в офис. Ехали довольно долго, около тридцати минут. Наконец остановились возле неприметного серого двухэтажного здания, без всяких вывесок.

– Это и есть наш офис, – сказал Виталий.

– А что же? Даже никаких вывесок нет? – спросил Кулаков.

– А их сняли, сейчас новые готовят. Дня через два повесят, – пояснил Виталий, – Пойдёмте, кабинет нашего шефа на втором этаже.

Когда поднялись на второй этаж и пошли по коридору, Генку удивила одна деталь: на всех дверях имелись небольшие стеклянные окошки на уровне головы. Можно было, не заходя в комнаты посмотреть, кто там находится. Правда, на некоторых окошках висели аккуратные

занавески. Виталий остановился возле двери с табличкой: «Руководитель контракта». Эта была единственная дверь в коридоре без стеклянного окошка. Виталий постучался и приоткрыл дверь. Кулаков опять про себя отметил, что никаких приёмных и секретарш у руководителя контракта нет. Прямо за дверью находился кабинет.

– Можно, Михаил Иванович? – спросил Виталий.

– Да-да, конечно! Проходите, пожалуйста! Михаил Иванович Порошин, руководитель контракта. А вы Геннадий Петрович Кулаков, не так ли? – навстречу Кулакову из-за стола поднялся мужчина лет 55-ти, небольшого роста с заметным животиком и лысеющей головой. Он протянул Генке руку для рукопожатия, – вы специалист по радиоаппаратуре и связи. Верно?

– Совершенно верно! Кулаков Геннадий Петрович, инженер-связист, – ответил Кулаков и пожал протянутую руку.

– Михаил Иванович, я могу идти? – спросил Виталий.

– Да, Виталий, иди к себе. Я с Геннадием Петровичем переговорю, а потом позову тебя, – сказал Порошин, – Присаживайтесь, Геннадий Петрович. Ну, что? Начнём? – спросил Порошин, когда за Виталием закрылась дверь, – хочу ввести вас в курс дела. Вам в Москве объяснили, чем вам предстоит заниматься?

– Так, в общих чертах. Мне Никитин сказал, что на месте всё объяснят, – ответил Кулаков.

– Всё правильно, чиновники и не могут знать всех тонкостей и деталей. У них другие задачи. А вы первый раз за границей? – спросил Порошин.

– Первый. Что, заметно, да? – тут же задал свой вопрос Кулаков.

– Заметно, – улыбнулся Порошин, – ничего, все когда-то что-то делают первый раз. Ну, а теперь о деле. Для начала хотел бы пояснить чем мы тут занимаемся. Наш контракт, в основном, выполняет работы по монтажу и обслуживанию ретрансляторов, предназначенных для приёма и передачи радио и телевизионных программ, но и не только для этого. Вам, как высококлассному специалисту, всё это понятно. Но вы, конкретно, этими вещами на нашем контракте заниматься не будете. Перед вами стоят другие задачи. В вышестоящих инстанциях всё уже согласовано и определено. Вы будете работать непосредственно в ГКЭС. Это Государственный Комитет по Экономическим Связям. За границей все гражданские контракты подчиняются непосредственно ГКЭС. Руководит ГКЭС эконом советник посла. Торговые организации подчиняются Торгпредству, военные – военному советнику. Вот такой расклад. Так что Геннадий Петрович, вы будете работать в руководящем органе, – улыбнулся Порошин, – а если серьёзно, то будете обслуживать узел связи при ГКЭС.

– Как же так? Мне об этом ничего не говорили, – растерялся Кулаков.

– Ещё задолго до вашего приезда все ваши документы поступили к нам, имеется в виду в посольство, в ГКЭС. Их внимательно изучили и пришли к выводу, что вы нужнее всего именно на этом фронте работ. Но так как у ГКЭС нет такой позиции, то вас и определили на наш контракт. Здесь ничего страшного нет. Все ваши бытовые и хозяйственные проблемы берёт на себя наш контракт, да и зарплату вы будете получать у нас, а вот рабочее место будет в ГКЭС. В принципе, в данный момент, мы все являемся сотрудниками ГКЭС. Вот такой расклад. Я постарался коротко и доходчиво объяснить здешнюю иерархию, а вы, соответственно, поняли и приняли к сведению. Не так ли, Геннадий Петрович? – опять улыбнулся Порошин.

– Да, вроде, всё понятно, – задумчиво ответил Кулаков.

– Прекрасно! Тогда вот что, сейчас пройдите к моему заместителю, Головину Олегу Кузьмичу, он занимается оформлением всех документов наших сотрудников. Это, так сказать, в одном лице и завхоз, и отдел кадров. Отдадите ему все свои документы, паспорт в том числе, и он вам скажет, что делать дальше. Договорились? Сейчас я позвоню Виталию, и он вас проведет к Головину, – Порошин поднял трубку телефона и набрал номер, – Виталий! Зайди ко мне! – сказал он в трубку, – Да, вот ещё что, Геннадий Петрович, на работу вас будет подво-

зять наш микроавтобус. С работы вас тоже будут забирать и отвозить к вашему дому. Когда надо будет выходить утром из дома и где будет стоять автобус, вам это всё объяснит Виталий Мищенко. И ещё одна, немаловажная деталь. Я не знаю, проинформировал ли вас Никитин или нет, но мы находимся и работаем в мусульманской стране. Нам приходится подстраиваться под местные обычаи, уклады и законы. Рабочая неделя состоит из шести рабочих дней с одним выходным в пятницу. Пятница у мусульман святой день. Семичасовой рабочий день, в четверг шесть часов работаем. В ГКЭС работают по такому же режиму, а с обеденными перерывами, разберётесь на месте, – в дверь постучали, и она открылась, – А, Виталий! Проводи Геннадия Петровича к Головину. Желаю вам успехов на новом рабочем месте. Всего вам хорошего и удачи! До свидания, Геннадий Петрович! – и Порошин распрощался с Кулаковым.

Головин Олег Кузьмич оказался сухощавым, среднего роста, старичком. Во всяком случае, с первого взгляда так показалось Кулакову. Как потом рассказал Виталий, Олег Кузьмич был одним из заместителей управляющего трестом «Зарубежспецсвязь». Когда подошло время уйти на пенсию в 60 лет, его оправили в зарубежную командировку на три года. Кулаков выложил Головину все свои документы, которые были при нём. Паспорт, командировочное удостоверение, обратный билет на самолёт, несколько фотографий 4х6 и ещё кучу каких-то справок и бумаг, которые вручили ему в тресте. Головин всё внимательно просмотрел и сказал, что всё в порядке и эти все бумаги он оставляет у себя и паспорт в том числе. Такие существуют правила на этот счёт. Кулакову через день-два выдадут временное удостоверение личности, которое он должен иметь всегда при себе. Так же Головин сказал, что завтра утром он вместе с Кулаковым поедет в ГКЭС и представит его руководству.

На новом месте Кулаков освоился быстро. Не прошло и недели, как он уже знал всех сотрудников ГКЭС по имени и отчеству. Узел связи, который начал обслуживать Кулаков, процентов на 70 состоял из аппаратуры выпускаемой его родным заводом. Правда, это были уже устаревшие модели, снятые с производства лет пять назад, но для Кулакова это не было проблемой. Он прекрасно разбирался во всех этих устройствах. Его предшественник оставил в наследство аппаратуру в довольно плачевном состоянии. За месяц работы Генка отремонтировал всё, что только можно было отремонтировать. Оборудовал в небольшой комнатке, рядом с узлом связи, маленькую мастерскую и целыми днями паял, ремонтировал, настраивал оборудование. Порой ему казалось, что он не за границей, а у себя, на родном заводе. Только когда приезжал в свою казённую квартиру, начинал понимать, что он где-то далеко за рубежом и ему становилось тоскливо и неуютно.

Однажды к нему в мастерскую заглянула начальник канцелярии, Ольга Васильевна, жена одного из дипломатов Посольства. Она попросила посмотреть Кулакова электрические пишущие машинки, находящиеся у неё в канцелярии. Из десяти пишущих машинок только пять работали, остальные были в нерабочем состоянии. Кулаков в своё время занимался ремонтом и обслуживанием телеграфных аппаратов и телетайпов, поэтому разобраться в принципе работы пишущих машинок, для него не составило труда. Через день все десять машинок изрыгали из себя стопки машинописных листов. Слух о том, что в ГКЭС появился механик по ремонту пишущих машинок, моментально распространился по всей советской колонии. Не прошло и двух дней, как Кулакова вызвали в Посольство для ремонта пишущих машинок, а через неделю за ним приехали из Торгпредства.

Непосредственный начальник Кулакова, заместитель эконома советника по хозяйственной части Сурков Николай Александрович, поначалу выразил неудовольствие такой популярности Генки, но, когда Генка пояснил, что без разрешения Суркова он и шага не сделает за пределы территории ГКЭС, тот успокоился. В дальнейшем, если в Генкиных услугах кто-то нуждался, то обращались непосредственно к Суркову, который потом великодушно разрешал прислать машину за Кулаковым. Так круг знакомств в Афганистане у Генки постепенно расширялся, принося ему известность и, иногда, кое-какую выгоду. К примеру: спиртные

напитки и пиво в свободной продаже в магазинах не было. Когда Кулаков попадал в Посольство или в Торгпредство, где имелись буфеты торгующие этим дефицитом исключительно только для сотрудников этих ведомств, Генке, в порядке исключения, разрешалось отовариться. Так в суете незаметно пролетели первые четыре месяца Генкиной заграничной командировки.

В конце ноября в импровизированную мастерскую Кулакова зашёл Сурков. Вместе с ним был сотрудник Посольства, Сироткин Андрей Иванович. Сироткин в Советском Посольстве занимал должность, аналогичную Суркову. Кулаков был знаком с Сироткиным, поскольку неоднократно бывал в Посольстве по поводу ремонта пишущих машинок. Поэтому представлять их друг другу не было никакой необходимости. Коротко поздоровавшись, все трое перешли к деловому разговору. Суть разговора состояла в том, что Посольство получило комплект оборудования для спецсвязи. Специалиста, который мог бы установить и запустить это оборудование в эксплуатацию, в данный момент, в Посольстве не было. Буквально накануне получения оборудования у посольского специалиста закончился контракт, и он отбыл на Родину. Замену ему ещё не прислали и, как сказал Сироткин, пришлют ещё не скоро. На эту позицию должен был прибыть новый сотрудник, но по каким-то причинам его кандидатуру забраковали, а подготовить другого специалиста не успели. У Кулакова был допуск к обслуживанию аппаратуры спецсвязи и поэтому к нему обращаются с убедительной просьбой, помочь в установке и запуске в работу всего этого комплекса. Кроме того, Сурков сказал, что и кое-что из аппаратуры, размещённой в ГКЭС, тоже надо будет переместить в Посольство.

Это сообщение несколько не испугало Кулакова. Работать он мог и чем больше он будет занят интересной и любимой работой, тем быстрее пробежит время заграничной командировки, и быстрее он вернётся к своим родным горам. Проблем, связанных с установкой нового оборудования, все трое в процессе разговора не обнаружили и, обговорив сроки и условия предстоящих работ, завершили более чем часовую беседу.

В течение двух недель Кулаков смонтировал и установил всё необходимое оборудование. Иногда приходилось работать и вечерами, но это его не угнетало, поскольку Генку никто не ждал в его казённой квартире. А в Посольстве, иногда, можно было посмотреть что-нибудь из новых, интересных кинофильмов, которые демонстрировали в небольшом кинозале при Посольстве раза три-четыре в неделю. Приближался Новый Год, но праздничного настроения не ощущалось. Наоборот, в атмосфере общения всех сотрудников Посольства и ГКЭС витала какая-то напряжённость. Наступило утро 25 декабря 1979 года, и вот тут-то всё стало ясно. Накануне, 24 декабря, советские военно-воздушные десантники заняли аэропорт «Баграм». 25-го, ввели ограниченный контингент советских войск на территорию Афганистана. 27-го десантники уже штурмовали дворец Амина, главы государства. Началась война. Кулакову сразу стало ясно, почему надо было срочно монтировать новый узел связи в Посольстве.

Дворец Амина в Кабуле после штурма

Военные действия никоим образом не отразились на работе Кулакова, хотя контракт, которым руководил Порошин и на котором официально числился Кулаков, сразу после Нового Года закрыли и всех специалистов с контракта вывезли в Советский Союз. Позиция, на которую приехал Генка в Афганистан, вместе с контрактом была ликвидирована. Но Кулакова

в Советский Союз отправлять не спешили, поскольку специалиста по спецсвязи так и не прислали. Теперь Кулаков работал на двух работах, в ГКЭС и в Посольстве. Генку временно перевели на какой-то другой контракт, на такую же инженерскую должность. В домах, принадлежавших контракту Порошина, поселились военные советники, которых тысячами переправляли в Афганистан. Так что, Генка опять оказался в соседстве со своими соотечественниками, правда, теперь уже военными. После Нового Года в Кабуле, контролируемом советскими войсками, обстановка была относительно спокойная.

Месяца через два Сурков заявил Кулакову, что в связи с военными действиями на территории Афганистана отправка его на Родину откладывается на неопределённое время, но он может спокойно продолжать свою работу, вот только с отпуском придётся потерпеть. Подобрать хорошего специалиста по спецсвязи в Союзе никак не могут. Всё это связано с войной, никто не хочет ехать в Афганистан. А военные специалисты, в основном, сосредоточены по воинским подразделениям, да и там специалистов в этой области было в обрез. Кулаков спокойно отреагировал на это заявление, если так надо, то он будет продолжать работать дальше.

Письма от Симакова стали приходить реже и, судя по штемпелю, шли больше месяца. Но это было не оттого, что друзья сократили переписку, просто война задерживала доставку корреспонденции гражданским лицам.

Глава 11

Неожиданно зазвонил телефон. Приятели недоуменно переглянулись. Симаков не спеша подошёл к телефону.

– Симаков слушает, – сказал он в поднятую трубку.

– Добрый день! Извините, пожалуйста, за беспокойство, господин Симаков, это из турагентства «Карабастау» вам звонят. Я бы хотела переговорить с господином Куленом, Генри Куленом, – заворковала телефонная трубка приятным женским голоском.

– Не понял, с каким господином Куленом?..

– Да я это, Васильич, я Генри Кулен, ты что, уже забыл? – улыбнулся Кулаков.

– Извините девушка, передаю трубку Генри Кулену, – растерялся Симаков и, прикрывая рукой трубку продолжил, – ну, ты даёшь, полчаса не прошло, а ему уже звонят!

– Добрый день, Генри Кулен у телефона.

– Извините, пожалуйста, господин Кулен, вас беспокоят из турагентства «Карабастау». Этот номер телефона мне дал администратор гостиницы, где вы остановились. Мне сказали, что после одиннадцати часов я могу застать вас по этому номеру телефона.

– Совершенно верно! А что случилось?

– С вами хотел бы переговорить наш руководитель турагентства, Кайрат Тукебаев. Я передаю ему трубку, – прошептала трубка голосом девушки.

– Добрый день, господин Кулен! Меня уже вам представили. Дело в том, господин Кулен, что у нас появились непредвиденные обстоятельства с вашим выездом на озеро Иссык. Только, пожалуйста, не беспокойтесь, предупреждаю вас заранее, всё будет нормально! – поспешил успокоить руководитель турагентства, – машина, которая должна была вас отвезти, попала в аварию. Весь остальной транспорт в разъезде. Сегодня пятница, и все машины уже в пути к местам отдыха наших клиентов. Мы приносим свои глубокие извинения за предоставленные неудобства, но так получилось, хоть и не совсем по нашей вине. Завтра рано утром я сам лично отвезу вас на озеро Иссык на своей машине. Только скажите, когда и где вас забрать? Я сегодня созвонюсь с дирекцией комплекса и изведу о небольших изменениях по поводу вашего заезда.

– Одну минутку, господин Тукебаев, я сейчас уточню, когда и где меня можно будет забрать, – Кулаков прикрыл трубку рукой и спросил у Симакова, – Васильич, я могу у тебя остаться до утра?

– Что ты спрашиваешь, ты бы мог ещё два дня назад у меня остановиться! – как бы обижаясь, ответил Симаков.

– Хорошо, господин Тукебаев, я вас жду завтра в семь часов утра по адресу..., – и Генка назвал адрес Симакова.

– Ещё раз приношу вам извинения за неудобства по нашей вине, а господину Симакову за беспокойство! Завтра ровно в семь часов утра я буду по указанному вами адресу, господин Кулен, – вежливо извинился Тукебаев.

– Ничего-ничего, господин Тукебаев! Это даже и к лучшему, что выезд отложили на завтра. Спасибо вам за звонок и за то, что предупредили. Всего вам хорошего. До свидания, – сказал Кулаков и, дождавшись ответного прощания, положил трубку.

– Что случилось, Гена? – спросил Симаков.

– Ничего страшного, просто нам продлили свидание, – с улыбкой сказал Кулаков.

– А как же тебя нашли у меня?

– Васильич, ну, ты чего, как маленький? Я перед тем, как к тебе ехать оставил твой номер телефона у администратора гостиницы и попросил, если кто будет спрашивать меня, пускай позвонят к тебе, вот и всё!

– Да-да, конечно, что-то я совсем не сообразил. Старый стал, всё не сразу доходит, – смущаясь, сказал Симаков.

– Ну, ладно, это даже и к лучшему. Наливай! У нас появилось время, хоть я и говорил, что расскажу всё потом, но поведаю я сейчас тебе свои приключения с того момента, когда прекратилась между нами всякая связь, – и Кулаков замолчал, собираясь с мыслями, как лучше начать рассказ.

В последних числах октября 1980 года в мастерскую Кулакова позвонил Сурков и попросил Генку срочно зайти к нему. Надо, так надо, решил Кулаков и пошёл в кабинет к Суркову.

– Геннадий Петрович, я не знаю зачем, но вас срочно требует к себе зам военного советника, полковник Северцев. Возьмите мою машину с водителем и поезжайте к Северцеву, – сказал Сурков, когда Генка зашёл к нему.

– Хорошо, Николай Александрович, я поехал, там разберёмся, – спокойно сказал Генка и ушёл.

В своём кабинете полковник Северцев был не один. За приставным столиком сидел офицер в звании майора, и они о чём-то оживлённо беседовали. Когда Кулаков постучал в дверь, разговор между офицерами прекратился.

– Можно войти? – спросил Кулаков, когда после стука в дверь, приоткрыл её.

– Заходите, Геннадий Петрович, мы вас ждём, – отозвался полковник.

– Здравствуйте! Мне Николай Александрович Сурков сказал, что вы срочно хотите меня видеть, товарищ полковник, – сказал Кулаков, когда вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, здравствуйте, Геннадий Петрович! Мы вас уже заждались, знакомьтесь, майор Кочанов Евгений Михайлович. Ваш коллега – связист. Начальник связи 40-й Армии, – представил полковник Кулакову майора, – а это наш, так сказать, гражданский специалист по связи, Кулаков Геннадий Петрович, – теперь майору представил Кулакова полковник.

– Очень приятно, – пожал протянутую руку майора Кулаков.

– Взаимно, – ответил майор.

– Что ж, не будем терять время и перейдём к делу, – начал полковник, – информация, которую вы сейчас получите, Геннадий Петрович, на данный момент времени является абсолютно секретной. Поэтому попрошу вас отнестись со всей необходимой ответственностью. У нас нет выбора и времени для того, чтобы решить проблему в кратчайшие сроки своими силами. Вся надежда на ваш большой опыт и, естественно, на вашу помощь, Геннадий Петрович.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – спокойно сказал Кулаков.

– Вчера утром миномётным обстрелом был уничтожен узел связи 40-й Армии. Два офицера, обслуживавшие этот узел связи, получили тяжёлые ранения. Было уничтожено всё оборудование. Армия осталась без связи. Сейчас у 40-й Армии очень серьёзные проблемы. Она контролирует северную часть Афганистана, прилегающую к Пакистану, а это наш самый уяз-

вимый район. С территории Пакистана постоянно проникают в Афганистан большие группы вооружённых бандитов, а у командования Армии нет оперативной связи между своими подразделениями и Центральным Штабом ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Сегодня ночью из СССР грузовым самолётом доставлено новое оборудование. Майор Кочанов оборудование принял и уже отправил в расположение 40-й Армии. Груз немаркированный, поэтому о том, что находится в ящиках известно только майору, мне и теперь вот, ещё и вам. У нас совершенно нет времени искать военных специалистов по монтажу аппаратуры, и мы обратились за помощью к вам. Сейчас вы вместе с майором и его водителем на УАЗе поедете догонять колонну автомашин, которые находятся уже часа три в пути. Вас по прибытию в расположение 40-й Армии обеспечат всем необходимым. А сейчас я бы хотел пожелать вам счастливого пути! – закончил свою речь полковник.

– Как? Вот так вот сразу и в путь? – спросил Кулаков.

– Да, прямо из моего кабинета в машину и в путь! – сказал Северцев.

– А как же моё руководство, оно же ни о чём не знает? Я должен предупредить Суркова, а то он будет меня искать, – недоумевал Кулаков.

– Геннадий Петрович! Эти формальности я беру на себя, всё будет нормально!

– Мне хотя бы куртку прихватить, в горах уже прохладно, – беспокоился Кулаков.

– Возьмите мой бушлат, – полковник открыл стеной шкаф и протянул Кулакову свой бушлат, – по размеру он вам подойдёт. Вернётесь, отдадите, – улыбнулся полковник, – а сейчас езжайте, у вас совсем нет времени. Вам больше двухсот километров надо преодолеть, а по здешним дорогам это у вас займёт весь световой день. В расположение Армии вы должны добраться засветло, ночью передвижение запрещено!

– Ну, хорошо, ехать, так ехать, – Кулаков взял бушлат и направился к двери.

– Кочанов! Евгений Михайлович! Подожди минутку! У тебя с пропуском всё в порядке? – спросил Северцев.

– Так точно, товарищ полковник!

– А на Кулакова пропуск-то отсутствует! Сейчас оформлять времени нет.... Что же делать? – задумался Северцев.

– Да не беспокойтесь, товарищ полковник! С моим пропуском я могу человека три-четыре провезти через посты. Были бы у них документы, удостоверяющие личность, – успокаивающе сказал майор.

– Геннадий Петрович, временное удостоверение личности у вас с собой?

– Конечно, вот оно, – и Генка протянул полковнику своё удостоверение.

– Так, хорошо! На всякий случай вот вам моя визитка, – и полковник достал из ящика стола визитную карточку, – на обратной стороне я напишу: «В качестве пропуска» и подпишусь. На всех блокпостах есть образец моей подписи. А если что не так, пусть начальник блокпоста связывается непосредственно со мной, по указанным в визитке телефонам. В любое время! С Джелалабадом телефонная связь есть. До Джелалабада проблем не будет. А дальше, когда вы поедете по горному ущелью в сторону Асадабада, связи нет и вы знаете почему. Там придётся тебе, Евгений Михайлович, самому разбираться. Вотчина вашей Армии. Удостоверение ваше, Геннадий Петрович, пусть будет пока у майора, ему же на всех постах надо отмечаться. Вам я визитку в карман бушлата положу. Понадобится, достанете, не понадобится, вместе с бушлатом вернёте. Всё ребята, давайте езжайте, уже обед скоро, а вам ещё ехать и ехать, – и полковник, почти, вытолкнул из своего кабинета Кулакова и Кочанова.

Выйдя из резиденции военного советника Кулаков про себя отметил, что машины Суркова возле здания уже не было. На её месте стоял потрёпанный УАЗик, брезентовый тент которого, особенно задняя его часть, был искромсан. Как будто кто-то нарочно наносил удары ножом и пытался вырезать куски брезента. Возле машины суеился солдат. Кочанов обратил внимание на то, как Генка посмотрел на машину и улыбнулся.

– Когда вчера снаряды рвались, уничтожая наш узел связи, возле этого УАЗика сзади, разорвалась мина. Вот и порвало тент. Новый тент ещё не нашли, времени не было, а так машина в полном порядке. Закиров! – окликнул солдата майор, – машину заправил?

– Так точно, товарищ майор! – встал навытяжку солдат, – полных два бака, по 37 литров каждый!

– Молодец, Закиров! Заводи машину, поехали! – скомандовал майор и сел на переднее сидение, – Пропуск на ветровое стекло прицепа! Чего ты его убрал?

– А чтоб не украли!

Кулаков устроился на заднем сидении, сразу за водителем. Так было удобней в пути разговаривать с майором, да и брезентовый тент в этом месте был не такой дырявый. Солдат завёл машину и уверенно повёл её по улицам Кабула. При выезде из города машину остановили на первом же посту. Майор, не выходя из машины, показал своё удостоверение. Постовой козырнул и дал знак водителю, что он может ехать дальше. По дороге на Джелалабад УАЗик пытались раз пять или шесть остановить, но при приближении машины к посту, увидав пропуск на ветровом стекле, постовые давали знак, что машина может двигаться дальше. Дорога, хотя и была асфальтирована, но имела множество таких рытвин, что попади в них на полной скорости, ходовой части машины пришёл бы конец. С большими предосторожностями, лавируя между рытвин, УАЗик добрался до Джелалабада за два часа. Нигде не останавливаясь в городе, доехав до центра, повернули налево и направились к мосту через реку Кабул, где находился очередной блокпост. Около блокпоста майор приказал остановиться. Водитель прижал машину к обочине. Майор, выйдя из машины, направился в будку к начальнику поста. Через минуту Кочанов вернулся и плюхнулся на сидение.

Афганские дороги

– Поехали дальше, – приказал он Закирову, – наши машины два часа назад проехали этот блокпост, – обернувшись к Кулакову, сказал майор, – почти полтора часа у них отыграли на этом участке! Но это был самый лучший отрезок дороги. Сейчас начнётся, пыль, ямы, камни, а мы ведь ещё и полпути не проехали! Эх, дороги, пыль да туман..., – неожиданно запел Кочанов, и также неожиданно замолчал.

– Ничего, товарищ майор, засветло мы доберёмся до своей части. Не первый же раз здесь едем, – весело сказал Закиров.

– Вот именно, что не первый раз, – мрачно заметил майор.

Переехав мост через реку, машина начала подниматься вверх по ущелью реки Кунар. Километра через два асфальт кончился, но дорога была хорошо наезжена. Попадались небольшие ямки, камни на дороге, но водитель умело объезжал препятствия. Машина постепенно поднималась всё выше и выше по горному ущелью. Заметно похолодало. Кулаков плотней закутался в полковничий бушлат. Печка в УАЗике работала на полную мощность и создавала необ-

ходимый комфорт в районе ног водителя и майора, но до Генки это тепло уже не доходило. Через рваный тент всё тепло улетучивалось, смешиваясь с поднятой пылью и бесследно исчезало. Разговаривать не хотелось, ехали молча. Майор внимательно смотрел на дорогу и иногда пристально всматривался в склоны гор по обе стороны реки. Часа за полтора, проехали километров 60. Кулаков временами впадал в полусонное состояние, из которого его выводила очередная ямка на дороге.

– Закиров! Ты знаешь, где расположены наши подразделения в Асадабаде? – спросил водителя майор, когда за очередным поворотом показались строения городка.

– Конечно, товарищ майор!

– Тогда давай, поехали прямо туда! Может у них чего и перекусить найдётся. А то вторые сутки мы с тобой Закиров толком ничего не ели. Да и вы, Геннадий Петрович, тоже небось, проголодались? – повернулся майор к Кулакову.

– Ну, вообще-то, обед давно прошёл. Хоть бы чайку горячего попить, – отозвался Кулаков, – а то в вашем УАЗике что-то холодновато.

– Сейчас, чего-нибудь сообразим, тут уже наши ребята! – пообещал Кочанов.

Блокпост

Как и предполагал майор, всех накормили остатками солдатского обеда и напоили горячим чаем. Через пятнадцать минут все трое готовы были трогаться в путь. Когда начали усаживаться в машину Кочанов что-то вспомнил и быстро вернулся в здание, из которого только что вышел. Минут через пять майор показался в дверях, держа в руках солдатское одеяло, а на плече у него висел автомат.

– Геннадий Петрович! Вы с оружием обращаться умеете? – спросил майор Кулакова.

– Умею, в армии служил, – ответил Кулаков.

– Тогда держите этот автомат, пару рожков к нему и одеяло, ноги накроете. А ты, Закиров, достань наши автоматы!

– Есть! – козырнул Закиров и через десять секунд держал в руках два автомата.

Откуда он их вытащил, Генка даже не заметил, поскольку в это время принимал из рук майора оружие и одеяло.

– Что-то беспокойно мне, тревожно как-то, – как бы оправдываясь, сказал Кочанов, – вот у товарища и одолжил на время ещё один автомат да одеяло. С оказией верну и то, и другое. Всё, Закиров, поехали! Быстро свой автомат под сидение положи и так, чтоб через пару секунд он был готов к бою. Понял? Я свой на коленях пристрою и вам, Геннадий Петрович, советую, – распорядился майор.

– Что, так серьёзно обострилась обстановка? Пока ехали, я ничего не заметил. Правда, я временами дремал, но всё равно мне кажется, что всё было спокойно, – сказал Генка.

– Вот и мне подозрительно это спокойствие. Лучше приготовится ко всяким неожиданностям, чем потом локти кусать, – возразил майор.

Возле моста через реку, машина остановилась у блокпоста. Кочанов приоткрыл дверь и спросил у постового, когда проезжали два БТР и ЗИЛ-157. Ему ответили, что не прошло и сорока минут как машины проехали мимо поста вверх по ущелью.

– Надо же, мы их почти догнали! Если бы не пообедали, то уже были бы с ними в колонне. Ничего, сейчас начнутся подъёмы, а ЗИЛ-157 не так уж быстро и едет. На своём УАЗе мы их быстро догоним, – возбуждённо заговорил майор.

За мостом дорога начала плавно подниматься вверх вдоль берега реки Кунар. Кулаков задумчиво глядел на причудливые изгибы реки и вспоминал реки своих гор. Кунар была многоводна и похожа на горные реки Северного Тянь-Шаня Чилик и Чонг-Кемин. Такая же быстрая горная река. Иногда Кунар на ровных участках разливалась на множество рукавов и замедляла свой бег. В таких местах её можно было без особого труда перейти вброд. Попадались и участки, когда её с двух сторон сжимали скальные породы. В этих местах река становилась неширокой, но зато глубокой и бурной. От этих мечтательных сравнений рек Кулакова отвлёк громкий возглас Кочанова, когда машина миновала крутой поворот и открылся хорошо просматриваемый участок дороги. В этом месте дорога делала большую петлю, повторяя изгиб реки.

– Вон они! Вон! Видите?! На противоположном склоне! Мы их уже догнали! Всего-то в двух километрах! Сейчас объедем изгиб реки и догоним! Непременно догоним! Они ещё не успеют скрыться за поворотом, – радостно закричал майор, – с километр будет до поворота и от поворота не больше километра! А едем мы быстрее их раза в два! Закиров! Будь осторожней! На повороте скалы с левой стороны. Там часто камнепады бывают, а справа крутой обрыв до самой реки.

– Евгений Михайлович! Посмотрите направо, туда, где у реки крутой изгиб! Там какие-то люди среди камней и кустарников копошатся. Человек двадцать будет! – сказал Генка, рассматривая противоположный берег реки.

– Где? Геннадий Петрович!

– Да вот же! – рукой показал Генка.

– Ах ты, чёрт! Вот оно моё дурное предчувствие! Закиров! Прибавь газу, нам надо быстро проскочить поворот, где могут быть камнепады! Сейчас рванут с миномётов по скалам и завалят дорогу!

– Смотрите! Ниже по течению человек десять на лошадях через реку переправляются! К нам с тыла заходят! – теперь уже прокричал Кулаков, глядя назад, сквозь разорванный брезент.

– Это уже серьёзно! – только и смог сказать майор, обернувшись назад.

До поворота оставалось совсем немного, метров сто. Кулаков краем глаза заметил, что впереди идущие машины остановились и с БТР соскакивают солдаты, рассыпаясь по обочине дороги со стороны реки. УАЗ начал входить в поворот, когда в нависавшую скалу над дорогой ударил снаряд. Мотор взревел, и Закиров успел проскочить поворот до того, как посыпались камни. Но тут же, прямо впереди на дороге, метрах в двадцати, почти одновременно разорвались ещё две мины, сея смертельный дождь из осколков. Генка почувствовал, как в левое колено его будто оса ужалила. Нога сразу онемела и стала чужой. УАЗик оказался заблокирован с двух сторон. Сзади камнепадом, спереди двумя огромными воронками от разорвавшихся мин.

– Быстро из машины! На обочину, за валуны! – прокричал майор, и первым выскочил из машины.

Закиров через пару секунд с автоматом в руках был рядом с майором. Кулакову понадобилось немного больше времени. Преодолевая боль в колене, вылез из УАЗа через дверь

со стороны скал, и пополз к обочине в сторону реки, где Закиров и майор короткими очередями обстреливали людей на другой стороне реки, суевившихся возле миномётов. По дороге вниз от грузовика и двух БТР в сторону УАЗика, бежало человек десять солдат на помощь Кочанову, Кулакову и Закирову. Стараясь отрезать солдат от попавших в засаду пассажиров УАЗа и водителя, нападавшие люди у реки открыли огонь из автоматов. В этот момент майор решил сменить позицию и пригнувшись побежал за соседний с Кулаковым валун. Не добежав несколько шагов Кочанов внезапно упал на спину. На кителе, чуть ниже левой ключицы, моментально появилось бурое пятно. Майор попытался перевернуться на живот, но у него ничего не получалось. Генка встал во весь рост и приволакивая левую ногу бросился на помощь майору. В это время за его спиной ухнула очередная мина. Взрывной волной Генку толкнуло вперёд, а в правое плечо вонзился кусок металла. Оглушённый взрывом Кулаков покатился по крутому берегу к обрыву, и с пятиметровой отвесной скалы, раскинув руки в стороны, плашмя, спиной, упал в мутные воды реки. Окунувшись в ледяную воду Генка пришёл в себя. Полковничий бушлат застёгнутый на все пуговицы, сшитый из добротной водоотталкивающей ткани, несколько минут был, как спасательный жилет. Генка попытался грести к берегу, но осколок в правом плече вызвал такую боль, что Генка вновь потерял сознание, несмотря на то, что он находился в ледяной воде. Холодная вода не смогла притупить боль. Сильным течением Генку понесло к противоположному берегу, прямо в руки к нападавшим людям. Подоспевшие солдаты и Закиров, открыли шквальный огонь по бандитам у миномётов. Они сразу прекратили стрельбу и растворились в прибрежных кустах. Сумевший приподняться майор увидел, как Кулакова из реки вытащили трое бандитов и быстро утащили его за большие камни.

Бой

Генка медленно приходил в себя. Какой-то внутренний голос говорил ему: «Не спеши, не шевелись, не подавай голоса, не открывай глаза. Приди в себя, послушай, оцени окружающую обстановку». Генка ответил своему внутреннему голосу: «Хорошо, буду делать, как ты велишь». Кулаков окончательно пришёл в себя, но, подчиняясь внутреннему голосу, ни шевелился, ни подавал голоса и не открывал глаза.

«Вначале надо оценить своё физическое состояние, – решил Генка и его мозг начал анализировать ситуацию, – Во-первых, чувствуется сильная боль в правом плече и левом колене. С этим понятно, болит – значит жив! Во-вторых, нахожусь в каком-то помещении, поскольку мне не холодно и дышу тёплым воздухом. В-третьих, рядом со мной находятся несколько человек, слух улавливает мужские голоса, а обоняние – табачный дым. В-четвёртых, раз меня притащили сюда, а не убили там у реки, значит, я им нужен живой и, если я сделаю вид, что очнулся, большой беды не будет. Так, хорошо! Теперь необходимо восстановить события до того момента, когда я потерял сознание. Ехали в машине.... Обстреляли с миномё-

тов... Начался бой... Ранено майора... Бросился на помощь... Всё, дальше провал... Пришёл в себя в ледяной воде... Попробовал плыть к берегу и всё... Дальше ничего не помню. Выходит, из реки меня выловили бандиты. Сам бы я до берега не добрался. Ну, что ж с этим понятно! Подключим ещё один орган для сбора информации, – Кулаков чуть-чуть приоткрыл веки и, не поворачивая головы, осторожно, одними глазами, стал осматривать помещение, – около печки сидит шесть человек в каких-то грязно-серых балахонах с автоматами в руках. В ногах на матрасе лежит полковничий бушлат, похоже, уже сухой. Интересно, сколько же я здесь валяюсь, если бушлат уже сухой? Ладно, выясним потом. Руки ноги не связаны, во всяком случае, не чувствую. Значит, не бояться, что могу убежать. В принципе, всё понятно, пора приходиться в сознание и давать о себе знать. Посмотрим, что будет дальше». Генка открыл глаза и застонал.

Мужские голоса затихли и шесть пар глаз уставились на Генку. Несколько секунд все молчали. В этот момент Генка попробовал пошевелить руками и ногами, чтобы почувствовать своё тело. Мужики вновь загалдели, видимо обсуждая, что делать дальше. Через минуту поднялся один из бандитов и направился к двери. Когда дверь приоткрылась, Генка увидел, что снаружи светло. Кулаков уже не таясь, начал оглядываться по сторонам. Лежал он на каком-то грязном матрасе, набитом, скорее всего, овечьей шерстью. Прикрыт Генка был каким-то цветастым покрывалом. Рубашка и свитер лежали сразу же за бушлатом и даже, скорее всего, были постираны. Правая рука, в районе предплечья, туго была прибинтована к туловищу. Видно так перевязали рану на правом плече. Немного откинув цветастое покрывало, Генка увидел, что на нём его джинсы. А вот японских часов фирмы «Ориент», купленных им в первые дни пребывания в Афганистане, не было. Всё это время пятеро бандитов, не шевелясь, с интересом наблюдали за Кулаковым. Неожиданно входная дверь открылась и в хижину вошёл бородатый афганец, неопределённого возраста, в таком же грязно-сером балахоне, как и на других бандитах. За ним следом вошёл и тот бандит, который несколько минут назад вышел из хижины.

– Ну что, полковник, очухался? – спросил вошедший афганец на русском языке, – А мы тебя собакам бросить хотели, ты совсем мёртвый лежишь, вот уже целых три дня! – с сильным акцентом и делая большие паузы между словами, не дожидаясь Генкиного ответа, произнёс афганец, – думали, лечим тебя зря. Осколок из плеча вытащили, рана забинтовали, а ты совсем мёртвый, не шевелишься! – афганец присел рядом с Генкиным ложем на какую-то скамейку.

– Не полковник я, – слабым голосом ответил Генка, – ошибаетесь вы.

– Как не полковник? А этот фуфайка чей? Мой, что ли?

– Рубашка и свитер, вот эти, – Генка кивнул в сторону вещей, – мои, джинсы на мне, тоже мои, где вы видите на мне военную одежду, кроме бушлата?

– А с военными кто ехал? Я что ли? Тут кроме военных никто не едет! На этой дороге только военный туда – сюда едет, – не унимался афганец.

– Выходит не только военные могут по этой дороге здесь проезжать, – уже более твёрдым голосом возразил Кулаков.

– Ты что?! Меня дураком делаешь?! Полковнику нельзя джинсы одеть?! Вот, в твой фуфайка нашёл! По-русски мал, мал, читать умею. Здесь написана, полковник Северцев, – афганец достал из своего кармана визитку зама военного советника и гордо посмотрел на Генку.

– А если бы у меня в кармане была визитка генерала Черенкова, за генерала бы меня приняли? – улыбнулся Генка.

– Какая визитка? По обратной стороне написана: «В качестве пропуска». Пропуск эта для полковника Северцев! На! Смотри! – и афганец сунул визитку Генке под нос.

– Чего мне на неё смотреть, я уже видел. Позвоните по этим номерам телефонов, которые там записаны, и будете разговаривать с полковником Северцевым, – невозмутимо сказал Кулаков.

Афганец замолчал и начал растеряно смотреть, то на Генку, то на визитную карточку, то на полковничий бушлат. Растерянность афганца продолжалась около минуты.

– А ты кто? – наконец спросил он.

– Кулаков Геннадий Петрович. Инженер-связист, – просто ответил Кулаков.

– Какой такой инженер?! Какой связист?! – афганец недоумённо смотрел на Генку.

– Обыкновенный инженер-связист. Прилетел в Афганистан ещё в августе прошлого года помогать вашим специалистам осваивать новую технику связи, – начинал уже врать Генка, поскольку за всё время нахождения в Афганистане ни с одним специалистом афганцем не стал кивался, – да и сюда ехал в посёлок, вверху ущелья, название его не помню сейчас, что-то там проверить надо. А с военными поехал, по пути было. Вот и всё!

– А тогда, где твои документы? – хитро спросил афганец.

– У майора, в УАЗике остались. Ему же их на каждом посту показывать надо было, – тут уж Кулаков не врал.

– А фуфайка чей? – упрямо называя бушлат фуфайкой, опять спросил афганец.

– В машине лежала. Может майору полковник дал, не знаю. Холодно стало, я бушлат и надел, – спокойно объяснил Кулаков.

– Хорошо! Я тебе поверю! – афганец смотрел прямо в глаза Генке, – Хамид! – не оборачиваясь позвал он кого-то.

На окрик к нему подбежал молодой афганец, который несколько минут назад привёл его. Афганец встал со своей скамейки, повернулся к Хамиду и грозно глянул на того. Потом начал что-то громко и быстро выговаривать ему на своём языке. Размахивая руками он всё больше и больше распалялся. Несколько раз ткнул бушлат под нос Хамиду. Тот молча стоял перед афганцем, потупив глаза. Сцена разноса начинала забавлять Генку, но он, с не выражающим никаких эмоций лицом, лежал на своём матрасе и наблюдал. Наконец афганец что-то громко выкрикнул и указал рукой на дверь. Хамид опрометью бросился вон из хижины.

– Болван! – уже по-русски сказал афганец, присаживаясь на скамейку возле Генки, – Совсем такой дурак! – более спокойно произнёс он, – Ничего доверять нельзя этим болванам! Инженер... Я тебя так буду звать, – пояснил афганец Генке, – можешь звать меня Мустафа. Я здесь, как это по-русски... А, вот, хозяин! Ты мой пленник и будешь у меня столько, сколько мне надо! Понял?

– Понял, Мустафа.

– У нас с тобой произошла ошибка. Ошибся этот болван Хамид. Хамид будет наказан, жестоко наказан, – опять заговорил Мустафа, делая большие паузы между словами.

– В чём же его ошибка? – наивно спросил Кулаков.

– Хамид сказал по рации из Асадабада, что в маленькой машине он видел военного с большими звёздами на погонах, полковника, как он сказал. А это был ты, Инженер!

– На его месте мог любой ошибиться. Я был в бушлате с этими погонами. Откуда он мог знать, что я инженер? Я не вижу большой ошибки Хамида, – вступился за молодого афганца Кулаков.

– Слушай, я смотрю у тебя голова совсем седой, ты умный, да? – с ехидством спросил Мустафа, – чего ты за Хамида слово говоришь?

– А мне не нравится, когда человека не заслужено обижают, а ты его ещё наказывать хочешь. Разве это справедливо? – перешёл на «ты» Генка.

– Тебе никто слова говорить не давал! – отрезал Мустафа, – а за ошибки наказывать надо! Из-за него у меня один человек мёртвый стал и ещё трое пули получили, это справедливо, да? Накажу Хамида, пусть смотрит хорошо, когда ему говорят: «Смотри!»

– Ну, и как ты его накажешь?

– Убью! – коротко бросил Мустафа.

– Не стоит делать этого. Он что увидел, то и передал, – опять заступился за Хамида Генка, – он что, слишком часто видел полковников?

– Нет, но как выглядит погон у полковника я ему рассказывал, – Мустафа посмотрел на Генку каким-то задумчивым взглядом.

– Только рассказывал, а показать забыл, – осмелел Генка, – вот он и ошибся.

– Ты мудрый, Инженер! Нравится ты мне начинаешь! Хорошо! Я не буду убивать Хамида! Но наказание он получит! Он заберёт тебя с собой в один кишлак, высоко в горах. Будет тебя кормить, поить, следить за тобой, чтоб ты не убежал. Раз ты за него слово сказал, вот пусть и будет рядом с тобой всегда! Придёт время, я решу, что с тобой делать и что делать с Хамидом, – уже совсем спокойно сказал Мустафа.

– Мустафа! А где ты русскому научился? – перевёл разговор на другую тему Генка.

– Таджики я! Мои родственники в Хороге жили. Когда маленький был, я там у дяди жил три года. В русскую школу ходил, вот и знаю русский. Даже читать и писать чуть-чуть могу. А потом, когда большой стал, двадцать лет каждое лето пять-шесть раз туда-сюда ходил через границу. С русскими людьми разговаривал.

– А чего тебе на месте не сиделось? Туризмом занимался что ли? – со скрытым подвохом спросил Генка Мустафу.

– Какой туризмом? Контрабанда! Туда – наркотик, оттуда – оружие, вот и вся туризма! Зато сколько денег заработал! Вот, хозяином стал! У меня три кишлака в горах, я главный! – гордо сказал Мустафа.

– Тогда понятно, почему ты хозяин, – сказал Генка, удовлетворив своё любопытство.

– Вот и я говорю, что всё понятно! У меня в отряде лет 12—13 назад, был уже один Инженер, хороший такой. Институт закончил у русских, потом сбежал к нам. Года три-четыре вместе ходили туда-сюда. Мы с ним часто по-русски говорили, чтоб другие наши не слышали, о чём мы говорим. Сейчас говорят, он большой человек в Америке! Но мне сказали, что летом видели его где-то здесь. У него жена и двое детей в Читрале живут. Это в Пакистане, недалеко отсюда. Из Америки он к ним каждый год прилетает, раза два, наверно. Давно его уже не видел, хотел бы увидеть, – мечтательно задумался Мустафа.

– Что тебе мешает? Узнай, когда он будет здесь, да поезжай к нему, если говоришь, что это не очень далеко! – посоветовал Генка.

– Сейчас война! Так просто туда-сюда не пойдёшь! Но я послушаю тебя. Пошлю человека чтоб узнал, когда он будет здесь. Может и тебя ему покажу. Он тоже мудрый человек, может совет даст, что с тобой делать, какую лучше тебе работу дать.

– Извини меня Мустафа, но я что-то сильно устал, и голова закружилась, – извинился Кулаков перед Мустафой и закрыл глаза.

– Ты голодный! Вот и голова кругом идёт! Хорошо! Я скажу Хамиду, чтоб он тебя накормил, напоил, пускай следит за тобой и начинает своё наказание, – сказал Мустафа и вышел из хижины.

Минут через 10, после того, как ушёл Мустафа, в хижину вернулся Хамид, неся что-то наподобие сумки в руках. Пятеро мужчин всё это время молча сидели около печки и курили. Хамид что-то сказал им, упомянув при этом, как расслышал Генка, имя Мустафы. Все пятеро тут же поднялись и покинули хижину. Хамид достал из своей сумки кусок лепёшки и небольшой глиняный кувшин в кожаном чехле, обмотанный тряпкой. Взял с полки у печки пиалу, налил что-то из кувшина и подал пиалу вместе с хлебом Кулакову. В пиале был горячий, мясной бульон, по всей видимости, из баранины. Генка с трудом сел на своём ложе и левой рукой взял пиалу. В правую Хамид сунул лепёшку. Генка хотел было поинтересоваться на счёт ложки, но вовремя сообразил, что в таком положении работать ложкой просто невозможно. Он стал прихлёбывать бульон и закусывать его лепёшкой. Приятное тепло сразу же разлилось по всему телу. Когда Генка допил бульон, Хамид потянулся за кувшином, но Кулаков жестом показал,

что больше не хочет. От сытного бульона потянуло в дремоту. Генка улёгся на свой матрас и погрузился в глубокий сон. Разбудил Генку Хамид, тряся его за левое плечо. Генка с трудом приоткрыл глаза и услышал голос Мустафы.

– Просыпайся, Инженер! Ты после еды, пять часов совсем убитый спал! Я пришёл тебе сказать, что с тобой будет дальше. Ты должен слушать. Что ты будешь думать, мне не интересно! Ты будешь делать так, как я скажу! А скажу я тебе так! Через пять или шесть дней, ты Инженер, Хамид и ещё двое моих людей, на лошадях, поедете в горный кишлак. Он высоко в горах. Скоро зима будет, снег упадёт. В кишлак до весны никто прийти не сможет, кроме меня, потому что я знаю, как это делать! С Хамидом будешь жить в одном доме. Пока твоя рана не заживёт, он тебе будет помогать. Как совсем здоровый будешь, ты на Хамида будешь работать. Зимой какая работа? Так, ерунда! За баранами посмотреть, козу подоить. Учиться будешь, если ничего не умеешь. Не будешь хотеть, заставим! Я приезжать буду. На тебя, на Хамида смотреть буду. Пока снег не уйдёт в том кишлаке жить будешь. Потом я дальше думать буду, что с тобой делать. Вопросов у тебя не должно быть. Я всё понятно сказал. Но если ты имеешь вопрос, можешь свой вопрос спрашивать, разрешаю, – снисходительным тоном завершил свою речь Мустафа.

– Всё ясно, Мустафа! Какие вопросы, ты хозяин, ты и заказываешь музыку, – ответил Генка.

– Да, я хозяин! Хочу сказать тебе ещё. Ты мне живой нужен. Я хочу тебя обменять на сына, он у русских уже месяц. Мне обещали помочь. Можешь не бояться, я тебя убивать не буду! Но, пока, убивать не буду! – Мустафа поднял указательный палец вверх и хитро улыбнулся, – поменяю тебя на сына или выкуп просить буду. Ты, наверно дорого стоишь? Инженер! – Мустафа опять поднял указательный палец вверх.

– Ну, на счёт выкупа, тут, Мустафа, у тебя осечка будет, – Мустафа удивлённо посмотрел на Генку, – у меня ведь, ни родных, ни близких. Один я! Никто за меня беспокоиться не будет.

– А советская власть? Я вот к ним и обращусь!

– Попробуй, буду только рад, если у тебя что-то получится, – подначивал Мустафу Генка.

– И попробую! Связь имею! На сына не поменяю, деньгами возьму! Денег не дадут, оружием возьму! Оружием не дадут, что-нибудь всё равно дадут! – убеждённый в своей правоте, говорил Мустафа.

– Ладно, Мустафа! Желаю тебе удачи в этом вопросе. От твоей удачи зависит моя дальнейшая судьба.

– Конечно зависит! Как же ей не зависеть? Очень, даже, зависит! – огрызнулся Мустафа, не замечая Генкиной иронии.

– Ну и прекрасно! Значит, обо всё договорились! – сказал Генка, давая понять, что разговор на эту тему затянулся.

– Хорошо! Ещё до твоего отъезда я кое-что узнаю про тебя. Мои люди у русских есть. Они должны знать, сколько ты стоишь! – Мустафа, не прощаясь, вышел из хижины.

Кулаков с трудом сел на своём ложе. Правое плечо уже не болело, а вот левую ногу согнуть в колене, никак не мог. Колено по-прежнему болело. Генка решил снять джинсы и осмотреть рану. Скорее всего, когда он был в беспамятстве, на рану в колене, тот, кто оказывал медицинскую помощь, не обратил внимания. Хамид молча смотрел со своего места, как Генка пытается снять джинсы. Когда он понял, что хочет Генка, сам подошёл со светильником в руках и стал осматривать рану. Ранка была небольшая, меньше сантиметра в длину и миллиметра два в ширину. Видимо осколок попал в такое место, где было мало кровеносных сосудов. Кровь запеклась, почти не испачкав джинсы. Однако обширная область вокруг раны опухла и покраснела. «Ну, вот. Ещё мне гангрены не хватало», – подумал Генка. Хамид молча осматривал несколько минут рану, затем поставил светильник на стол и вышел.

Отсутствовал он недолго. Пришёл с какой-то бутылкой, поставил её на стол, рядом со светильником. Поковырялся в ящике и достал бинты. Помыл руки в тазике, что стоял в углу возле печки, взял кинжал в руки. Отрезав кусок от бинта, обильно полил его жидкостью из бутылки и стал протирать свой острый кинжал. По запаху Генка определил, что это был спирт. Срезав на ране запёкшуюся кровь так, чтоб из раны опять потекла кровь, начал смачивать уже другой кусок бинта. Приложил смоченный кусок к ране и начал ловко бинтовать ногу. От жгучей боли у Генки потемнело в глазах. На следующий день Хамид повторил промывание раны. Опухоль заметно спала.

К тому времени, когда надо было уезжать в другой кишлак, опухоль прошла. Покраснение ещё оставалось вокруг ранки, но было не таким обширным. Рана была ещё инфицирована и доставать осколок в такой ситуации было опасно. Генка решил пока осколок не трогать. Нога в колене потихоньку начала сгибаться и боль заметно поутихла.

Наступил день отъезда. На улице было прохладно, и Хамид принёс откуда-то балахон, наподобие того, что был на нём. Генка брезгливо осмотрел балахон, но нашёл, что он довольно чистый и одел его. Усевшись поудобней на лошадь Генка огляделся по сторонам. Определить где он сейчас находится, было трудно. Но то, что это не долина реки Кунар, Генка был уверен.

Провожать небольшой отряд пришёл Мустафа. На своём языке сделал какие-то наставления Хамиду и двум его товарищам. Затем подошёл к Кулакову и сказал: «Езжай, Инженер! Я скоро к тебе приеду! Про тебя ещё ничего не узнал. Как узнаю, так и приеду!» – повернулся и пошёл прочь.

Отряд медленно двинулся вверх по ущелью на север, туда, где Генка видел высокие горы, выше, чем его родные горы. Склоны гор, примыкающие к высоким вершинам, были уже кое-где припорошены снегом. Генка уезжал в неизвестность. Неизвестно куда, неизвестно зачем, неизвестно насколько.

Глава 12

Симаков внимательно, не перебивая, слушал седовласого Генри Кулена, или попросту говоря, Геннадия Петровича Кулакова. Наконец Кулаков сделал паузу.

– Васильич, разреши позвонить в гостиницу, хочу предупредить, что я на три часа позже освобожу номер, – спросил разрешение Кулаков.

– Гена! Да звони куда хочешь! Хоть в Америку! Что ты спрашиваешь? Кстати, давай-ка мы с тобой пообедаем. Ты звони, а я на кухню пойду, посмотрю, что там у меня есть такое, чтобы приготовить быстро и вкусно, – и Симаков отправился на кухню.

– Добрый день! – сказал в трубку Кулаков, – моя фамилия Кулен, Генри Кулен. Я занимаю в вашей гостинице 2605 номер. У меня сложились обстоятельства так, что освободить свой номер я могу только в 18—00. Раньше была договорённость о том, что я освобождаю номер в 15—00. Будут ли у меня какие-нибудь проблемы с этим? – спросил Кулаков.

– Добрый день, господин Кулен! Никаких проблем у вас не будет. Ваш номер оплачен вами до 24—00. Поэтому, вы можете не беспокоиться, и освободить номер в удобное для вас время, до 24 часов, – вежливо ответили Кулакову.

– Премного благодарен, – произнёс Кулаков и положил трубку.

– Гена! Пельмени есть! Будем варить? – спросил Симаков вошедшего на кухню Кулакова, – А, в прочем, чего я спрашиваю? Конечно будем варить. Я знаю, ты их любишь. Зинаида налепила полный морозильник. Наверно давно не ел пельменей?

– Два дня назад заходил в пельменную пообедать. Попробовал какие теперь стали делать пельмени. Вообще ничего, есть можно! Я думал, что там варят пельмени такие, как раньше, помнишь? По 70 копеек за пачку. Но было, похоже, как будто вручную пельмени лепили, а я хотел именно тех, фабричных. Давай пельмени Зинаиды Владимировны, у неё они всегда были вкусные.

– Вода кипит, через 10 минут всё будет готово! Генка, а ты случайно не женился в своей Америке? – неожиданно спросил Симаков.

– Да я и сам не знаю. Живу, как теперь говорят, в гражданском браке. Имя у неё Элизабет. Я зову её просто – Лиза. Лиза на двадцать пять лет младше меня. У неё есть своя квартира, у меня своя. Работаем вместе вот уже 20 лет. Проще говоря, как она пришла к нам в лабораторию после окончания университета, так через месяц мы и сошлись. У нас свободные отношения. Если мне надо поработать немного дольше, то я остаюсь в лаборатории, а когда заканчиваю свои дела звоню Лизе и говорю, чтобы ждала меня. Часто мы вместе с работы едем или ко мне, или к ней, тут разницы нет. Её необходимые вещи есть в моей квартире, а мои у неё. Иногда разъезжаемся по своим квартирам. Отдыхать друг от друга тоже надо время от времени. В такие вечера она общается со своими подругами, а я отдыхаю за компьютером. Другими, кроме Лизы и Джейка Дэвиса, в Америке не обзавёлся. Да, Рустам, конечно, мой друг ещё по институту. Без него я бы пропал в Афганистане. Между нами говоря, это Рустам меня вытащил из этой Афганской мясорубки. Правда, мы с ним редко встречаемся, он живёт в пригороде Лос-Анджелеса. Созваниваемся раз в неделю. Бывает, что и в гости друг к другу раз в год приезжаем. Вот и все друзья. Там другие понятия о дружбе. Есть несколько приятелей, с которыми могу скоротать вечерок, но не больше. Правда, с Джейком Дэвисом сдружился из-за того, что он заядлый альпинист, а так неизвестно как бы дело обернулось. Это, собственно, он мне и помог в Америке устроиться в университетскую лабораторию. Познакомился я с ним в Пакистане, но это отдельная история, – дал Кулаков длинное пояснение на заданный вопрос.

– Ладно, отдельная история, так отдельная, а сейчас за стол! Пельмени сварились, – пригласил Симаков Генку.

Маленький отряд из четырёх человек до затерянного в горах кишлака добрался только на исходе второго дня. В первый день пути, когда ехали в зоне леса, часто приходилось останавливаться под прикрытием деревьев, прячась от вертолётчиков, пролетающих над ущельем. Чем выше по ущелью поднимались всадники, тем реже стали пролетать вертолёты, а ущелье становилось всё уже и уже.

Как потом выяснил Кулаков, двух людей Мустафы звали Исахан и Вахид. Исахан ехал впереди отряда, за ним Кулаков, за Кулаковым Хамид, а замыкал процессию Вахид. Хорошая тропа, по которой продвигался отряд, исчезла. Каким чутьём Исахан находил чуть заметную тропу среди камней и скал, Генка никак не мог понять. Хотя сам когда-то водил группы туристов по незнакомым горам, без всяких троп. Сориентироваться где проходит тропа было бы легко, если по ущелью гоняли скот, но, по всей видимости, скот через это ущелье не гоняли. Слишком оно было скалистым и узким. Начинало темнеть, когда отряд неожиданно вышел на ровные, широкие альпийские луга. Кулаков заметил странную особенность. На уже пожухлых, осенних альпийских лугах виднелись многочисленные тропы, но ни одна из них не подходила даже близко к тому ущелью, откуда только что поднялся отряд.

Афганские пастухи

Лёгкий ветерок донёс до Генки запах дыма, и он начал оглядывать окрестности, в поисках его источника. За небольшим, ещё кое-где зелёным холмом, в сторону которого направлялся Исахан, Генка увидел тоненькую струйку синего дымка. Исахан что-то сказал своим попутчикам и те начали громко переговариваться между собой. Через пять минут всадники подъехали к низкой каменной хижине. Из небольшой трубы вился синий дымок. Исахан, как показалось Генке, кого-то громко позвал. Из хижины вышла женщина лет тридцати, а за ней выкатились трое маленьких ребятишек. Поприветствовав друг друга, Исахан начал о чём-то расспрашивать женщину. Та быстро заговорила и несколько раз показала рукой в сторону гор, на склонах которых паслись отары овец и горные яки. Исахан утвердительно кивнул, и женщина исчезла в лачуге. Трое маленьких ребятишек с любопытством разглядывали приезжих. Исахан спешился, Вахид, Хамид и Кулаков последовали его примеру. Вахид с Хамидом расседлали лошадей, стреножили их и пустили пастись на ближайшую лужайку. Прихватив свои хуржумы, все вошли внутрь убогого жилища пастухов. Посреди лачуги на примитивно сложенном очаге, варилась какая-то похлёбка. В углу стоял низкий квадратный стол, с разложенными вокруг него подушками и одеялами. Трое афганцев молча направились к столу и стали устраиваться на подушках. Кулаков последовал их примеру. Достав из хуржумов кое-какие съестные припасы, афганцы вывалили все это на стол.

Короткие сумерки быстро переходили в ночь. В это время в хижину вошли два бородастых афганца. Все мужчины бурно начали обниматься, похлопывая руками друг друга по плечам и спине. Кулаков равнодушно смотрел на эту церемонию, никак не выражая своих чувств. Наконец все развалились вокруг стола, и женщина быстро поставила перед каждым пиалу с горячим мясным бульоном, а посреди стола водрузила большую глиняную тарелку с кусками бараньего мяса. Афганцы шумно ели, громко разговаривая, и изредка бросали косые взгляды на Кулакова. Генка разговора афганцев не понимал, только иногда улавливал произнесённое имя Мустафы. После еды Кулакова разморило, и он уснул тут же за столом, откинувшись на подушки. Громкие голоса и смех афганцев ничуть не беспокоили его. Кулаков был ещё слаб после болезни, да и усталость целого дня езды верхом давала знать. Конечно, езда на лошади по горам несравнима с пешим переходом, но Генка на лошадях верхом никогда долго не ездил, и потому сильно утомился.

Утром Кулакова разбудил Хамид, жестами давая понять, что надо подниматься, есть и двигаться дальше. Когда Генка вышел из лачуги, то чуть не задохнулся с непривычки холодным, разряжённым воздухом. Всё вокруг от инея было белым. В вершинах снежных гор только начинало играть солнце. Лошади были уже осёдланы и готовы к дальнейшему путешествию. После завтрака, состоявшего из кислого молока с куском лепёшки и горячего чая, трое афганцев и Кулаков отправились дальше, в сторону заснеженного горного хребта. Пока путники пересекали небольшое горное плато с альпийскими лугами, солнце пригрело южные склоны гор, растопив утренний иней. Под лучами утреннего солнца капельки росы засверкали всеми

цветами радуги, как бриллианты. Вскоре альпийские луга закончились и лошади зацокали копытами по каменистой тропе.

Хорошая тропа около полутора метров в ширину, плавно начала подниматься к самому гребню горного хребта. По такой тропе мог свободно передвигаться большой караван гружёных верблюдов. Возможно, это был участок какого-то древнего, караванного пути ещё со времён Александра Македонского. Миллионы копыт лошадей, верблюдов и овец, веками утрамбовывали склоны гор, пока не получилась тропа, похожая на узкую дорогу. Кулаков взглядом проследил куда вела тропа. Тропа была хорошо видна на склонах гор и кое-где вверху, под самым гребнем, проходила по свежавыпавшему снегу. Генка увидел перевал, в который тоненькой ниточкой упиралась тропа. Перевал был в снегу, и потому чёрная ниточка тропы отчётливо выделялась на фоне белого снега. Вероятно, недавно прогнали отару овец с летних пастбищ на зимовку. По ходу лошадей, он определил, что до перевала путь займёт часа два.

Кулакову вдруг ужасно захотелось определить высоту перевала, но ориентироваться по каким-либо признакам в этих горах он не мог, поскольку здесь был впервые и не по своей воле. Генке никто не мешал думать, а мерное покачивание в седле, только способствовало этому. Вспомнились Фаны, Гиссарский хребет, которые отдалённо напоминали эти горы. Как понимал Генка, это была горная система Гиндукуш. О Гиндукуше он знал немного. Как-то перелистывая энциклопедический словарь прочитал краткое описание гор Гиндукуша, но это были скудные сведения, из которых он почерпнул только то, что высота гор достигает до семи с половиной тысяч метров. Кулаков начал прикидывать, вычислять, сопоставлять различные приметы определения высоты гор с теми приметами, которые ему были знакомы по Северному Тянь-Шаню, Фанам, Гиссарскому хребту. По самым грубым и приблизительным расчётам, у Генки получилось, что перевал, к которому направлялись всадники, должен быть не ниже, чем 4500 метров над уровнем моря. Много позже, Кулаков узнает истинную высоту перевала и окажется, что он ошибся совсем ненамного. Перевал был выше всего на каких-то 200 метров!

Вопреки ожиданиям Кулакова, тропа с перевала пошла не вниз, а горизонтально начала петлять среди скал по северному склону горного хребта. С северной стороны склоны гор были полностью покрыты глубоким снегом. Отчётливо просматриваемая тропа тянулась до небольшого отрога основного хребта и исчезала за ним. Почти с самого перевала круто вниз спускался большой ледник. Его язык терялся где-то далеко внизу каменистого ущелья. Неяркое ноябрьское солнце скрылось за гребнем хребта, как только путники начали движение по горизонтальному участку пути. Сразу же стало очень холодно, а лёгкий ветерок усиливал это ощущение.

Исахан пришпорил своего коня, все остальные участники путешествия также подстегнули своих лошадей. На самой тропе снег был неглубокий и на нём были хорошо видны следы множества бараньих копыт. Лошади легко приняли предложенный темп, и отряд довольно быстро преодолел этот несложный участок пути. За отрогом тропа ещё какое-то время шла горизонтально, а потом плавно начала спускаться в широкую, горную долину.

Шла вторая половина дня, и солнце вновь выглянуло из-за хребта, уходя на запад. Чуть-чуть потеплело, то ли оттого, что солнце выглянуло, то ли оттого, что путники значительно потеряли высоту. Во всяком случае, Генка не стал так сильно мёрзнуть, как он мёрз сразу же после перевала. Он начал оглядываться по сторонам, рассматривая и запоминая очертания гор. Солнце опять скрылось, но уже за другим высоким горным хребтом на северо-западе. В это время Исахан издал радостный возглас, означавший, скорее всего, что путешествие подходит к концу.

Кулаков сразу даже и не заметил, что отряд въехал в кишлак. Хижины, пристроенные на горном склоне, были почти незаметны, такие же серые, как и окружающие скалы. Всадники спешили возле одной из хижин и Исахан, не постучав, вошёл внутрь хижины. Через минуту из хижины вышел Исахан в сопровождении афганца лет пятидесяти. Поздоровавшись с Хами-

дом и Вахидом, он подошёл к Кулакову, и с совсем незаметным акцентом обратился на русском языке к Генке.

– Здравствуй русский! Как тебя зовут? – Генка опешил от такого вопроса на родном языке.

– Кулаков Геннадий Петрович, инженер-связист! – тут же ответил Кулаков без всякой заминки.

– Хорошо, Геннадий Петрович, будем знакомы, меня зовут Исмаил, я отец Исахана. В этом кишлаке я буду, вроде как, за старшего, – и афганец протянул руку Кулакову.

– Рад познакомиться, – ответил Кулаков, – и вдвойне рад тому, что могу хоть с кем-то общаться на русском языке.

– Прощу в дом. В тепле за чашкой чая и поговорим, – сделал приглашающий жест в сторону двери Исмаил.

Исахан открыл дверь и стал ждать, когда все зайдут внутрь. Кулаков вошёл в хижину через низкую дверь и удивился тому, что внутри дом оказался очень приличным. Во всяком случае, внутреннее убранство дома нисколько не соответствовало тому, как хижина выглядела снаружи. В свете нескольких масляных светильников, расставленных в разных углах большой комнаты, Генка отметил обилие дорогих и красивых ковров. Ковры устлали пол и висели на стенах. Мебели, как таковой, почти не было, но вдоль одной стены был сооружён большой стеллаж, до самого потолка, полностью уставленный книгами. В одном углу комнаты стоял низенький стол, размером примерно два на два метра, и множество подушек и одеял вокруг него. В комнате, кроме входной двери, было ещё три двери. Одна, похоже, вела на кухню, а две другие во внутренние комнаты дома. Внутри дома было тепло, но источник тепла Генка в первое время не определил.

Исмаил громко позвал: «Хабиба!», и из двери, как определил Кулаков, ведущей на кухню, вышла женщина в широком цветастом платье и платком на голове. Похоже это была жена хозяина дома. Исмаил распорядился на счёт чего-то, и женщина скрылась за дверью. Однако через минуту появилась с кувшином и небольшим тазиком. Тазик поставила в углу на невысокий табурет. Исмаил первый подошёл, сполоснул руки и лицо, и взял поданное женой полотенце. Затем эту же процедуру проделал Исахан, Хамид и Вахид. Кулаков последовал их примеру, после чего все расположились около низкого стола.

Ужин прошёл в молчании. Лишь изредка Исмаил спрашивал что-то у Исахана и Хамида, те коротко отвечали и опять замолкали. Вахид вообще не произнёс ни одного слова. После ужина Хамид и Вахид молча, встали и вышли из дома. Кулаков ждал, что будет дальше. Встал Исахан, сказал несколько слов отцу и скрылся за одной из дверей.

– Ты сегодня будешь ночевать в этом доме, – сказал Исмаил, – я хочу с тобой поговорить на русском языке, давно не разговаривал, соскучился.

– Воля ваша, – покорно ответил Кулаков, – я у вас в плену.

– Ты не у меня в плену, ты пленник Мустафы! Сейчас ты у меня в доме, а это означает, что ты мой гость! – возразил Исмаил, – Завтра Исахан и Вахид отправятся в обратный путь. Их ждёт Мустафа. Ты с Хамидом будешь жить в доме Мустафы. Он так распорядился. В том доме живёт престарелая Марьям, мать Мустафы. Она уже мало что может делать сама, поэтому ты и Хамид будете делать всю необходимую работу по дому. Когда выпадет снег, а это будет со дня на день, в нашем кишлаке работы немного. Так, скотину накормить, убраться в хлеву, дров нарубить, всё это не сложно. Летом работы много.

– А что, Мустафа родом из этого кишлака? – спросил Кулаков.

– Отец Мустафы и мой отец, родные братья, так что Мустафа мой двоюродный брат. Наши отцы здесь родились, Мустафа тоже. Я родился в Советском Союзе, в Хороге, слышал о таком городке? – Исмаил повернулся к Кулакову.

Хорог 1946 г.

– Конечно, слышал. В Таджикистане, рядом с рекой Пяндж. Знаменитая высокогорная автотрасса Ош – Хорог. Сколько раз мечтал прокатиться по ней, так и не получилось, – мечтательно ответил Кулаков.

– В Хороге я родился, – продолжил Исмаил, – с русскими рядом жил, в школу русскую ходил, семь классов закончил. Потому русским языком владею. В классе был лучшим учеником по этому предмету. Нравится мне русский язык, вот и рад поговорить с тобой, считай, что почти на родном языке. Ты посмотри сколько у меня книг! Больше половины на русском языке! Люблю читать, особенно длинными, зимними вечерами. Кстати, книгами меня Мустафа регулярно снабжал. Всегда привозил несколько хороших книг из своих контрабандных командировок. Как здесь, в Афганистане, неразбериха началась, так Мустафа перестал ходить через границу. Новых книг давно уже не привозил.

– Я что-то не пойму, Исмаил, твой отец родился здесь. А как он попал в Таджикистан? Судя по всему, вы там долго жили. Сейчас опять сюда перебрались, в родной кишлак, – незаметно Кулаков перешёл на «ты», – что случилось? Что заставило вас вернуться в Афганистан?

– Ни что! А кто! – с каким-то внутренним сожалением сказал Исмаил, – НКВД начало нами очень сильно интересоваться, вот и пришлось бежать в родные места. Я говорю НКВД, потому что привык к такому названию, хотя в марте 46 года это уже стало Министерство государственной безопасности. Вот такие исторические тонкости потом пришлось узнать.

– А какой интерес вы представляли для НКВД? Что им от вас надо было? – спросил Кулаков.

– Ой, Геннадий Петрович, не скажи! Интерес очень большой был! Я мальчишкой был, тоже понять ничего не мог. Потом, когда подрос, я отца спросил, зачем, мол, мы из Советского Союза бежали? И тут он мне всю правду и рассказал, – с горькой усмешкой Исмаил посмотрел на Кулакова, – мой отец в отряде Ибрагим-бека был. . . .

– А кто такой Ибрагим-бек? – перебил Кулаков.

– Ибрагим-бек, – спокойно начал объяснять Исмаил, – был одним из руководителей басмаческого движения на юге Таджикистана. Под его началом стояло до тысячи сабель! Весной 31-го года отряд Ибрагим-бека уничтожили бойцы Красной Армии. Его самого взяли в плен, и месяца через два расстреляли. Моего отца в том бою тяжело ранило. Трое суток пролежал в кустах. Потом, совершенно случайно, на него кто-то из местных жителей наткнулся. Ночью перетащили к себе домой, кое-как перевязали и тайно, за несколько десятков километров, увезли в Хорог. Кто его подобрал, кто перевязывал, кто перевёз его в Хорог, отец так и не узнал. Без сознания был, очнулся только в районной больнице Хорога. К нему сразу из милиции с вопросами: «Кто такой? Откуда?» Отец тогда по-русски совсем не понимал ничего. Позвали санитаря, таджика, который помог отцу объясниться с милицией. Хоть отец был и тяжелораненый, но сообразил, что правду говорить не следует. Сказал, что он из далёкого горного кишлака

решил спуститься в долину, чтоб не умереть с голоду. По дороге на него напали вооружённые люди, всё отобрали, а в него несколько раз выстрелили из винтовки. Наверно подумали что убили, а он жив остался. Дальше ничего не помнит. По времени как раз совпадало: Ибрагим-бек со своим отрядом в тех местах прошёлся. Решили, что мой отец, жертва людей Ибрагим-бека. Милиция оставила потом моего отца в покое. Когда отца выписали из больницы, ему идти было некуда. Назад в Афганистан? Вряд ли бы он осилил дорогу. Пешком, с негнувшейся левой ногой после ранения, через горные перевалы.... Нет, это было невозможно. Тогда он попросил завхоза, пожилого таджика, чтоб его оставили при больнице. Согласен был на любую работу, лишь бы разрешили ночевать на больничной койке, да питаться в больничной столовой. Завхоз переговорил с главным врачом и отцу временно разрешили остаться. Грубой физической работы было много и всё только за еду и ночлег. Через месяц завхоз сказал отцу, что он может занять маленькую комнатку в полуподвале. Нужно только выбросить весь хлам из кладовки, и будет жилая комната для отца. А ещё через день вызвали в отдел кадров. Со слов отца, инспектор отдела кадров заполнил необходимые анкеты и документы, и сказал, что со следующего месяца отец будет получать зарплату на законных основаниях. За проживание платить ничего не придётся, а вот за питание в столовой, с зарплаты будут высчитывать. Но вычеты за питание, скорее всего, были чисто символические. Отца всё это устраивало, он был счастлив, что так всё складно получилось. В конце лета в больницу нагрянула комсомольская агитбригада, с лекцией и концертом художественной самодеятельности для больных и сотрудников больницы. Явка на лекцию и концерт была строго обязательна для всех сотрудников, от главного врача и до разнорабочего, каким был мой отец. На этом концерте мой отец заметил молоденькую, симпатичную таджичку из агитбригады, которая через год стала моей матерью, – Исмаил на минуту задумался.

– Интересная история, – воспользовавшись паузой, сказал Кулаков.

– Да, история интересная, – согласился Исмаил, – моя мать была активная комсомолка. Как она говорила, что представляет собой облик «свободной женщины Востока». После того, как я родился, мать ещё больше стала проявлять активность в комсомольской работе. К тому же она училась на вечернем отделении «рабфака». Мне было всего два года, а её уже направили работать инструктором горкома комсомола. Нам выделили две комнаты в большом доме. А ещё через три года моя мать пересела в кресло третьего секретаря горкома партии. Мы опять переехали. Теперь у нас была большая, отдельная, четырёхкомнатная квартира, с водопроводом и телефоном. В большом доме было много детей и почти все русские. Я вырос среди русских, в школу русскую пошёл, так захотела моя мать. Всё было хорошо, а потом..., а потом война. Всех мужчин на войну стали забирать. Моего отца не тронули, левую ногу он так и не сгибал, да и мать, наверное, слово где-то замолвила. К тому времени большим начальником стала, уже в обкоме работала. В середине войны, летом 43 года, я как-то ночью проснулся от шума голосов в большой комнате. Мой отец с каким-то мужчиной на таджикском языке разговаривал, а мать всё время встревала в их разговор и была чем-то очень недовольна. Утром я увидел мальчишку, лет семи, который спал в зале на диване. Следом за мной в зал зашёл отец и жестом показал, чтоб я не шумел. Взял меня за руку и повёл в кухню. На кухне он мне сказал, что мальчика зовут Мустафа и он мой двоюродный брат. Какое-то время будет жить у нас. Так я впервые увидел своего брата Мустафу. Чуть позже отец мне сказал, что Мустафу из дальнего кишлака привёз его родной брат, мой дядя. Дядя хочет, чтобы его сын Мустафа, немного поучился грамоте. Моя мать устроила Мустафу учиться в школу, в которой учился и я. За несколько месяцев Мустафа научился довольно сносно, говорить по-русски, но учёба в школе ему давалась с трудом. Конечно, я был постарше и помогал ему во всём, но он был своенравным, упрямым мальчишкой. В 46 году я закончил семилетку, а Мустафа, с грехом пополам, три класса начальной школы. Отец Мустафы за три года, ни разу не объявился. Я его ни разу не видел и ничего о нём не слышал. Летом 46 года моя мать в составе обкомовской

делегации отправилась в дальний кишлак, на какой-то праздник, я так до сих пор и не знаю, что это был за праздник. С праздника она не вернулась. Машину, в которой ехала обкомовская делегация, на обратном пути обстреляли неизвестные. Моя мать, водитель и секретарь горкома партии были убиты на месте. Ещё два обкомовских сотрудника получили тяжёлые ранения, – Исмаил, тяжело вздохнув, на какое-то время замолчал.

– Ну, а дальше то что? – не выдержав паузы, спросил Кулаков.

– Дальше что? Дальше за расследование убийства членов обкомовской делегации взялось МГБ. Убийство то было не простое, а с политической окраской. После похорон к нам зачастил следователь МГБ, Кондрашов Николай Сергеевич, как сейчас помню, пожилой такой, лет под шестьдесят. У меня создалось впечатление, что он заинтересовался личностью моего отца, а не расследованием убийства матери. В 31 году Кондрашов был политруком той дивизии, которая нанесла поражение Ибрагим-беку. Прошло более пятнадцати лет, а он всё успокоится не мог. К нему, каким-то образом, попал список всех людей Ибрагим-бека. После последнего боя с Ибрагим-беком подобрали всех убитых и раненых. Кондрашов лично принимал участие в опознании убитых и раненых людей Ибрагим-бека. Говорили, что к 46 году в списке не найденных людей Ибрагим-бека, оставалось только 27 имён, из более 900 человек. Имя моего отца и отца Мустафы были в числе этих 27. Прошло десять дней после похорон. К нам вечером зашёл сотрудник обкома, где работала моя мать, один из немногих таджиков, что там работали. С отцом они просидели до глубокой ночи. На следующее утро отец куда-то уехал и вернулся только к вечеру. Кондрашов поджидал отца возле дома. Прямо на улице задал пару пустяковых вопросов и ушёл. Среди ночи отец поднял меня и Мустафу. Приказал быстро и молча одеваться, не зажигая света. В полной темноте мы быстро оделись и вышли из дома. Пройдя несколько тёмных, безлюдных улиц, мы остановились возле легковой машины. Сейчас вспомню, как называлась марка той машины. . . . А, вспомнил, «Победа», чёрная, лакированная! Машина была совсем новая, её только накануне пригнали откуда-то. Это была обкомовская машина. За рулём сидел тот таджик, из обкома. Стараясь не хлопать дверями, мы аккуратно влезли в машину. Я с Мустафой, на пустых мешках, устроился в багажнике. Было тесно, но мы поместились. Отец лёг на пол, за передними сидениями. Таджик бросил на него свой широкий чёрный плащ и завёл мотор. Машину несколько раз останавливали, но увидев обкомовские номера машины и сотрудника обкома, желали «Счастливого пути». Не знаю, сколько времени прошло, машина наконец остановилась, и водитель выключил мотор. Открыли багажник, и я с Мустафой вылез наружу. Мужчины молча попрощались и красные огни «Победы» исчезли в ночи. Я огляделся, мы стояли возле заброшенного, одинокого дома. Отец обошёл дом и через минуту вывел пару навьюченных лошадей. Следом появилась ещё одна лошадь, которую под уздцы вёл бородатый мужчина. Мустафа с радостным криком: «Папа!» бросился к нему. Так я впервые встретился со своим дядей, отцом Мустафы. Меня с Мустафой усадили на одну лошадь, на другую, кое-как, взобрался мой отец. Отец Мустафы поехал впереди, привязав длинный повод нашей лошади к своему седлу. За нами пристроился мой отец. Первые трое суток мы передвигались только ночью. Когда переправились через большую реку и, отъехали от неё на приличное расстояние, тогда поехали уже не таясь. Вот таким образом мы и вернулись в родной кишлак отца, где он родился, где родился отец моего отца, где родился мой сын Исахан. Хотя все родственники мои из этих мест, да и я здесь живу уже почти 35 лет, всё равно скучаю по тем местам, где родился я.

– А ты, Исмаил, так больше никогда и не бывал в Хороге? – спросил Кулаков.

– Был, пару раз, но это можно не считать, – вздохнул Исмаил.

– Это почему же? – Кулаков всё больше и больше проявлял интерес к Исмаилу.

– С Мустафой я был. Контрабанду привозили. Ночью пришли, день по сараям прятались, ночью ушли. Что увидели? Кого встретили? С кем поговорили? Это всё не то. Не стал я больше с Мустафой в Таджикистан ходить. Злился он очень, потом успокоился. Мустафу отец приучил

к контрабанде. Мой дядя был ещё тот контрабандист! Он потом Мустафе все свои связи передал, все тайные тропы показал. Они вместе лет пятнадцать ходили через границу. Каждый год, раз по десять получалось. Мустафа ещё совсем пацаном был, когда его отец с собой первый раз взял. Подстрелили моего дядю советские пограничники. Мустафа отца домой кое-как довёз, но он всё равно через неделю умер. Слишком серьёзные были ранения. А мой отец ещё раньше умер. Тосковал очень по моей матери, да и по советским временам, хотя и бежал из Союза. Не смог перестроиться на другой уклад жизни. Замкнулся в себе, ни с кем не разговаривал. Только иногда со мной, душу свою изливал. Потому и знаю, что его тоска съела. Всё время о чём-то думал и молчал. Года три всё это длилось. Похудел сильно, состарился. Однажды вечером я вернулся домой с гор, овец пас, вижу, отец сидит возле столика на подушках, в правой руке пиала с чаем, глаза закрыты и на лице улыбка. Давно я его улыбающимся не видел. Подошёл к нему, хотел спросить, чему это он улыбается, и понял, что он ушёл из этого мира навсегда. Ну, ладно, хватит моё прошлое ворошить, расскажи мне лучше о том, как в плен к Мустафе попал, – попросил Исмаил Кулакова.

Генка, не торопясь, начал рассказывать свою историю пленения. Так за разговорами незаметно пролетела ночь, и Исмаил искренне удивился, когда открылась входная дверь и на пороге появились Хамид и Вахид. Из соседней комнаты, услышав голоса, тут же появился Исахан. Афганцы начали переговариваться между собой, затем расположились за низким столом. Жена Исмаила, Хабиба, быстро поставила еду перед мужчинами и удалилась. После трапезы Исахан и Вахид начали собираться в дорогу. Исмаил сказал Кулакову, что они должны вернуться к Мустафе. Минут через десять сборы были закончены и все мужчины, включая Генку, вышли во двор. Вахид с Хамидом прошли в пристройку во дворе и вывели оттуда четырёх лошадей, тех, на которых прибыли вчера в кишлак. Коротко попрощавшись, Исахан и Вахид сели на лошадей, взяв под уздцы по лошади, отправились в обратный путь.

– Мустафе лошади нужны, – пояснил Кулакову Исмаил, глядя вслед удаляющимся всадникам, – а ты, Геннадий Петрович, иди, отдохни. Давно я на русском языке не разговаривал, душу отвёл. Я тоже пойду, отдохну. Хамиду я всё скажу, он беспокоить тебя не будет.

Войдя в дом, Исмаил показал Кулакову лежанку, накрытую одеялом, на которую Генка мог прилечь и отдохнуть, а сам вышел опять во двор. Генка почувствовал смертельную усталость, и не раздеваясь плюхнулся на лежанку прямо поверх одеяла. Голова ещё не коснулась подушки, а мозг уже отключил все органы чувств.

Генке снились родные горы, с неповторимым букетом запаха трав. Колючие ветки елей цеплялись за рюкзак, но он поднимался всё выше и выше, пока ели не остались где-то далеко внизу. Теперь он шагал по мягкому ковру альпийских лугов, стараясь не наступить горными ботинками на альпийскую ромашку или эдельвейс. А вот он уже стоит на «Связном» и вдаль видит знакомые контуры загадочных скал, в которых непонятная сила держит взаперти его друга Антона. Внезапно из скал начинает вверх бить зелёный луч и Генка, почти бегом, по горному гребню, спешит к таинственным скалам. Он видит открытую нишу и вдруг, из ниши выползает чудовище и разинув огромную, зубастую пасть, с нетерпением поджидает Генку. Чудовище не пугает Генку, он всё равно приближается к нему, и тут чудовище превращается в Мустафу, который целится из гранатомёта в Генку.

Глава 13

– Слушай, Васильич, пойдём, сходим в городской парк. Он же здесь недалеко. Погода прекрасная, а я в этом парке не был, считай, с юности. Как школу закончил, так потом в парк бегать перестал, времени не стало. Почему-то во всех городах центральные парки при Советской власти были имени Горького. Ты не в курсе почему? Васильич? – с ехидством спросил Кулаков.

– В курсе, Гена, в курсе! Всё-таки работал в Обкоме профсоюза и заведовал отделом культуры и спорта. Установка такая была партийная после смерти Горького. Да тебе-то какая разница? В парк ходят не из-за названия, а для того, чтобы отдохнуть. Пошли и мы развеемся, я там тоже давно не был. Когда Егор ещё был маленьким, то водили его туда поиграть на детские площадки, аттракционы, – и Симаков начал собираться.

Двое пожилых мужчин медленно шли по тенистым аллеям зелёного парка, негромко переговариваясь друг с другом. Иногда присаживались на пустую скамейку, минут через десять вставали и продолжали обход старого парка.

– Когда не получил от тебя ответ на моё поздравление к Новому Году в январе 81-го, я забеспокоился. Думал, может военные действия в Афганистане мешают тебе ответить или почта плохо работает, хотя все письма от советских специалистов через посольство проходят, а там, по сути дела, дипкурьеры её доставляют. Но к восьмому марта ты всегда поздравлял Зинаиду и не прислать поздравления?.. Я не знал, что думать. Тут командировка у меня в конце марта образовалась в Москву. После решения своих рабочих проблем, решил навести справки о тебе. Благо связи в Министерстве Иностранных Дел остались. Только эти связи не пригодились. Отослали меня в трест «Зарубежспецсвязь» к твоему куратору, а тот и выдал... Оказывается, что загранкомандировка инженера-связиста Кулакова Геннадия Петровича в НДРА

закончилась 27 октября 1980 года. Кулаков Г. П., рейсом «Кабул – Ташкент – Москва» прибыл в аэропорт «Шереметьево-2». Прошёл пограничный и таможенный контроль, но в тресте для оформления дальнейших документов, так и не появился. После ноябрьских праздников объявили в розыск, но до сих пор ничего неизвестно. Это было для меня ударом. Я, конечно, выяснил какое отделение милиции занималось твоим поиском, но и там ничего не узнал. Получалась какая-то сложная загадка, которую я никак разгадать не мог, – развёл руки в стороны Симаков.

– Слышал я подобную байку про себя. Вначале в Афганистане мне об этом сказали, а потом информацию о моём отъезде подтвердили в Советском Консульстве Пакистана. Даже справку выдали, что Кулаков Г. П. покинул территорию Афганистана 27 октября 1980 года. Чушь всё это, Васильич! Кинул меня Советский Союз, крепко подставил, – с горечью сказал Кулаков.

– Я понимаю твою обиду. В тот раз я попросил продлить мне командировку, но моё руководство мне в этом отказало. Тогда я взял две недели без содержания. Бесполезно, никаких концов так и не нашёл. Нервы расшатались, прилетел домой и месяц на больничном пробыл. Чуть ли не каждую неделю звонил в московское отделение милиции, которое занималось твоим поиском. Ничего... Да и как тебя могла найти московская милиция, если ты туда и не прилетал? Сейчас-то я понял, а тогда? – который раз Симаков пожал плечами.

– Васильич, я на тебя не в обиде. Ты сделал всё, что мог. Расскажи-ка лучше про наши скалы. Был там ещё раз, или нет? В 83 году ниша должна была открыться. Сам понимаешь, у меня возможности быть рядом с таинственными скалами не было никакой, – неожиданно перевёл разговор в другое русло Кулаков.

– В 83 году я об этом помнил и собирался подняться к скалам. В напарники хотел было взять Коцаренко, помнишь такого? – спросил Симаков.

– Обижает, Васильич, прекрасно помню! Хороший мужик! – восторженно ответил Генка.

– Я ему ни о чём до последнего момента не хотел говорить. Он после Военной Академии у нас в округе большим военным начальником стал. Не получилось в тот год ничего. Радикулит меня свалил. Да, это даже не радикулит был, с радикулитом бы я справился. Нерв между позвонками защемило. Ни лечь, ни встать, ни сесть. К врачам обратился, а те мне говорят, что операцию надо делать. Никаких гарантий об удачном исходе не дают. Левая нога стала отниматься. Зина Егору позвонила в Москву, а тот уже там, по своим каналам, договорился положить меня в кремлёвскую клинику. В самолёт на носилках заносили. Буквально в течение двух суток сделали все необходимые обследования и прооперировали. Потом врачи сказали, что ещё бы неделя, другая и операция была бы бесполезна. Мне светило остаток дней в инвалидном кресле провести. В середине мая была операция, месяц в клинике провёл, ещё два месяца в Москве под наблюдением врачей. Только в конце августа разрешили домой улететь. Не смог я в то лето к скалам сходить. Вот такая незадача получилась, Гена, – сокрушённо пояснил Симаков.

– Тяжело тебе пришлось, – посочувствовал Генка.

– В принципе, после операции я в горы с рюкзаком больше и не ходил. Однодневные прогулки, налегке, каждый выходной, а походы остались в прошлом. Жаль, но что делать? Годы летят и с каждым прожитым днём мы всё больше и больше отдаляемся от своей молодости, зрелых лет, здоровья. Стареем Гена, стареем, но прожитого не жаль, всё у нас было хорошо, не так ли? – и Симаков с улыбкой посмотрел на Кулакова.

К вечеру за Кулаковым зашёл Хамид. Генка уже проснулся, но продолжал лежать на своём ложе. Встать не хотелось. Он просто лежал и думал. Думал о том, что будет дальше? Как выбраться из этой чужой страны? Хамид зашёл в сопровождении Исмаила. Исмаил сказал Генке, что Кулакову пора перебираться в дом Мустафы.

– Нет-нет, Геннадий Петрович, я тебя не выгоняю из своего дома! Но в данном случае мы должны выполнять распоряжение Мустафы. А он приказал, чтобы ты и Хамид жили в его доме и во всём помогали его престарелой матери. А чего там помогать? Скотину накормить, навоз убрать, дров наколоть, да воды принести. Весь наш скот на зиму в нижний кишлак отправили. Там зимой снег редко бывает, трава зеленая круглый год. Правда, летом всё выгорает, поэтому летом весь наш скот и скот нижнего кишлака у нас. По весне, когда снег сойдёт, будет тебе работа. Будешь с овцами, да козами по горам лазать. А пока за скотиной ухаживай, которую мы себе на пропитание оставили. Вечерами, когда будешь свободный от всех дел, заходи ко мне в дом, чаю попьём, поговорим. Я скажу Хамиду, чтоб он отпускал тебя ко мне, когда делать будет нечего. Книги у меня можешь брать, читай! Всё легче жизнь будет казаться. Ну, давай, иди! Хамид тебя ждёт! – сказал Исмаил.

– Спасибо тебе, Исмаил. Вижу я, ты хороший и добрый человек. Мир твоему дому. Я очень рад нашему знакомству, – и Генка пожал Исмаилу руку.

Дом Мустафы находился рядом и внешне был очень похож на дом Исмаила. Когда мужчины вошли внутрь дома через низкую дверь, их встретила маленькая, сухонькая старушка, которая косо бросила взгляд на Кулакова и начала что-то строго выговаривать Хамиду. Хамид стоял, понутив голову, и молча выслушивал недовольство старухи. Наконец та перестала ворчать и удалилась. Генка начал оглядываться по сторонам и отметил, что внутри дом такой же, как и дом Исмаила. Великолепные ковры украшали стены большого зала, а на коврах висели картины в золочёных рамках. Генка не был большим знатоком по части изобразительного искусства, но видел, что это были не дешёвые репродукции, а настоящие картины, писанные маслом. Кулаков насчитал 12 картин. Под каждой картиной висело какое-нибудь оружие, старинное огнестрельное или холодное. У Генки создалось впечатление, что он находится в одной из комнат какого-нибудь восточного эмира или шаха.

Хамид жестом показал Кулакову следовать за собой, и они опять вышли во двор. Во дворе Хамид подошёл к пристройке и открыл дверь, приглашая Генку войти внутрь. Помещение, куда вошёл Кулаков, чем-то напоминало то, в котором Генка лежал, когда был раненый. Такая же печка, такой же набор мебели и кухонной утвари, такие же нары и матрасы. Генка сразу понял, что в этой комнате ему придётся жить вместе с Хамидом не один день. Хамид опять-таки показал жестом Кулакову на его спальное место, а сам сел на свои нары, давая понять, где и кто будет спать.

Потянулись бесконечно однообразные дни. Генка давно потерял им счёт. Какой день недели, какое число, всё это не имело никакого значения. Работа была ежедневная, без всяких выходных и праздников. Кулаков должен был каждое утро натаскать воды из родника, находящегося в 150 метрах от дома. В доме имелось две ёмкости, литров по сто каждая, сваренные из нержавеющей стали. Где Мустафа заказывал эти ёмкости и как их доставили в кишлак, он решил немного позже спросить у Исмаила. Кстати говоря, у Исмаила стояли такие же ёмкости. На это занятие у Генки уходило времени чуть больше одного часа. Куда старуха девала около двухсот литров воды в день, для Генки осталось загадкой. После утренней зарядки с водой, следовал символический завтрак из кислого молока, лепёшки и чая. Затем шла работа в кошаре, кормёжка скота, пара десятков овец и коз, и уборка навоза. До обеда Кулаков управлялся с этой работой. Проблемы с дровами и отоплением решались после обеда. Работа была не тяжёлая, но однообразие утомляло.

Дня через два, после того как Генка появился в кишлаке, выпал снег, который пролежал всю зиму. Ночами было очень холодно, особенно утром, когда надо было таскать воду,

но за этим занятием Кулаков отогревался. Неожиданно вечером, по Генкиным подсчётам примерно через месяц, появился Вахид. Он зашёл в пристройку, когда Хамид и Генка пили чай и каждый пробовал учить друг друга своему языку. Надо сказать, что у Хамида в этом деле способности были намного лучше, чем у Генки, хотя Генка и знал уже много обиходных слов на «дари». Вахид поздоровался с Хамидом, Генке кивнул и сказал Хамиду, что Инженера Мустафа ждёт у себя дома. Генка и сам понял, просто махнул рукой Хамиду, когда тот попробовал объяснить Генке, что сказал Вахид. Кулаков накинул на себя грязно-серый балахон и пошёл в дом Мустафы. Мустафа и Исмаил сидели, а вернее сказать, лежали возле стола и прихлёбывали горячий чай.

– А, Инженер! Здравствуй Инженер! Мне уже сказали, что ты хорошо себя ведёшь! Это хорошо. Но для тебя плохие новости, для меня плохие новости. Нехорошо! Ладно, садись пока, чай себе наливай, – снисходительно разрешил Мустафа.

– Спасибо, я уже чай попил, – сказал Генка и присел за стол.

– Узнавал я через своих людей, больших людей, – Мустафа поднял указательный палец правой руки вверх, – нет Кулакова инженера-связиста в Афганистане. Улетел в Москву! Вот, посмотри, справка с твоего посольства, – Мустафа положил перед Генкой справку, – что ты улетел. Закончил работу и улетел домой. Не знаю я, кто ты такой! Кто ты?

– Сколько раз тебе говорить, Мустафа, что я Кулаков Геннадий Петрович, инженер-связист. Если ты веришь этой справке, то это твоё дело. Но я не улетел в Москву, а сижу сейчас перед тобой! Я и сам не пойму, почему тебе или кого ты просил, дали такую справку? Обычно посольство таких справок не даёт, – возмутился Генка, в тоже время, внимательно изучая справку.

– А мне, вот, дали! – растягивая слова, сказал с гордостью Мустафа.

– Да вижу, что дали, только всё это фикция! – глядя прямо в глаза Мустафе, сказал Генка.

– Что такое фикция? Ты что говоришь? – Мустафа перевёл взгляд на Исмаила, как бы требуя разъяснения этого слова.

– Фикция, это..., – и Исмаил начал объяснять Мустафе значение слова на своём языке.

– Нет, это не фикция! – выслушав разъяснение Исмаила, возразил Мустафа, – Это настоящий документ! Печать есть! Вот, подпись, тоже есть!

– Я не подвергаю сомнению печать и подпись, они подлинные...

– А я что говорю?! Это не фикция! Это документ! – распалялся Мустафа.

– Документ это, документ! Успокойся Мустафа! Я и сам не могу понять, почему советское посольство от меня отказывается? Оно должно беспокоиться о судьбе советского человека! А тут получается, что советская власть делает всё возможное, чтобы обо мне никто, и ничего не знал. Нет человека и нет проблем! Но я сижу перед тобой живой и уже здоровый. Своей смертью, пока, умирать не собираюсь. Не веришь мне – твоё дело. Доказывать тебе, что я не верблюд, а инженер-связист, не собираюсь! – и Кулаков подвинул к Мустафе посольскую справку.

– Какой верблюд? Зачем верблюд? У меня есть верблюд! Не один верблюд! – Мустафа начал размахивать руками, но тут его с улыбкой успокоил Исмаил, сказав несколько слов на своём языке, – А, шутки шутишь, Инженер! Ну, ладно, шути, – разрешил Мустафа.

– Мне не до шуток, Мустафа! Раз тебе в посольстве выдали такую справку, то там считают, что меня нет в живых. Это обидно, очень обидно, когда ты ещё живой, а тебя уже похоронили! Жалко мне Мустафа тебя. Ты не сможешь поменять меня на своего сына, потому что я, по их версии, нахожусь в Союзе. Жалко мне и себя, потому что теперь мне придётся жить всё время на чужбине. Вот такие у нас печальные дела, – с горестью подвёл итог Кулаков.

– Инженер! У меня для тебя есть и хорошая новость! Я тебе говорил, что знаю ещё одного инженера, который в Америке большой человек стал. В Читрале его семья живёт. Видел я его недавно, разговаривал. О тебе разговаривал. Говорил ему, что у меня есть русский инже-

нер-связист, как ты себя зовёшь. Говорил, что ты Кулаков Геннадий Петрович. Рустам очень удивился и сказал, что может быть, – тут Мустафа опять поднял указательный палец правой руки, – он тебя знает. Он говорил мне, что хочет тебя видеть. Только сейчас у него времени нет. В Америку улетел. Весной вернётся. Когда снег в горах уйдёт я тебя повезу к Рустаму.

– Мустафа, а фамилия Рустама не Сайдулаев? – спросил Генка.

– Вах, Инженер! Ты совсем смешно спрашиваешь! Это у вас, у русских есть имя, фамилия и ещё, как это? По отцу называют...

– Отчество, что ли? – подсказал Генка.

– Вот, отчество! У нас совсем по-другому зовут. Откуда я знаю, как фамилия Рустама? Рустам, он и есть Рустам! Лет ему, может столько, сколько и тебе. Он говорил, что в Ташкенте учился.

– Я тоже в Ташкенте учился. Был у нас в группе узбек, его Рустамом звали. Вместе в общежитии, в одной комнате два года жили, как сейчас с Хамидом. Когда закончили учёбу в институте, мы одно время переписывались, а потом, после Ташкентского землетрясения, потерялся он где-то. Мой адрес не изменился, а письма, которые писал я ему, вернулись назад с пометкой: «Адресат выбыл». Так что я до сих пор не знаю, что с ним случилось.

– Может, ты и правду говоришь. Рустам мне говорил, как он в одной комнате с русским жил. А вот я тебя сейчас проверю. Откуда ты приехал учиться в Ташкент? – хитро прищурившись, спросил Мустафа.

– Из Алма-Аты я приехал. У нас был техникум связи, а при техникуме филиал Ташкентского института связи. Три первых курса учился в Алма-Ате, при техникуме, а последние два должен был учиться в Ташкенте. Вот тогда я и познакомился с Рустамом. А Рустам, как он мне говорил, в Термезе родился. Это я тебе говорю, чтоб ты лишних вопросов не задавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.